

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

ВПЕРВЫЕ:
ТРИЛОГИЯ
ПОД ОДНОЙ
ОБЛОЖКОЙ

Сценарии судьбы
Тонечки Морозовой

ТРИ ЖЕНЩИНЫ. ТРИ УБИЙСТВА. ОДНА КРОВЬ.

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
**Сценарии судьбы
Тонечки Морозовой**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Сценарии судьбы Тонечки Морозовой / Т. В. Устинова —
«Эксмо», 2023 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-189818-2

Насте семнадцать, она трепетная и требовательная, и к тому же будущая актриса. У нее есть мать Тонечка, из которой, по мнению дочери, ничего не вышло. Есть еще бабушка, почему-то ненавидящая Настинного покойного отца – гениального писателя! Что же за тайны у матери с бабушкой? Тонечка – любящая и любимая жена, дочь и мать. А еще она известный сценарист и может быть рядом со своим мужем-режиссером всегда и везде. Однажды они отправляются в прекрасный старинный город. Ее муж Александр должен встретиться с давним другом, которого Тонечка не знает. Кто такой этот Кондрат Ермолаев? Муж говорит – повар, а похоже, что бандит... Когда вся жизнь переменилась, Тонечка – деловая, бодрая и жизнерадостная сценаристка, и ее приемный сын Родион – страшный разгильдяй и недотепа, но еще и художник, оказываются вдвоем в милом городе Дождеве. Однажды утром этот новый, еще не до конца обжитый, странный мир переворачивается – погибает соседка, пожилая особа, которую все за глаза звали «старой княгиней»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189818-2

© Устинова Т. В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Серьга Артемиды	7
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Татьяна Витальевна Устинова

Сценарии судьбы Тонечки Морозовой

© Устинова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Серьга Артемиды

...Знаменитая артистка лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

– Прекрати сейчас же.

– Как ты думаешь, зачем она там легла?

– Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

– Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

– Она... почему она лежит?! – вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями – так ей вдруг сделалось страшно.

Утром этого же дня

...Ну вот, опять!.. Начинается! Опять она зовет – что-то ей понадобилось! Ну, невозможно! Ну, невыноси-и-имо!..

– Что еще?!

– Настя, брось телефон и подойди ко мне.

– Заче-е-ем?

Пауза. Словно она там, внизу, оглохла!

– Заче-е-ем, спрашиваю?!

– Зате-е-ем!

...Ни за что не пойду. Вот ни за что! Пусть она хоть сколько там орет. У меня дела, что тут непонятного? Важные, настоящие дела: перепостить кота, такой прикольный, а разослать не успела, отвлеклась на Соню. У кота та-акой бант и спит прям как человек. А Соню лайкнуть надо? Надо! Она фотки завтрака выложила, все так красиво-красиво, а лайков всего семнадцать, обидится еще. Нельзя, чтоб обиделась, она кул, иногда зовет в свою тусу, а туса у нее что надо. Еще к Марьяне зайти, говорят, она Рустама из друзей удалила, нужно проверить.

– Настя!

– Ба, отстань, я занята.

– Ты ничем не занята. Спускайся немедленно!

...Только-только кота перепостила!..

Настя спешно лайкнула Соню – она кул! – сунула телефон в задний карман джинсов и, выбегая из комнаты, изо всех сил бабахнула дверью – чтоб мало никому не показалось.

Старый дом содрогнулся.

Дом содрогнулся, а *она* – хоть бы хны. Так и стоит возле лестницы, лицо деревянное, спина выпрямлена, руки по швам – истукан!..

– Я занята, на тур сейчас поеду! У меня экзамен! Ты что, не в курсе?! Я готовлюсь!

– Не морочь мне голову, – отрезала бабка-истукан, – ни к каким экзаменам ты не готовишься. И не готовилась!..

– Готовилась! Я готовилась!..

– Возьми лейку и полей гортензию, которая возле крыльца. Мне тяжело.

– Ба, у меня экзамен через три часа!

– А я гортензию только что посадила, – ответствовала бабка, словно какая-то гадкая гортензия имела значение! – Ее нужно полить.

Бормоча себе под нос ругательства, негодуя и злясь, Настя помчалась в прихожую. Когда она пробежала мимо бабки, та ловким движением выхватила у нее из кармана джинсов телефон.

– Ты что-о-о?! – завывала Настя, хватаясь за опустевшую без телефона, словно чужую задницу. – Заче-е-ем?!

Бабушка усмехнулась, вздернула брови и ответила, что при поливе гортензии телефон не требуется.

Настя слышала, как он, бедный, издает призывные звуки – в чужих руках!.. Он призывал Настю туда, где кипела жизнь, выкладывали фотки, лайкали, постили и перепостили. Там ждали ее, Настю, там обменивались смешными шутками и важными новостями, в мессенджерах кипели недюжинные страсти, а Настя уже целую минуту... ни при чем. Она не живет уже целую минуту!

И потом. Она хорошо знает свою бабку!.. Та вполне может отобрать телефон до вечера, раз уж она его добыла!..

– Ба, – заговорила Настя плачущим голосом. Нужно как-то разжалобить противника, но разве *такую* разжалобишь! – Я полью эти твои гладиолусы и еще чего-нибудь полью, но телефон мне нужен, понимаешь?.. Он мне для института нужен! Вдруг там что-то произойдет, а я даже не узнаю!

– Например, что? Произойдет? – осведомилась безжалостная бабка.

– Я не знаю! Отменят или перенесут! Или вообще!..

– Вообще ты сейчас польешь гортензию, потом выпьешь чаю с бутербродом и поедешь в институт.

– Без телефона?!

Бабушка засмеялась – ух как Настя ее в этот момент ненавидела! – и ушла.

Роняя вещи и пиная все, что попадалось на пути, Настя напялила раздолбанные зеленые галоши – их она тоже ненавидела изо всех сил – и выкатилась на улицу.

– Я актриса! – заорала она во все горло в сторону окон, за которыми, по ее мнению, притаилась бабка. – Я не стану поливать ваши долбанные цветы и носить ваши сраные галоши!.. Я уеду, уеду!.. И вы меня не заставите!.. Я поступлю и перееду в общагу!.. И слова тебе больше не скажу! Никогда!.. И ты пожалеешь!

– Настя, лей под корень, – мирным голосом сказала бабка у нее за плечом. – Ты больше проливаешь.

Оказывается, змея не гнездилась в доме, а выползла через заднюю дверь и подкралась.

Настя вылила воду из старой-престарой садовой лейки и ринулась к кадушке зачерпнуть еще.

– Я стану знаменитой на весь мир! – говорила она страстно. – Я буду сниматься у самых великих режиссеров. И вы узнаете!.. Вы пожалеете все, все!.. А ваши гортензии пусть лучше подохнут!..

– В котором часу у тебя испытание? – как ни в чем не бывало осведомилась бабушка, когда внучка подволокла лейку.

– Я не знаю! – заорала Настя. Толстая струя воды выхлестнулась из рыхлой земли и залила галоши верхом. И на джинсы попало! – Ты телефон отобрала! И это не испытание! Это тур! Приемный ту-ур! Ты что, не понимаешь?!

– Я не понимаю, как связаны телефон и время испытания, – сказала бабушка. – Нужно еще одну лейку. Или время назначает сам телефон?

– Время назначает приемная комиссия, чтоб ты знала, дорогая бабуля! – Настя долила воду и вновь помчалась к кадушке. – Но его могут перенести! Ты понимаешь? Пе-ре-нес-ти! А я не узнаю!..

– Если время перенесут, повесят объявление. Ты явишься в институт и все узнаешь.

– Бабушка, сейчас так никто не делает! Не де-ла-ет ник-то! Все узнают новости в пнете!..

– Бог в помощь, – ответствовала бабушка, не дрогнув. – Поставь лейку под навес, прими душ, переоденься и за стол. У тебя мало времени. Разумеется, я в маразме, но время испытаний помню без всякого телефона. Оно назначено на три.

После чего змея уползла в дом.

Настя проводила ее ненавидящими глазами.

...Они ничего не понимают, ни бабка, ни мать! Ничегошеньки!.. Конечно, они совсем старые – матери в этом году стукнуло сорок, рехнуться можно, а бабке вообще никто не знает сколько, может, даже шестьдесят. Но и у старых куриц должны быть какие-то мозги в голове! Настя будет актрисой, она так решила давным-давно, лет в пятнадцать! Это ее призвание, ее выбор! Она творческий человек – в детском саду рисовала прилично, у матери сохранились альбомы с домиками и снеговиками. На всех утренниках была то Снегурочкой, то Весной, то Принцессой. И еще у нее голос, она поет! И делает красивые прически! Однажды матери сделала причесон на какой-то скучный корпоратив, так мать потом говорила, что все спрашивали, в какой парикмахерской она побывала! Настя будет актрисой, поступит в театральный и станет сниматься в кино. Бабка язвительно возражала, что в кино готовят в кинематографическом, а не в театральном, но какая разница! Вот какая?! Если ничего не понимаешь, молчи лучше! Настя в пнете изучила блоги великих актрис, и они все закончили театраль-

ный!.. И Светлана Дольчикова, и Эльгиза Тухерова, и Аня Бесовская! Впрочем, что Дольчикова и Тухерова! Настя непременно будет сниматься в Голливуде, в «Игре престолов»! То, что показали якобы последний сезон, – это все глупости! Институт пролетит быстро, подумаешь, четыре года, и она сразу же начнет сниматься. «Игра престолов» – гениальное кино, гениальное, его создатели еще сто раз передумают и продолжат снимать, а Софи Тернер и Мэйсон Уильямс к тому времени совсем постареют, им будет к тридцати.

...Какой ужас – тридцать лет!..

Надо же, бабка телефон отобрала! Он нужен как воздух, этот телефон!.. Вот что сейчас обсуждают в группе «Мы звезды»?! Настю на предыдущем прослушивании подписали! В этой группе все самые клевые чуваки с абитуры, и все ненавидят блатных! Ну, тех, о которых известно, что они уже заранее поступили, всякие дочки-сыночки! Настя, разумеется, блатных тоже ненавидела – от зависти. Вот никто, ник-то, ни мать, ни бабка, не позаботился о ней, начинающей актрисе, как следует!.. О ней некому хлопотать. Мать нуль, пустое место, торчит в своем учреждении с утра до ночи, да еще работу на дом берет, сидит по вечерам за столом, строчит какие-то отчеты. О бабке и говорить нечего, откуда у нее связи!.. В молодости она работала в Пушкинском музее, Настя в этом самом музее каждый закоулок знает, каждую дверь, каждый пожарный выход! И что толку?.. Вот что толку?! Вот как это так, всю жизнь прожить и не нажить никаких, даже вот такусеньких связей! Настя, как только станет сниматься в Голливуде, тотчас же заведет дружбу со всеми знаменитыми блогерами, интернет-журналистами, сетевыми писателями и поэтами!.. Говорят, еще со спортсменами модно дружить, значит, и с ними тоже зафрендится!.. И у нее будет сколько угодно связей!..

В своей комнате, где царил не просто разгром, а сущий хаос, как в магазине китайского секонд-хенда после налета стихии, Настя принялась остервенело раскапывать курганы барахла. Ей нужно выглядеть!.. Вы-гля-деть! Она должна понравиться! В группе «Мы звезды» девчонки уделяли внешнему виду особое внимание. Некоторые говорили, что хорошо бы посерьезнее – очки там, юбка-карандаш, блузка под горло и сумка «Гуччи», с пристрастием выбранная на рынке «Садовод». Другие активно возражали – смотрят не на очки и сумку, а на красоту! Красо-ту! Что в первую очередь требуется от актрисы? Правильно, чтоб была красивой!..

Настя решила быть красивой – ультракороткая юбочка, полосатые гольфы, топик, чтоб пупок чуть приоткрыт и чтоб с одного плеча спадала бретелька. Туфли, туфли... какие же сюда туфли? Хорошо бы лакированные, открытые – так сейчас носят, так модно, открытые туфли на носки! Но таких туфель не было, что там мать зарабатывает, одни слезы, не допросишься ничего – Настя обвела глазами курганы одежды, – значит, кеды. Да, пусть будут кеды.

Почти постанывая от жгучего, злобного нетерпения – хоть бы скорей вернуть телефон, хоть бы скорей! – она сделала контуринг, навела брови, нарисовала стрелки. Настя была счастливой обладательницей палетки «от Кайли» – отдала за нее все накопленные деньги!..

Волосы она подвила еще с утра и специальным образом спрятала под косынку – нужно просто потряхнуть головой, и они рассыплются локонами.

– Настя, тебе пора, – объявила бабка.

– У меня нет телефона, я не знаю, сколько времени! – проорала внучка в ответ.

– Около двенадцати, – проинформировала бабка. – И следует говорить не «сколько времени», а «который час», ты прекрасно это знаешь. Спускайся.

Когда Настя сбежала с лестницы, стол был уже накрыт – что-то такое в тарелке и что-то в кружке. Бабка-змея в кресле шуршала газетой. Поглядите на нее! Она до сих пор газеты читает, как... как первобытный рептилоид!..

Завидев внучку, бабка несколько изменилась в лице и отложила газету.

– Что?! – рявкнула Настя. – Что ты на меня уставилась?! Где мой телефон?! И есть это я не буду! Это люди не едят, известно тебе? Дай мне тысячу, я куплю в «Грядке» киноа и фраппе на миндальном! И поем как человек!

– Зеленые щи и морс, – парировала бабка. – Пока не съешь, никаких телефонов.

– Я не стану это есть!..

– Не ешь, – легко согласилась бабка. – Тогда удачи тебе на испытаниях, внучка. Электричка через сорок минут, ты успеваешь с запасом.

– Отдай телефон! Сейчас же!..

– Щи и морс.

– Нет!

– Тогда удачи.

...Плакать нельзя. Никак нельзя плакать! Глаза потекут, контуринг поплывет. Господи, что ей, молодой актрисе, приходится выносить, какие претерпевать страдания! И перед самым ответственным в ее жизни событием!..

...Впрочем, где-то, то ли как раз у Дольчиковой, то ли у Тухеровой был пост про страдания. Это, мол, полезно для карьеры. Чего-то там потом с ними нужно делать, со страданиями, как-то перерабатывать, что ли, и из этого выходит что-то, режиссерам нравится.

Глубоко и сильно дыша от ненависти и страданий, Настя уселась за стол и принялась за щи.

Страдания переработались очень быстро! Щавелевые щи с ломтиком яйца, изрядным куском разварного мяса, с молодой картошкой и сладкой ватрушкой вприкуску – бабушка всегда подавала сладкие ватрушки к щавелевым шам – будущая актриса любила с самого детства. Разлюбила только недавно, когда выяснилось, что щи, да еще с мясом, запрещены, а уж ватрушки! Кто-нибудь знает, сколько в них глютена?! И тесто бабка ставит на самом примитивном коровьем молоке, не на миндальном или кокосовом!

Настя умяла вторую ватрушку, доела щи и залпом выпила морс.

– Ну вот, я съела. Где телефон?..

– Позвони, как освободишься, – велела бабка. – До ночи нигде не болтайся. Как только тебя... В общем, сразу езжай домой.

Настя исподлобья смотрела на нее. Все ясно! Старуха не верит в ее, Настин, успех. Она заранее знает, что не будет никакого успеха, а будет провал.

...Вот вы все посмотрите! Вы узнаете! Вы не верите, вы надо мной издеваетесь, телефоны отбираете, а я вам всем докажу! Я стану знаменитой и в вашу сторону вообще больше ни разу не посмотрю!..

– Телефон у тебя в рюкзаке, – как ни в чем не бывало продолжала бабка. – И мой тебе совет, Настюша...

– Не нужно мне советов, – пробормотала внучка. Она рылась в рюкзаке, сердце у нее дрожало, она чувствовала, что телефон где-то рядом.

– Постарайся, – сказала бабушка. – Вот просто постарайся. Со стороны всегда видно, когда человек старается.

Настя прижала телефон к груди. Господи, сколько там всего неотвеченного, непросмотренного, неохваченного – жизнь, целая жизнь мимо прошла!

– Чем советы идиотские давать, помогла бы лучше. – Настя зашнуровала кед, перекинула локоны на другую сторону и принялась за второй. – Мы как в пустыне живем, ни связей, ни знакомств, ни-че-го!.. Если б хоть кто-нибудь за меня попросил! Кто-нибудь!

– В актрисы не идут по звонку.

– Ты знаешь, какой в этом году конкурс?! Или мать, может, знает?! Восемьсот человек на место! Почти тыща!..

Бабушка помолчала.

– Будем надеяться, из них выберут самых достойных.

Настя хотела заорать и затопать ногами, но бабушка легонько подтолкнула ее в спину и незаметно перекрестила.

– Не задерживайся, – напоследок сказала она в спину внучке, когда та уже мчалась по дорожке.

– Да ладно! – крикнула будущая актриса, не оборачиваясь.

Она на ходу смотрела в телефон, торопливо листала сообщения, захлебываясь от нетерпения.

– Беда, – констатировала бабушка.

В Настиной «десятке» в основном все были... топ. «Луки» котировались по-нормальному. Настя незаметно оглядела себя – все круто, пипец!.. Правда, ее немного расстроило, что среди девиц оказалась ну очень похожая, прям сестра-близнец. Но та была как раз в лаковых красных туфлях. Может, и хорошо, что мать-нищенка Насте таких в свое время не купила?..

В аудиторию запускали сразу всю «десятку», на середину паркета вызывали по фамилии, слушали плохо. Особенно один, громадный, как лесничий Хагрид, весь заросший кудрявым волосом, – вот кого Настя сразу невзлюбила!.. Он мешал всей приемной комиссии, чего-то все копался в своем телефоне, беззвучно хохотал, разевая белозубую пасть, совал телефон за спинами, и экзаменаторы оглядывались, передавали, смеялись, – вот зачем ему в таком ответственном деле, на приемных турах, телефон?!

Когда очередь дошла до Насти, стало ужасно... неловко и страшно. Куда-то делась вся уверенность в себе. Зачем-то она стала одергивать юбочку, хотя ноги у нее сногшибательные, это точно, поправлять бретельку, задуманную неспроста, подпихивать под лифчик, чтоб не сваливалась, и сексуальный топик задирался на животе, а живот у нее – слабое место. Кубиков мало.

Волосатый и зубастый равнодушно сказал:

– Представьтесь, пожалуйста, – и не поднял от телефона глаз.

Будущая звезда пролепетала, что звать ее Настя, фамилия Морозова, родилась и выросла в Москве, в этом году заканчивает школу – тут она забыла номер школы. Умеет петь и танцевать – зачем ляпнула, дура, сейчас закатают на какое-нибудь эстрадное отделение?!

– Так, может, пусть сразу спляшет? – оживился волосатый, не отрываясь от телефона.

– Секундочку, Игорь Маркович, – перебила строгая дама в очках, по слухам, в прошлом великая актриса, а сейчас гениальный педагог. – Девушка явно готовилась. Это видно невооруженным глазом. Начинайте, девушка.

У Насти готов был Бродский, про «скобки года», басня «Лиса и Бобер» и монолог этой дуры Наташи Ростовской, которая хотела полететь с балкона.

Прервали ее почти сразу, на Бродском.

– Достаточно, – объявил волосатый и мельком на нее глянул. – Все, все, вы свободны.

– Да, но у меня еще эта... как ее... Наташа... и бобер потом...

– Списки смотрите, – велел волосатый. – Будут списки, там смотрите!.. Давайте следующего!

Тут произошло неожиданное: он вдруг высоко подкинул телефон, поймал, ловко сунул в карман – кажется, прямо карманом поймал! – поднялся, раскинув руки, и пошел на Настю с воплем:

– А-а-а!.. А-га-га-а-а!..

Настя в панике скакнула в сторону, как коза.

– Вот кого я ждал! Вот ради кого мучения принимал нечеловеческие! А она! Вечно опаздывает, Лиса Патрикеевна!..

И набросился с объятиями на тоненькую и хорошенькую девушку, как-то незаметно проскользнувшую в экзаменационный класс и оказавшуюся как раз за спиной у Насти.

Хорошенькая и тоненькая засмеялась неожиданно низким смехом, почти басом, и вдруг... Настя ее узнала. Все ее узнали.

Знаменитая артистка Светлана Дольчикова, в кино высоченная, гладкая, длинноногая, на самом деле оказалась маленькой и очень худой девушкой – локоть, на котором висела сумочка, выпирал, как шило из мешка!.. Лицо очень бледное, прямо белое, может, от того, что не накрашенное совсем?.. Следом за ней вошел крепкий мужик средних лет, наоборот, очень загорелый, прямо индеец из фильма про детей капитана Гранта!.. Насте в детстве страшно нравилось это кино!

– Иди, иди! – Волосатый и огромный подтолкнул знаменитую Дольчикову к столу приемной комиссии. – Посиди за меня!.. Посмотри, какая талантливая молодежь к нам в этом году ломится!.. Давай-давай!.. А мы вот с Александром Наумовичем поговорим пока!.. А, Наумыч?..

Хм, не очень-то он с ней почтителен!.. А это же сама Дольчикова! Такая знаменитость! Из самого что ни на есть первого ряда, все ее снимают, ну вот – все!..

Настя еще сильнее невзлюбила волосатого, о чем и сообщила в коридоре какому-то претенденту на актерскую долю, торчавшему под самой дверью класса.

– Ты че, не в себе? – обидно спросил претендент. – Это ж сам Серебряйский, ректор. Он на прослушиваниях никогда не бывает, вообще непонятно, почему сегодня приехал!..

– Подумаешь, ректор! – фыркнула перепуганная насмерть Настя. Сам ректор не стал ее слушать, вот ужас-то! – Ты видел Дольчикову? Вот это – да-а-а!..

– Че да-то? – перебил претендент, вытягивая шею и пытаясь расслышать, что происходит в классе. Там кто-то что-то громко говорил, довольно давно, его не перебивали, надо же. – Просто артистка, таких до мамы!..

– До мамы?! – взвилась Настя. – Ну, ты дурак совсем!..

Претендент махнул на нее рукой.

...В просторном коридоре клубилась и гудела толпа. Носились озабоченные молодые люди с какими-то бумажками. Абитуриенты сидели на полу и подоконниках, один пристроился на край керамической кадки, из которой торчала тщедушная пальма. Некоторые что-то шептали, закатив глаза, другие нервно хохотали, три девицы в углу обсуждали нечто явно секретное, потому что говорили друг другу на ухо – во всем этом гудеже! – то и дело заговорщицки оглядывались по сторонам.

Настя нервно облизала губы, потом вытерла их тыльной стороной ладони. Остался след алой губной помады. Она же собиралась быть на экзамене очень красивой!

...Как это Дольчикова ходит совсем без косметики, лицо словно мукой обсыпано?..

Парень, сидевший на краю кадки, держал на коленях толстую книгу и читал, не поднимая головы, словно там было написано невесть что такое. Настя прошла мимо, пытаясь рассмотреть, что он читает, но не рассмотрела.

...Господи, когда уже будут эти дурацкие списки?!

Она пролистала в телефоне сообщения – еще утром запостила, что сегодня прослушивание, и все желали ей удачи. Какой удачи, она по коридору слоняется, ее даже слушать не стали, и нет никакой удачи!.. Лайкнула Соню – она кул. Соня выложила фотки с «позднего завтрака» где-то на Патриках, и Настя вдруг остро ее возненавидела. Конечно, легко «поздно завтракать» на Патриках, когда у тебя папаша богатенький и мамаша похожа на Кьяру Ферраньи, крутейшую блогершу!.. И фотки красивенькие выкладывать легко, а вот поди попробуй в театральный поступить, да еще без всякого блата!..

...Парень на кадке почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат, оторвался на миг от своей книги, обвел взглядом толпу и опять уткнулся. Настя замерла.

Он оказался красивым. Очень. Тонкое лицо, четкие скулы с пролезшей щетиной, длинный нос, очень ему шедший, – если человеку на самом деле может идти его собственный нос!..

Вот кого точно примут! Просто за красоту. Вообще не понадобится басня «Лиса и Бобер».

Настя моментально забыла Соню, Марьяну и Рустама – может, Соня уже зафрендил его обратно?.. Настя даже об экзамене позабыла и о ректоре, которого возненавидела, – так ей понравился парень.

Она прошла мимо кадки раз, другой. Он больше не поднимал головы, только еще раз почесался, и Настя восхитилась рукой – длинные пальцы, нервная кисть.

Тогда она кинулась и пристроилась рядом, на край. Стало холодно в груди, а щеки, наоборот, загорелись.

Парень взглянул на нее.

– Сесть негде, – залихватским тоном объяснила Настя и подбородком показала на толпу. – Это все потому, что в школу никому не надо аж до одиннадцатого мая, праздники же! Привет!

– Да, многовато людишек, – согласился парень. У него и голос оказался приятным! – Привет!

И вновь принялся за чтение.

Настя заглянула в книгу. Там какой-то Григорий куда-то волок какую-то Аксинью. Вот дикость!..

– Ты что, это читать будешь?!

– А?

– У тебя монолог отсюда?! Ты че, кто это будет слушать?! Они даже стихи не слушают!..

– Кто... не слушает?

– Они, – Настя мотнула головой в сторону экзаменационного класса. – Или ты уже читал?

– «Тихий Дон»? – спросил парень в изумлении. – Конечно, читал. Но сейчас время есть, я перечитываю.

– Твою десятку уже вызывали? Ты к какому мастеру поступаешь?

Парень захлопнул книгу. На обложке было набрано строгими буквами «Тихий Дон».

В школе проходили этот самый «Дон», даже сочинение по нему давали, но ловкая Настя умудрилась написать не читая. Когда ей всякую старинную дребедень читать?!

Настя незаметно выдернула бретельку майки из-под лифчика, чтоб красиво спадала, и втянула живот. От втягивания ее сильно качнуло назад, в кадку, и парень поддержал ее под спину.

Рука у него... боже, какая у него рука!..

– Мастер у меня профессор Якобсон Михаил Григорьевич, – сказал парень. – То есть декан. Я поступил в прошлом году, и не сюда, а в ИСАА.

– Что это такое – иисаа?

– Институт стран Азии и Африки, – объяснил парень обстоятельно. – Не знаешь?..

– Ты что, не поступаешь в театральный?!

– Нет, – он вздохнул. – Я год назад поступил в ИСАА.

– А почему ты тогда... здесь?

– Я с другом хожу. Он один раз уже завалил, боится, что опять завалит. Я для моральной поддержки.

Настя от горя чуть не зарыдала. Он не поступает!.. Он просто так сидит на кадке!.. Она больше никогда, никогда его не увидит!..

– Как тебя зовут? – выговорила она в отчаянии, словно уже прощаясь с ним навсегда.

– Даня, – сказал парень. – Данила Липницкий, а тебя?

– Настя Морозова. А... «Тихий Дон»... интересная книга?..

– Великая, – сказал Данила Липницкий просто. – Папа говорит, таких книг в истории мировой литературы всего несколько.

– А у меня нет папы, – призналась Настя, очень жалея себя. – Умер.

– А у меня мама умерла. Давно, я ее совсем не помню. Папа говорит, она была... прекрасная.

Настя почувствовала себя немного лучше. Оказалось, что они оба почти сироты, у них есть общее!.. Их жизни схожи, а это гораздо круче общего института.

...И все же как жаль, что он не поступает!.. Его бы взяли. Глаза голубые. Прямо настоящему голубые глаза, яркие такие. В какую-то Африку он поступил, и Азию еще! Зачем *такому* Африка и Азия?!

– А Дольчикову видел? Дольчикова приехала, сейчас в приемной комиссии сидит! Вот ей бы я почитала! И она бы дослушала!

– Кто такая Дольчикова?..

Настя посмотрела на него и ответила:

– Великая актриса.

– А, – сказал Данила с уважением. – Я, знаешь, в них не очень... разбираюсь. Тебе с Ромкой нужно поговорить, он всех знает! И артистов, и режиссеров! В прошлом году так хотел поступить, и не взяли его, представляешь?.. Папа говорит...

Насте уже немного надоел его папа!..

Мимо прошли тот самый ненавистный ректор и загорелый мужик. Ректор жестикулировал и говорил, мужик слушал, повернув настороженное ухо.

Сквозь толпу протискивалась стремительная девушка в джинсовом комбинезоне, и ректор взревел:

– Мила! Мила!.. – Та оглянулась. – Пойди Дольчикову вызови! – И загорелому, жалобным тоном: – Сам не пойду, не могу! Я сроду на прослушиваниях не сидел, а тут с самого утра, понимаешь!.. То Онегины, то Марины Цветаевы, но самый цимес – Бродский!.. Помешались они на нем, дебилушки!.. Все до единого читают, как сговорились! А его читать – не таблица умножения, понимаешь! Уметь надо, чувствовать, ну, уж просто понимать на худой конец! А они так шпарят, без всякого разбору!..

– А я Бродского как раз читала, – прошептала Настя убитым голосом.

– Я больше Гумилева люблю, – отозвался Даня бодро. – До десятого класса больше всех любил Маяка, а потом других тоже полюбил. «Павианы рычат среди кустов молочая, перепачкавшись в белом и липком соку. Мчатся всадники, длинные копыта бросая, из винтовок стреляя на полном скаку». Разве плохо?..

– Какие павианы? Какие... всадники?..

– Гумилев. Я его люблю. А ты больше Бродского любишь?

Настя следила за стремительной Милой. Вот она влетела в экзаменационный класс, еще дверь не закрылась за ней, а она уже вылетела, волоча за тоненькую ручку словно слегка упирающуюся Дольчикову.

– Вот, вот она! – зашептала Настя Дане на ухо. – Смотри, смотри!

Тот посмотрел сначала на Настю, а потом в толпу, вовсе в другую сторону.

Бестолковый какой-то.

– Да не туда, а вон куда! Слушай, я у нее автограф возьму! Вот прямо сейчас возьму!..

...И бабке покажу! И пусть знает, с какими знаменитыми людьми ее никчемная внучка встречается, а потом будет работать, играть в одном фильме или спектакле!..

Впрочем, на автограф еще нужно решиться.

Дольчикова разговаривала с ректором и тем, загорелым. Мила нетерпеливо переминалась рядом с ноги на ногу, как видно, ректор не отпускал, а ей нужно было бежать.

Наконец разошлись!.. Ректор, протиснувшись сквозь толпу, завел приятеля в дверь с табличкой «Посторонним В», а Дольчикову Мила потащила в другую сторону.

– Пошли! – выдохнула Настя и схватила Даню за руку.

Как бы невзначай. Как бы в поисках поддержки. Ах, какие у него пальцы!.. Так бы и держала, не отпускала...

Даня следом за ней вскочил с кадки, чуть не выронив толстую книгу под названием «Тихий Дон».

– Простите! Простите, пожалуйста!

Дольчикова оглянулась.

– Можно автограф? – глядя очень-очень преданным взглядом очень-очень преданной поклонницы, выпалила Настя. – Я так вас люблю! Во всех картинах! Вы необыкновенная! Особенно в «Романсе о любви»! И в «Диких снегах»!..

Дольчикова молчала, поджав бескровные губы. В душном коридоре повеяло дикими снегами, возможно, даже льдами.

– Ну, пожалуйста! – Настя покраснела. – Просто автограф.

– Свет, я наверх, – сказала торопливая Мила. – Увидимся, да?.. Ты только после к Игорю Марковичу зайти!

– Да я сначала покурю!

Мила махнула рукой и помчалась по лестнице через две ступеньки.

– Романс о любви – звучит как-то глупо, – ни с того ни с сего брякнул Даня. – Нет, просто других не бывает! Не бывает романа о... пришельцах или, допустим, о танках.

Знаменитая актриса посмотрела на него, взгляд у нее потеплел.

– Названия фильмам даем не мы, – сказала она низким голосом, почти басом. – Давайте, где расписаться?..

Вытащила у него из-под мышки «Тихий Дон», – Даня проводил книгу глазами, – и шикарно расписалась на титульном листе.

– Это мне! – вскричала Настя. – Спасибо, огромное вам спасибо! А можно еще селфи?

– Нет, – отрезала Дольчикова. – Ни в коем случае.

И энергично ввинтилась в толпу.

– Зачем она книгу подписала? – спросил Даня с досадой. – Она же не Шолохов!..

– Да какая разница, ведь подписала! – простионала Настя, упиваясь автографом и тем, что они вместе рассматривают «Тихий Дон».

М. Шолохов, а чуть пониже, с завитушками и росчерками – Светлана Дольчикова.

– Ты заметил, какие у нее часы?

– Нет, ну она же не Шолохов!..

– Прямо как медальончик на браслете висит! А селфи было бы круто! Хотя она без макияжа страшенькая такая, удивительно даже! – Тут Настя аж задохнулась от оглушительного озарения. – Слушай, бежим за ней, может, я ее просто сфотографирую тихонько и выложу! И как это я сразу не сообразила!..

– Нет, ну почему в книге?!

Настя искренне не понимала, какая разница, где именно расписалась великая Дольчикова. В книге – прекрасно, отлично, – автограф-то получен, вот он, есть что показать «друзьям» в интернете, есть что сунуть под нос бабке, которая в Настины успехи не верит ни на грош!..

– Бежим, бежим за ней!

Красавец Даня все хныкал над своим томом, а Настя тащила его в ту сторону, куда ушла Дольчикова. В толпе ее не было видно, впрочем, вряд ли она стала бы толкаться среди абитуриентов. Должно быть, поднялась на второй этаж.

Но и на втором, и на третьем этажах высоченные старинные двери оказались запертыми – с лестничной площадки деваться некуда. Стало быть, Дольчикова на четвертом!..

– А зачем мы бежим по лестнице? – неожиданно спросил слегка запыхавшийся Данила Липницкий. – Наверху тоже экзамены принимают?..

Но Насте некогда было отвечать на его нелепости!..

Добежав до четвертого, они оказались словно на скале над морем – внизу отдаленно и глухо гудело, а здесь тишина, безлюдье, пылинки, танцующие в солнечном столбе.

...Это все прекрасно, но куда девалась Дольчикова?..

В коридоре никого не было, и дверей никаких не имелось, единственная, словно «бальная», будто из фильмов про эту дуру Наташу Ростову, – резная, с начищенными медными ручками, на стене пыльная табличка «Репетиционный зал». Настя подергала – заперто.

– Вон там, кажется, еще какой-то выход, – сказал Даня.

Настя оглянулась. В противоположном торце коридора тоже были двери, а за ними свет, море света. Настя ринулась и потянула створку, та подалась.

– Тихо! – шепотом приказала Настя и нацелила в проем телефон. – Она там, я чувствую!.. Мы сейчас осторожненько...

– Да что происходит-то?! – с громкой досадой спросил ее спутник, перехватил дверь, дернул и распахнул. Открылся выход на просторный балкон, весь засыпанный окурками. С балюстрады местами поотваливалась штукатурка. Старинная плитка вздыбилась, кое-где ее не было вовсе. В самом углу балкона дрожала листочками молодая березка.

– Никого, – упавшим голосом сказала Настя и опустила телефон. – А куда же она могла?..

И тут они оба ее увидели.

Светлана Дольчикова, знаменитая артистка, лежала ничком чуть поодаль от березки, почти под перекладиной железной пожарной лестницы. Рука у нее была странно и неестественно вывернута, из сумочки разлетелись какие-то штучки.

Настя стала торопливо фотографировать.

– Прекрати сейчас же.

– Как ты думаешь, зачем она там легла?

– Прекрати.

Тон у него был странный, и тут Настя словно проснулась.

– Что?.. Что-то случилось, да?!

Даня Липницкий осторожно и медленно, словно чего-то опасаясь, подошел к лежащей, присел на корточки, посмотрел и потрогал ее руку.

– Она... почему она лежит?! – вдруг завизжала Настя и сама себе зажала рот ладонями – так ей вдруг сделалось страшно.

В детстве, испугавшись чего-нибудь, она кидалась бежать, бежать изо всех сил, зажмурившись и молотя по бокам кулачками, пока не добегала до спасения – матери, бабушки или теплого собачьего бока.

– У нас собака была, – заговорила Настя, вытирая обеими руками губы и трясясь, – большая, лохматая. Она везде за мной ходила. Ляпа, ее звали так, Ляпа. И умная!.. Она потом умерла. А... эта... – Настя показала подбородком, – тоже умерла, да?..

– Отойди во-он туда, – сказал Даня Липницкий. – Ляпа – хорошее имя для собаки. Какой она была породы?

– Никакой. У нее не было породы. Она просто с нами жила и была нашей собакой.

Даня поднялся, достал телефон и нажал кнопку.

– Пап, у нас странная история. Я с Ромкой на экзаменах, и кажется... – он вздохнул, – кажется, тут кого-то убили. Только что. Нет, в прямом смысле. Нет, я не перегрелся. Нет, не шутка. Нет, я не спятил. Убили девушку, мы только что видели ее... живой и здоровой. Мы были на первом этаже, а сейчас на четвертом. И она лежит... на балконе. Папа, послушай!..

– Светлана Дольчикова, – пискнула Настя. – Знаменитая артистка!..

– Знаменитая артистка, – повторил за ней Даня. – Я вызываю полицию. Хорошо, понял. Вызываю и жду тебя. Папа, я все понял.

...Люди в синей форме как-то моментально и непонятно разделили огромную толпу абитуриентов и экзаменаторов на группы и рассадили по разным классам. Настя и Даня оказались вместе с ректором Серебряйским, тем загорелым дядькой, что приехал с несчастной Дольчиковой, Милой и членами приемной комиссии, которые не стали слушать, когда она читала про «скобки года». Настя время от времени вспоминала об этом как о чем-то пережитом давным-давно и тогда переставала дрожать мелкой собачьей дрожью.

Потом Даня ей сказал, чтоб не тряслась, и тогда она совсем перестала.

Все молчали и чего-то словно бы ждали. Загорелый дядька хмурился и посматривал на часы, как будто прикидывал, когда закончится некое досадное недоразумение, задержавшее его.

Вдруг дверь распахнулась. Все разом оглянулись. На пороге возник лохматый парень, обвел взглядом сидящих и стоящих и вскричал:

– Игорь Маркович!.. Вы здесь, слава богу!

– Чего тебе, Аллилуев?

– А меня к вам послали! Я и пришел! Говорят, только вы знаете!

– Чего знаю, Аллилуев?

– Да чего дальше делать с засраками! Их опрашивают, отпускают, а никто не уходит. Все ждут. Кто списков, а кто не успел прослушаться хотят, чтобы новую дату объявили...

– Не части, Аллилуев, и так голова раскалывается! Сейчас я... Пойдемте, что ли, Мария Григорьевна.

Та самая женщина из приемной комиссии, по слухам, гениальный педагог, махнула рукой:

– Ступайте без меня, Игорь Маркович. Все равно мы сейчас ничего не решим!..

– Засраки? – тихонько возмутилась Настя. Неприличное слово отвлекло ее от ужасных переживаний. – Это он про нас, про поступающих?! Да как он смеет!..

Даня Липницкий сбоку взглянул на нее.

– Вообще это очень старая шутка. Засрак – заслуженный работник культуры. В Советском Союзе давали такое звание, оно считалось почетным, но не очень. Сокращение, понимаешь?.. Этот тип так называет абитуриентов, шутит.

Тут Настя разобиделась. Почему он с ней разговаривает, словно она малоумная?..

– А чего мы ждем, я не понимаю? – с ходу заговорил кто-то, как только за ректором закрылась дверь. – И сколько еще ждать?!

– Ждем следственных действий, насколько я понимаю, – ответила гениальная Мария Григорьевна с некоторым сарказмом. – А уж дождемся ли и когда, одному богу ведомо.

– Действий! Какие действия, когда в этих стенах, в этих...

– Священных, – подсказала Мария Григорьевна.

– Вот именно! Где бывал сам Вахтангов! И убийство!..

Тут заговорили все разом, словно им разрешили:

– А я давно выносила на собрание, что выход на пожарную лестницу нужно заделать!

Она же с пожарной лестницы упала!

– Да с чего вы взяли!

– А там больше падать неоткуда!

– Светочка и не упала, ее убили, зарезали!.. Вон дети ее нашли зарезанную!

Все головы до единой как по команде повернулись к Насте и Дане.

– Здравсте, – пролепетала Настя и сделалась пунцовой.

– Так Светочка зарезанная была или нет?!

– Видите ли, – начал Даня Липницкий обстоятельно, но договорить не успел.

– Кто тут Морозова? Есть Морозова?

– Это я! – крикнула Настя. – Я!..

– Пойдемте со мной.

Настя кинулась за человеком в форме, даже не оглянувшись на своего сегодняшнего друга. Он ведь и правда как будто друг! Без него она бы пропала, совсем пропала во всей этой... жути!

...Про жуть молодые актрисы тоже писали в своих блогах, и Дольчикова писала. «Красиво до жути, до одури» – так она описывала съемки в каком-то польском городе, то ли в Кракове, то ли в Варшаве. И еще – мистически. «Мистически прекрасное место!»

И вдруг Насте стало так ее жалко, так жалко! Она заплакала бы, но тут из-за синей форменной спины полицейского посреди совершенно пустого и от этой пустоты странного коридора увидела... собственную мать!..

...Она-то что тут делает?!

Мать бросилась к ней, словно сто лет не видела, хотя расстались они утром и не самым лучшим образом: Настя требовала денег, а мать дала жалкую тыщу и клялась, что больше нету!..

Мать бросилась, обняла, прижала к себе, стала осыпать поцелуями – ну точно как в программе, где одни идиоты ищут других идиотов и делают точно так же, если находят!

– Настя, господи!.. Ты как?! Что случилось?! Почему ты мне сразу не позвонила?!

– Мама, отстань от меня! Зачем ты приехала?!

– Но ты... ничего? – Мать взглядела в нее, опять обняла и прижала – разбирает ее! – Как ты все это пережила?!

– Мам, езжай домой, а? – прошипела Настя. – Тут серьезные дела, ты что, не понимаешь?..

– Вот именно, что серьезные, – подтвердил высокий мужик, очень красивый, хоть и старый. Настя неожиданно на него засмотрелась. На кого-то он был похож из артистов, непонятно на кого.

– Если понадобится моя помощь, всегда готов, – продолжал мужик, обращаясь к Настинной матери. – Мой тоже где-то здесь.

– Липницкий там, – человек в форме показал на экзаменационный класс. – Морозовы, за мной пройдемте!

...Так вот на кого он похож, красавец-то! На Даню!.. Должно быть, это и есть тот самый папа!

– Пройдемте, пройдемте!..

Мать держала Настю, как маленькую, и та даже вырвать руку не успела – все оглядывалась на красавца.

В кабинете с надписью «Посторонним В» сидели и стояли какие-то люди, в том числе и ректор Серебрянский.

– Ну вот, – сказал он, завидев Настю. – Они и нашли с тем мальчишкой.

Другой человек в форме, что-то писавший на разлинованной бумаге, мельком взглянул, задержал взгляд, словно оценил Настю с головы до ног.

Ей стало не по себе. И эта дурацкая ляжка все время сваливалась с плеча!.. Да еще живот голый...

– Вы что? – спросил человек обидно. – С пляжа, что ли?..

Настя оглянулась на мать. Та кивнула успокаивающе.

– Почему... с пляжа? – промямлила Настя. – Я в институт поступаю... в этот...

– Ты гляди! – удивился писавший. – Ну, присаживайся, присаживайся!.. Паспорт давай, поступающая! И вы, мамаша! Вы же мамаша, да?

Мать протянула паспорт, словно он был у нее заранее заготовлен, а Настин куда-то запропастился. Она рылась в рюкзаке, встряхивала, переваливала на коленках, вынимала, засовывала обратно – нет паспорта, и все тут!..

– Украл? – спросил облаченный в форму.

– Насть, дай мне рюкзак, я найду, – тихонько велела мать.

Настя сунула ей рюкзак, и – о чудо! – паспорт моментально нашелся.

...Мистически, сказала бы Светлана Дольчикова, которую убили на балконе.

– Зовут меня товарищ майор Мишаков, – представился офицер и вздохнул. – Я буду вести дело погибшей Дольчиковой. Все показания записываются по всей форме, так что не врать и не выдумывать чего не было!

– Не собираюсь я выдумывать, – пробормотала Настя.

– Ты несовершеннолетняя, – тут товарищ майор Мишаков заглянул в Настин паспорт, словно сверяясь, – так что только в присутствии родителей. Мать у нас в наличии.

Он выпростал из пухлой папки несколько дополнительных разлинованных листов, вздохнул еще горше и сказал Насте:

– Излагай.

– Ну, мы пошли по лестнице, – начала Настя, – потому что она в ту сторону ушла, а никого не было, понимаете?.. И двери закрыты. Я хотела селфи сделать, а она, такая, – ни за что. Ну, не накрашенная совсем, прямо белая, ужас. Я и подумала, сфоткаю потихоньку и выложу! А Даня все про книжку свою ныл, потому что она в книге расписалась, а он, такой, она же не Шолохов!.. А на четвертом этаже оказалось открыто, и мы вошли...

– Настя, – перебила мать осторожно, – ты рассказывай, пожалуйста, связно.

– Мама, отстань от меня!..

– Стало быть, – вступил товарищ майор Мишаков, – вы с Липницким отправились за Дольчиковой, чтобы ее сфотографировать, дошли до четвертого этажа, вышли на балкон и... потом чего было?

– Вот видишь, человеку понятно. Это тебе никогда ничего не понятно! – запальчиво сказала Настя матери, и тут майор Мишаков улыбнулся. Улыбнулся он именно матери – как-то особенно, по-дружески, словно давно и хорошо ее знал. Мать улыбнулась в ответ, и майор кивнул.

– Ничего, ничего, – сказал он, опять обращаясь именно к матери, – обойдется.

Настя не поняла, о чем он говорит, и оскорбилась – как он смеет улыбаться! Человека убили, знаменитую актрису, а он!.. Да еще это «обойдется»!

– Ты на часы не посмотрела? – спросил майор у Насти. – Когда на балкон вышла?

У Насти вдруг что-то словно сдвинулось в голове, она *вспомнила!*

– Часы, – выговорила Настя и с ужасом посмотрела на мать. – Часы пропали. У нее были часы, такие странные, в виде медальончика на браслете, а потом они пропали!.. Когда мы к ней подошли... ну... когда на балконе... часов на ней не было, я точно помню!..

Товарищ майор некоторое время недоверчиво смотрел на Настю, а потом зычным голосом повелел куда-то в сторону:

– Павлуш, сходи глянь, на потерпевшей часы в наличии?

– Да нет, – зачастила Настя. – Точно нет! Сначала она была в часах, такие, знаете, на медальончик похожи, он на браслете висит, я даже удивилась, я таких не видела никогда, а потом, когда мы ее нашли...

– Павлуша! – вслед уходящему крикнул майор Мишаков. – Еще в окрестностях пошукай, может, свалились. И вниз отправь кого-нибудь, чтоб в травке пошарили. Слышь, Павлуш?! – И снова Насте: – А сами вы, стало быть, с тела ничего не брали?

– Да вы что!..

– В вещах не копались? Кошелек, карточки, всяко-разно...

– Мама! Что он говорит?!

– Настя, тише, это такая работа. Тебе задают вопросы, ты обязана на них отвечать. Отвечай.

- Мам, я даже близко не подходила! Даня сказал: стань там и не подходи!
- Молодец какой, – похвалил Даню товарищ майор.
- Мы ничего не брали! – закричала Настя. – Вы что?! Не понимаете?
- На лестнице, на площадках никого не видели?
- Никого мы не видели! Я хотела сфотографироваться и выложить, а она не согласилась селфи со мной сделать, и я решила тихонько!.. Автограф дала, а на селфи не согласилась!..
- И где теперь тот автограф?
- В «Тихом Доне»! Это книжка, Даня читал! А она расписалась! И сразу к лестнице побежала!
- Ты сама видела?
- Настя посмотрела на товарища майора.
- Ну, что она к лестнице побежала, потерпевшая? – продолжал тот очень серьезно. – Вроде в коридоре толпа, не протолкнуться, а она прямо бегом побежала? Ну?.. Чего?..
- Настя снова посмотрела на мать. Странная штука – помотришь, и сразу спокойнее как-то делается.
- Она как будто исчезла, понимаете?.. Я и подумала!.. Светлана Дольчикова среди абитуриентов вряд ли станет... толкаться. Она же великая актриса! Звезда! Думаю, наверняка на второй этаж поднялась! С той стороны только лестница и какие-то подсобки. Мы и пошли наверх. Но везде двери были закрыты!.. Только на четвертом выход на балкон, и оказалось открыто. Ну, мы вышли, а она лежит, понимаете? Прямо под пожарной лестницей, такой железной. Там рядом еще березка...
- Майор Мишаков фыркнул:
- Курят они там, видите ли! Студенты эти театральные! Балкона им мало, непременно на пожарную лестницу лезть!.. Вот все лезут, падают и шею ломают, а товарищ майор давай разбирайся!
- Мишаков дописал, поднял глаза и вздохнул:
- Еще Липницкий на мою голову, все одно к одному. Хоть бы Сидоров какой или Пахомов, так нет! Липницкий! – И снова принялся убористо писать.
- Настя бурно заговорила, что Даня тут совсем ни при чем, что они все время были вместе, что это она его потащила за Дольчиковой, что он даже автограф не хотел брать, а потом страдал над «Тихим Доном».
- Майор строчил свои бумаги, и видно было, что Настю он не слушает.
- Ну чего, Павлуш?..
- Молодой человек наклонился к майорскому уху, зашептал, округляя глаза, и майор махнул:
- Пусть еще поищут. Внизу, сказал же!.. Чего там, кусты-растения? Пусть в кустах пошарят, мать их за ногу!.. Куда могли деваться часы эти гребаные?
- Слушайте, наверняка ее из-за часов убили! – выпалила Настя. – Точно! Ведь если они были, а потом пропали, значит...
- Мамаша, вот здесь подпишите, – перебил майор Мишаков. – И еще вот тут и там. Ну, где галочки. А ты особенно не возбуждайся, девушка. Мало ли, может, и не убивал никто, может, у нее... того... сердечный приступ, как в сериале. В сериалах у всех сердечный приступ обязательно бывает... рано или поздно... поздно или рано.
- Да не было у нее никакого сердечного приступа!..
- Товарищ майор, там Липницкий... нервничает слегонца.
- Так с ними полковник Левашов!..
- Протокола-то все у вас.
- Щас, щас подойду!.. И ты расписывайся, девушка, вот здесь. Если чего, вызовем. Явится тогда.

Настя еще выводила на бумаге свою подпись – у нее была очень красивая и трудная подпись, она много времени и бумаги извела, тренируясь. У настоящей большой актрисы должна быть настоящая подпись! Настя еще выводила, а мать уже тянула ее за руку, а майор в свою сторону тащил исписанную бумагу.

Вечно так!..

– Мама, езжай домой, – деловито заговорила Настя, как только они оказались в пустом, гулком и солнечном коридоре. – Мне тут надо... короче, я должна с одним человеком... И вообще! Зачем ты приехала?! Деваться от вас с бабкой некуда!..

– Граждане, проходим, не задерживаемся, – скучным голосом выговорил лопоухий сержантик. Он рассматривал табличку «Посторонним В». – Вы опрошенные?

– Опрошенные, опрошенные, – быстро ответила мать.

– Стало быть, до свидания!.. На улицу проходим!.. И сразу по домам, не толпимся.

Мать твердо взяла Настю за руку и сказала тоже неожиданно твердо, прямо отчеканила:

– Мы уезжаем. – Она почти никогда не говорила так с дочерью!.. – Мы здесь не нужны.

Если мы понадобится...

– Да-а-а, понадобится, – протянула Настя. Мать волокла ее в сторону выхода, как норовистую козу. Коза упиралась изо всех сил. – Мать, ты че? Не догоняешь?! Мне еще с одним человеком нужно увидеться!..

Мать выволокла дочь на крыльцо, где оказалось полно народу – весь двор, вся улица были заполнены людьми, солнцем и почти невидимыми в весеннем солнечном торжестве всполохами полицейских мигалок, – напялила солнцезащитные очки, которые всегда носила на лбу вместо обруча, чтоб волосы в глаза не лезли, и сказала... нет, не сказала.

Гораздо хуже!

Мать *приказала*:

– Настя, в машину, быстро!..

Унизительно подталкивая дочь куда-то в область загривка, мать прогнала ее через толпу, дотолкала до машины, они сели и поехали.

Настя впала в такое изумление, что даже не сразу принялась вопить и биться, а решила для начала выяснить, в чем дело.

– Мать, чего происходит-то?! Ты чего... дерешься?!

Мать не отвечала. Пошарив в потрепанной кошелке, которую она почему-то считала дамской сумкой, извлекла телефон, позвонила бабке и сказала, что они едут. Вскоре будут.

– Да не поеду я на дачу, – осторожно начала Настя, – че там сейчас делать-то?! Мне надо... обратно, в институт, новую дату прослушивания должны назначить, Аллилуев приехал, и с ним ректор ушел, а Мария Григорьевна...

– Настя, закрой рот, – опять *приказала* мать. Настя послушно захлопнула, даже зубы лязгнули. – У вас на экзамене погиб человек, актриса. Ты это понимаешь?

– Вау! А ты понимаешь?!

– Если ее убили, дело плохо. Будет расследование. И тебе придется в нем участвовать! Не перебивай меня! – крикнула мать, когда Настя полезла было возражать. – Тебе придется отвечать на вопросы, вспоминать подробности, *доказывать*, что это не вы с тем мальчиком решили весело провести время и зачем-то спихнули Дольчикову с лестницы!..

– Мам, ты что?!

– Я ничего, а вот ты что?! Совсем дура, дочка?! Нечего там тереться, среди поступающих! И не смей ничего выкладывать в интернет! Ни-че-го!

– Это как? – совсем уже потерялась Настя. – А как же я расскажу, что мертвую Дольчикову нашла?

– Никак, – отрезала мать. – Ты никому и ничего не расскажешь.

– То есть всем можно, а мне нельзя?!

– Про «всех» я не знаю. Я не знаю, кто такие «все»! А тебе я запрещаю.

– Ха-ха-ха, – осторожно сказала Настя. – Приветтики-покасики! Ты с ума сошла, что ли? Мать быстро и твердо на нее взглянула.

– Если я узнаю, что ты хоть что-то выложила в интернет – вот из того, что сегодня происходило в институте, – я заберу у тебя телефон, планшет и компьютер. И это не шутка и не угроза. Я именно так и сделаю.

Настя скосила глаза.

Ужасно, но мать, кажется, действительно не шутила! Ее собственная мать, рохля, мямля и толстуха, вечная бабкина подпевала и подкаблучница!..

– А я тогда уйду из дома! – Это был пробный шар, и он пролетел мимо лузы.

– Скатертью дорога, – сказала мать. – Восемнадцать тебе еще нет, майор Мишаков моментально тебя найдет и вернет по месту жительства. Возьмет подписку о невыезде. Ты свидетель убийства.

– Хорошо-о-о, – протянула Настя с угрозой в голосе. Раньше такой ее тон всегда действовал на мать. Та пугалась и сразу все разрешала. – А что мне еще запрещается ни с того ни с сего?! Фотки выкладывать нельзя, обсуждать нельзя, что еще?

– Выдумывать, чего не было, – сказала мать. – Вот как ты выдумала про часы.

– Да ничего я не выдумала! – наконец в полный голос заорала Настя. Мать обвинила ее несправедливо! – Часы на самом деле пропали! Что?! Съела?!

– Может, и пропали. Но с чего ты взяла, что Светлану Дольчикову... что Светлана Дольчикова погибла именно из-за них?! Да еще стала излагать свои соображения этому майору?!

– А что?! Нельзя?!

– Нельзя, – отрубилась мать. – Ты должна отвечать на вопросы, если тебе станут их задавать, и говорить только правду. Все свои домыслы ты можешь рассказать мне или бабушке. Мы послушаем.

– Мать, ты че?! Ты совсем, что ли?!

– Тема закрыта, – объявила мать. – Вылезай, приехали.

Оказывается, они и вправду приехали. Дождик прошел, пока ехали, – Настя не заметила никакого дождя! А теперь возле родной калитки с одной выбитой, как зуб, штакетиной стояла большая весенняя лужа.

– Между прочим, – вдруг сказала мать весело, словно они не ругались всю дорогу, – замечено, что весенние лужи отличаются от осенних. Особенно майские. Смотри!

Настя как дура уставилась в лужу.

– Осенняя всегда темная, дна не видно, и в ней желтый лист плавает или жухлая трава. А весенняя прозрачная, не стоячая, вода ручейком уходит, и березовые почки нанесло, должно быть, ветер был сильный.

– Тонечка! – прокричали от соседних ворот. – Наше вам! Вы из мегаполиса? Как дорожная обстановочка?.. Здоровье Марины Тимофеевны как?

Мариной Тимофеевной звали Настину бабу.

– Дебил, – сквозь зубы пробормотала Настя и вброд через лужу ушла на участок.

Калитка влажно хлопнула ей вслед.

Этого соседа Настя ненавидела, вот просто – ууух как!.. Вот как ненавидят... врага!.. Он и был враг. Он строил глазки Настинной престарелой матери! Молодой лосюра при всех делах – «Лендровер», льняной пиджак, зимой стеганая куртка на клетчатой подкладке, знаем мы эти английские клетчатые подкладки, меховые мокасины, белоснежные рубашки, вечно в солнцезащитных очках, на участке у него красотища, как в журнале «Современная усадьба»!

И вот это чучело позволяло себе кокетничать с матерью, а та велась – противно хохотала, когда он с ней шутил, поводила плечиком, волосы откидывала так и эдак, гадость какая!..

Если б отец был жив!.. Если бы только он был жив!..

Мать с соседом продолжали амурничать у калитки, когда путь Насте преградила бабка-змея. Должно быть, в кустах таилась, поджидала.

– Настя.

Внучка решила ни за что не останавливаться. Она сразу поднимается к себе в комнату и там...

...А что там?.. Даже фотки не выложишь! Совершенно ясно, что мать распоясалась. И совершенно ясно, что, если Настя послушается, ее лишат доступа к мировому разуму, и тогда она погибла! Погибла окончательно и бесповоротно, вот как... Дольчикова!

– Настя.

Внучка круто обернулась.

– Что тебе нужно?

– Я знаю, что произошло, – сказала бабка негромко. – Ужасное несчастье, бедная девочка. Но все-таки скажи мне, как ты ответила? Ты ведь успела... проэкзаменоваться?..

– Успела, – промямлила Настя.

Тут как-то нахлынуло все: и экзамен, и страхи, и точная Настина копия среди поступающих – прямо сестра-близнец, – и лохматый ректор, прервавший ее, как только она начала читать про «скобки года», и «ужасное несчастье с бедной девочкой», и как они сидели на кадке с Даней, а потом в толпе увидели ту самую Милу, а с ней Дольчикову – ведь в ту минуту Насте даже в голову не могло прийти, что знаменитая актриса, худенькая, маленькая, бледненькая девчонка, казавшаяся на экране значительной, высокой и взрослой, доживает свои последние минуты. Их осталось всего ничего.

Вот-вот она распишется в «Тихом Доне» и умчится по лестнице. Там, куда она умчится, кончится ее жизнь.

Навсегда. Насовсем.

...Даня сказал ей что-то о том, что не бывает ромansa о космических кораблях и танках, и вообще романсы бывают исключительно о любви...

...Какая разница, о чем бывают романсы, если кончилась жизнь? Окончательно кончилась! Дождь налил весеннюю лужу, но это уже неважно. Больше нет и не будет луж – ни весенних, ни осенних. Потому что больше не будет жизни!..

Настя ткнула рюкзак на темную скамейку под мокрый куст сирени, сразу же окативший Настину спину ледяными каплями, закрыла лицо руками и зарыдала.

Бабка подошла и обняла.

В бабушкину жилетку какого-то необыкновенного норвежского войлока – он служил поводом для особой гордости, и бабкина гордость за этот норвежский войлок страшно бесила Настю – она рыдала про «скобки года» и про то, что жизнь кончилась моментально и навсегда, и еще про свой страх, и про майора Мишакова с его идиотскими подозрениями, и про Даню, с которым ей так и не дали поговорить!.. Ведь ей просто необходимо было поговорить с Даней, а их... разлучили, разлучили.

Бабушка стояла молча, обнимала крепко, чуть-чуть похлопывала по спине.

– ...Главное, она же просто пошла курить! Она так и сказала этой Миле! Или Мила сказала, я не помню, а потом, понимаешь, мы ее увидели, и она так лежала, с пожарной лестницы упала прямо на балкон... А Даня мне велел, чтоб я не смотрела и не подходила! Он как-то сразу сообразил, понимаешь? А я не сообразила!..

– Понимаю, – согласилась бабушка. Полой жилетки норвежского войлока она укрывала трясущуюся внучку, потом сняла жилетку и накинула на нее.

– И часики у нее такие... странные были, на браслете висели, я никогда таких не видела! А потом они пропали!

– Пойдем, – вдруг предложила бабушка. – Я тебе покажу одни. Может, похожи?

Настя кулаками вытерла глаза, из которых все равно лило, и посмотрела на бабушку.

– Что покажешь?

– У меня есть часы, похожие на медальон на браслете, как ты говоришь. Пойдем, я тебе покажу.

Поддерживая друг друга – вернее, бабушка поддерживала и направляла Настю, и еще несла ее рюкзак, – они взобрались на крылечко.

– Настюш! – закричала мать. Оказывается, она не миловалась у калитки с заливчатским соседом, а давно была дома! – Иди скорей, ванна наливается!..

Вдвоем с бабушкой они очень ловко раздели Настю, запихнули в ванну, и мать ей еще и голову помыла!..

– Лейся, лейся, водичка, умывай Насте личико, чтобы глазки блестели, чтобы щечки алели, чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок, – приговаривала мать, поливая Настю. – Это такая специальная присказка от сглаза, и когда я тебя маленькую купала...

– Я помню, – пробормотала Настя, уворачиваясь от напористых струй. – Мам, чего ты, я не маленькая давно...

...Но мать все равно вытерла ее – волосы промокнула отдельным полотенцем и до самых кончиков, – велела одеваться и вышла из ванной.

Настя долго вздыхала, жалея себя, а потом стала рассматривать в зеркале собственное лицо – с печатью глубокой тоски.

Тоска на собственном лице показалась ей идиотской и отвратительной.

Какая у нее, Насти Морозовой, может быть вот сейчас, сию минуту тоска?! У нее все в порядке, она дома, и мама вымыла ее душистым мылом, как когда-то в детстве, и бабушка приголубила и пожалела, и они обе рядом с ней, Настей, но самое, самое главное – она жива! Она живет! И можно прямо из ванны побежать рассматривать весеннюю лужу – чем они там отличаются от осенних!..

Прыгая на одной ноге, Настя кое-как натянула джинсы – и их, и футболку мать принесла самые правильные, любимые, сильно ношенные, – и побрела на кухню.

Обе, мать и бабушка, негромко разговаривали, и, видимо, о ней, Насте, потому что замолчали, как только она вошла.

Еще утром она затеяла бы скандал. Еще утром она принялась бы выяснять, о чем это они говорят у нее за спиной, наверняка осуждают, да?.. Да?! Насте даже показалось, что и мать, и бабка словно *ожидают* скандала, но она простила их. В эту минуту.

Они же не знают. Они не видели.

Они не могут знать, как это страшно – когда вдруг не стало человека, совсем девочки, которая просто приехала потусить среди абитуриентов, вон даже не накрутилась!..

– Ничего, ничего, – сказала бабушка ободряюще.

– Очень жалко, – добавила мать. – И родители! Я даже и не знаю, кто у нее родители, где они...

Настя *и это* пропустила мимо ушей – так на нее подействовала смерть Светланы Дольчиковой! Ну, откуда матери могут быть известны родители Дольчиковой?! Где ее собственная мать и где родители звезды?! В разных галактиках!

Бабушка ловко выставила перед Настей чашку бульона – из чашки торчала бодрая куриная нога, – и блюдо пирожков, крохотных, горячих!.. Настя, обжигаясь, принялась пить бульон, куриная нога мешала, и пришлось выволочь ее на тарелку и заедать поочередно пирожками и ногой.

– Боже мой, – пробормотала бабушка.

Мать, пригрюнившись, смотрела, как дочь ест.

Настя допила бульон, вытерла пальцы о джинсы и взяла в каждую руку по пирогу.

– А этот мальчик? – спросила бабушка негромко. – С которым ты была?.. Он из поступающих?

– Да не-ет, я же говорю! Он с другом ходит, просто так. Он в прошлом году поступил... я забыла название... для каких-то африканцев... Он «Тихий Дон» читал, сидел на кадке, а больше сесть было некуда, и я тоже села...

– Позволь, он что же? Африканец?

Тут Настя вспыхнула – ну что, в конце концов, за тупость, а?!

– Бабуль, какой он африканец?! Институт так называется, не помню!.. Для африканцев!..

– Стран Азии и Африки? – предположила мать, и дочь, запихивая в рот пирожок, согласно замычала – да, да, именно!..

– А мне с ним даже поговорить не дали, – прожевав, выговорила Настя, и слезы вновь хлынули у нее из глаз. – Mam, ну, почему?! Зачем ты меня сразу уволокла-то?! Ну, так нечестно даже!..

– Подожди, подожди, – быстро сказала бабушка. – Давай я тебе чаю налью.

– Пейте сами ваш чай противный!

– Посмотри, такие часы были у... той бедной девочки?..

Бабушка выложила перед ней на скатерть странное украшение. Довольно увесистая цепочка, пожалуй, немного шире обыкновенного браслета, на цепочке овальный медальончик с выпуклой крышечкой. На крышке какие-то переплетения и три камушка – два красненьких и один зеленый.

Настя потрогала выпуклую крышку, шмыгнула носом и подняла глаза на бабушку.

– Где ты взяла?.. Ба, где ты их взяла?!

Марина Тимофеевна помолчала немного.

– Ну, не может быть, чтоб *те* были точной копией *этих*. Посмотри внимательно. Возьми! Возьми и посмотри, не бойся!

И они переглянулись с матерью.

Цепочка-браслет оказалась тяжелой и холодной, и медальончик болтался на ней – весьма увесистый.

– Вот так открывается, – и бабушка поддела ногтем крохотный замочек с завитком.

Выпуклая крышка откинулась, тонко прозвенел механизм, и внутри оказались часики – без всякого стекла, ничем не защищенные и от этого странно рельефные стрелочки и циферки.

– Где ты их взяла, ба?!

– Похожи?

– Очень! – сказала Настя, закрыла и опять открыла крышечку. – Только у нее никаких камушков не было и переплетений тоже...

– Какие переплетения! – Бабушка забрала у внучки часы-медальончик и стала показывать. – Это монограмма моей бабушки, твоей прапрабабушки Анастасии Павловны Марзуцкой. Видишь буквы? А, П, М? И в каждую вделан камушек. Замок давно сломан, я все собиралась сделать, да так и не собралась...

– Наверное, придется звонить майору, – ни с того ни с сего сказала мать. – Как это у них называется?.. Примета?..

– Улика! – перебила Настя с возмущением. – Ба, где ты взяла эти часы?!

– Они достались мне по наследству, – насмешливо ответствовала бабушка. – Об этом легко догадаться, потому что раньше они принадлежали моей бабушке, затем моей маме, а теперь мне.

– Кто-нибудь что-нибудь объяснит? – спросила Настя и тяжело задышала. – Хоть кто-нибудь! Хоть что-нибудь!

– Тонечка, налей нам чаю, – распорядилась бабушка. – Этот медальончик переделан из дамских часов девятнадцатого века. Тогда не носили наручных часов. Были длинные цепочки, а сами часы прятались в специальный карманчик на поясе.

– Я видела в сериале «Пуаро», – сердито сказала Настя.

– После революции носить такую длинную золотую цепочку стало уж совсем небезопасно, да и как-то неприлично, кроме того, золото изымали. Если бы ты больше читала, а не только смотрела сериалы, ты бы знала, например, про магазины «Торгсин»...

– Мама, – вмешалась Тонечка, – нам всем хорошо бы побольше читать, а пока ты рассказывай!

И Настя с благодарностью посмотрела на мать. Надо же, заступилась за нее! А то вечно они с бабушкой дуют в одну дуду: Настя мало читает, много времени проводит в социальных сетях и прочее трали-вали, как у всех.

У всех молодых проблемы со стариками, вот у всех!.. Только у одной Марьяны мать крутая блогерша и полное единство интересов!..

– Я уверена, что таких переделанных часиков осталось немного, – продолжала бабушка. – Редко кто сдавал в «Торгсин» просто кусок цепочки! Проще сдать вещь целиком, да и выгоднее. Когда ты сказала, что у... бедняжки были часы в виде медальона, висящего на браслете, я сразу вспомнила про свои. Наверное, действительно нужно позвонить майору, или кто он там, и показать, какие именно были часы. Вполне возможно, ему это как-то поможет.

– А они что? – с подозрением спросила Настя, отхлебнула чаю и сморщилась – горячо! – Очень дорогие, что ли?..

– Ну, не очень, конечно. На скифскую коллекцию Эрмитажа не потянут, не надейся. – Бабушка обрела всегдшний свой тон, казавшийся внучке насмешливым и холодным. – Но здесь довольно много золота, да и «Брегет» такой давности сам по себе чего-нибудь да стоит, но дело-то не в этом! Дело в том, что у...

– Бедняжки, – подсказала мать, и Настя недоверчиво на нее посмотрела – смеется над бабушкой? Неужели?..

Но Марина Тимофеевна не дрогнула.

– У бедняжки они откуда-то взялись, а потом, насколько я поняла, пропали! Я правильно поняла?

– Значит, из-за них ее и убили! – закричала Настя. – Я говорила, говорила!..

– Экскюз ми, лейдиз, – раздался голос, и все три леди вздрогнули и оглянулись. – Итс ми. Тонечка, ваша машина перегораживает мои ворота!

Мать подскочила и захлопала крыльями, как всколыхнувшаяся кура. Еще бы, такое событие – чучело явилось с соседнего участка! Настя взяла свою кружку и ушла из-за стола в самое дальнее кресло, в эркер, за этажерку.

– Если вы дадите мне ключи, я сам загоню вашу машину. Какая интересная вещица! Что это такое? Медальон?

– Часы, – объяснила Марина Тимофеевна. – Переделанные дамские часы. Когда-то... впрочем, неважно.

– Можно посмотреть?

– Конечно. Хотите чаю?

Насте из-за фикуса было ничегошеньки не видно. Зачем бабка так поставила этот самый фикус да еще этажерку придвинула?! Специально, что ли? Чтобы за всеми шпионить?!

...Шпионить отсюда отлично, только вот не видно ничего!..

– Занятная штука. Ее бы починить, привести в порядок!..

– Да никак не соберусь.

– Мама, я поставлю машину в гараж и вернусь.

– Тонечка, я бы и сам мог!..

– Выпейте лучше чаю, Дмитрий. Я сегодня пекла, угощайтесь.

– Таких пирогов, как у вас, – восторженно выговорило чучело, – я не ел больше нигде!..

Потому что больше нигде таких нет!

...Дебил, подумала Настя под фикусом, идиотина!..

– Как ваша девочка? В театральном институте такое ЧП случилось, весь интернет переполнен сообщениями! И жаль эту артистку... я забыл фамилию...

– Настя держится молодцом, – проинформировала бабушка довольно холодно. – Настя, ты ведь держишься молодцом?

– Да, – мрачно подтвердила Настя из-за фикуса.

– Ты здесь, – удивилось чучело, – а я думал, ушла! Там ведь еще Липницкий каким-то боком причастен. Но про него информация появилась только вначале, а потом сразу все поудаляли, как обычно. Свобода слова!.. Ну, посмотрим, как он станет выкручиваться! Дело-то серьезное, как-никак убийство!

Настя вскочила, задела этажерку, на ней закачалась какая-то фигура, Настя поймала ее и кинула в кресло.

– Липницкий? – выпалила она, подлетев к столу. – А что такое? Мы с ним вместе Дольчикову нашли, на балконе, на четвертом этаже.

– Так об этом и речь, – сказал сосед весело. – Можно еще пирожок, Марина Тимофеевна?.. Липницкий точно замешан, теперь не отмажется! Столько лет сухим из воды выходил, а тут – бац! – и получил по голове! Да еще откуда не ждали, от сыночка-тихушника!

– Кто и от чего не отмажется?!

Сосед страшно удивился:

– Но ведь... как бы это помягче... эль скандаль вышел с сыночком в главной роли!.. А сын Липницкого вообще никогда ни в каких скандалах замечен не был, можете себе представить? Он, по-моему, даже машину не водит!.. Ему папаша запрещает, должно быть, чтоб он, случаем, кого не переехал, – и чучельный сосед захохотал.

Бабушка и внучка смотрели на него с одинаковым выражением, одинаково подняв брови. Сосед перестал хохотать.

– Э-э... я что-то не то сказал?

– Объясните нам, в чем дело, Дима.

... Вот это да!.. Вот бы Насте научиться так говорить! Вот бы ей освоить такой тон!.. Главное, ничего и не сказано, подумаешь, но сосед как-то моментально присмирел, утих, прожевал, вытер пальцы салфеткой и заговорил совершенно по-другому.

– Андрей Данилович Липницкий – генерал, сейчас в отставке, но при делах, чего-то там такое возглавляет, как все они, приближенные. Вы что... не слышали о нем? Да он член Президентского совета!

– Я слишком далека от Президента и его советов, – проинформировала Марина Тимофеевна. – За их жизнью не слежу.

... Вот молодец бабка!.. Вот умница! Так его, так!.. Мочи соседа!..

– Ну, не может быть, чтоб не слышали, – словно бы даже укорил сосед. – У него единственный сын, этот самый, который сегодня вляпался в скандал на весь мир.

Настя хотела было закричать, что никуда Даня не вляпался, что они просто на кадке сидели, а потом просто пошли по лестнице и просто нашли несчастную Дольчикову, но тут бабка так на нее взглянула, что ничего этого Настя кричать не стала.

Больше того!.. Под скатертью бабушка нашарила Настину руку и энергично пожала.

Настя поняла – это знак молчать!

... Вообще-то она сообразительная.

... Хотя вот ведь не сообразила попросить у Дани телефон.

И – тоже если б вовремя сообразила! – ни за что не стала бы читать тому лохматому ректору про «скобки года».

– ... Жена Липницкого-старшего давно умерла. История темная. На самом деле блогеры пробовали копать, но так и не раскопали ничего – болела, померла, и точка. Сейчас сто процентов заново начнут разбираться, как это так, была жена и вдруг умерла!..

– Бывают болезни, от которых умирают, – заметила Марина Тимофеевна. – Таких болезней довольно много.

– Люди – да, умирают, – согласился сосед убежденно. – Но ведь не жены генералов и начальников управлений!.. В общем, есть сын, совсем мальчишка, лет девятнадцать. Он есть, но его нет нигде, отец прячет, представляете?! То есть вообще нет. Не существует! Призрак!..

– Дима, я машину убрала, можете заезжать, – громко объявила Тонечка, появляясь под лампой. Она улыбалась, на щеках играли ямочки.

Настина мать всегда так улыбалась этому чучелу, всегда!..

– Я не совсем поняла, – Марина Тимофеевна налила Тонечке чаю. – Что значит – призрак? Что значит, не существует?

– Ба, это значит, его нет ни в каких соцсетях, – мрачно проинформировала Настя.

...Интересно, если и вправду нет, как она станет его искать?..

– Да мало этого! – с энтузиазмом подхватил сосед. – Этот сын вообще нигде, никогда и никем не упоминается!.. Должно быть, папаша специальную службу завел, которая отслеживает!.. В Сети фотографий нет. Где отдыхает, непонятно. Где учится, никто не знает. Где живет, в Лондоне или, может, в Монако, никаких сведений!.. Где одевается, у каких кутюрье, с кем дружит, спит – не известно ни-че-го! А может, его в подвале держат, этого сына?..

И сосед Дима отправил в рот еще один пирожок.

Настя попыталась вспомнить, во что Даня Липницкий был одет. В какие-то вельветовые штаны, пожалуй. Они были ему великоваты, съезжали, он время от времени поддегивал. Еще... футболка белая... на пузе пятно, он сказал, что мороженое ел и уронил, а сверху рубаха клетчатая накинута. Да, и кеды!.. Синие с белым или красные с синим, что ли.

Дружит с Ромкой, который в прошлом году завалил прослушивания во все театральные вузы. Теперь ходит с ним для моральной поддержки. Настя этого Ромку так и не увидела.

Учится в институте для африканцев. Читает «Тихий Дон».

Вон сколько всего!..

– Даже про подружку никто ничего не знает, – продолжал сосед Дима. – В прошлом году его сфотографировали с какой-то французской моделькой, но тоже непонятно, фейк или нет. Фотки со всех сайтов тут же удалили. А может, он голубой! Может, отец его поэтому и прячет! У нас, в посконной и домотканой, мировые тренды не в чести, нам танки подавай и «катюши» на Красной площади!..

Все помолчали.

– И вдруг сегодня этот принц китайский, на которого даже смотреть нельзя, оказывается на месте убийства знаменитой артистки... забыл фамилию. И никакой информации! Словно не было его!.. А он точно был и скорее всего замешан! Иначе зачем тогда всю инфу из Сети удалять?..

Настя опять хотела было завопить про кадку, на которой они сидели вместе с «принцем китайским», но бабушкина уверенная рука не дала. Сухие пальцы пожали Настину влажную ладошку, и Настин рот послушно закрылся.

– А может, у него с ней и был роман, с этой артисткой... как же фамилия... и он ее убил... Ну, надоела, он и убил.

– Это вряд ли, – быстро и твердо сказала Марина Тимофеевна. – Уверена, что его отец, если уж он на самом деле такой большой человек, как вы рассказываете, нашел бы другой способ избавить сына от нежелательного знакомства, скажем так.

– А вдруг он псих, этот парень? Может, он и мать того... прикончил?.. Нужно в Сети почитать, что пишут, сегодня только про это убийство и говорят!

– Почитайте, почитайте, – напутствовала Марина Тимофеевна. – А потом нам расскажете!..

застарелую обиду или раздражение. Время от времени, довольно часто, Настя доставала книги отца – вот их она перечитала по десять раз каждую! – любовалась, вытирала пыль, вытряхивала и всегда дожидалась момента, когда бабушка Марина Тимофеевна говорила сдержанно:

– Убери выставку, пожалуйста.

Тут Настя давала всем жару.

Она кричала, что без папы жизнь – сплошное мучение. Что в семье был талантливый человек – единственный, – и он единственный, кто смог бы понять свою талантливую дочь. Но его не стало, он ушел, покинул дочь, а мать и бабка совершенно с ней не считаются. Они не пестуют и не растят ее талант. Они не помогают ей ни в чем. Они гиены – да, гиены, которые пристроились возле человеческого жилья и таскают самые сладкие куски, ведь за отцовские книжки до сих пор платят, понемножку, но платят!..

Ни мать, ни бабушка никогда с ней не спорили в такие минуты, и от этого их молчания Настя чувствовала себя отвратительно!..

Мучительно было, что они обе словно... предают отца. Никогда не восхищаются им. Не разделяют Настин восторг. Не говорят о его книгах.

Это же... предательство! Худшее из возможных, потому что человек умер и не может защитить себя.

Его защищала Настя – изо всех сил, как могла. Став постарше, она придумала историю, что они с отцом с другой планеты, из параллельной вселенной. Здесь они оказались случайно, и отец не выдержал испытаний – улетел к себе, туда, где все правильно и надежно устроено, никто не предъявляет идиотских требований, не высказывает дебильных мыслей! Только зачем, зачем он бросил здесь Настю – одну? Совсем одну?! Как ей биться и сражаться с окружающим миром, если латы и меч так часто ее подводят, отказываются слушаться?.. Она вроде бы и надевает на себя всю необходимую амуницию, как в японском аниме, но дело не идет, никак не идет!

...Нет, мать с бабкой неплохие люди, можно даже сказать – хорошие. Мать добрая. Бабушка... н-да. Ну, бабушка... Нет, она образованная, конечно!.. Иногда приходит на помощь – вот как сегодня, когда Настя хотела пинками выгнать соседа из дома!

...Ну что бабушка?.. Старая совсем и отца не любила, кажется... Посредственности часто втайне презирают и боятся гениальных и странных людей. Просто от непонимания боятся...

В тишине и темноте своей комнаты Настя немного повздыхала на луну, думая об отце – как он там, в своем идеальном мире, вот она ему порасскажет, когда они встретятся! – открыла интернет и стала искать Даню.

...Когда она снова взглянула в окно, луны уже не было, свалилась за крышу дома, за голые ветки весенних деревьев.

Никакого Данилы Липницкого в интернете не было. Чучело-сосед врал-врал, а тут не соврал!..

На любые запросы все приложения отвечали одинаково – портретами статного седовласого красавца – вот про кого решительно нельзя было сказать «старик»! – перечислением его должностей, регалий, прежних мест работы, глупейшими фотками, например, с папой римским или министром иностранных дел!

...На что они нужны, этот папа или министр?!

Самые хитроумные заходы тоже не помогали, как Настя ни ухищрялась. Самые продвинутые приложения отзывались все теми же портретами красавца, министрами и вице-премьерами.

Настя порассматривала портреты Даниного отца – ну, очень похож, просто удивительно!..

...Как она теперь найдет сына?.. Господи, у нее мог бы появиться друг, самый настоящий, и она его... проворонила. Как когда-то проворонила отца!..

Настя открыла окно – сразу стало холодно, почти морозно, – раскопала в куче барахла на диване какую-то толстовку, напялила, накинула капюшон и принялась смотреть в темноту.

...Все же, несмотря на глубокое и искреннее отчаяние, она немного видела себя со стороны и даже поправила волосы, чтобы они красиво свешивались из капюшона. Чтоб как в японском аниме.

Она его не найдет, это ясно. Наверняка после всего, что случилось, всесильный отец – загорелое и строгое лицо на мониторе – запретит сыну шататься на прослушивания в театральные вузы. А встретиться на улице или в кафе... надежды нет никакой.

А может, он тоже из параллельной вселенной, этот самый Даня?.. Вдруг он прилетал посмотреть, как здесь идут дела, и уже вернулся обратно? И сейчас, сию минуту рассказывает ее папе, что дочери плохо, страшно, что ей даже не дали прочитать про «скобки года», что ее никто, никто не понимает и ей не с кем поговорить, как хочется – власть, излить душу, вытащить из себя все самое трудное, не предназначенное для посторонних, что там, внутри, болит и ноет?..

Немного наблюдая за собой со стороны, Настя заплакала перед открытым в ночь окном. Потом забралась под одеяло, в несколько приемов спихнув на пол курган китайского ширпотреба. В ногах лежал плед, аккуратно и красиво сложенный, судя по всему, бабкой. Плед Настя натянула на себя.

За распахнутым окном было тихо-тихо, только потрескивало едва слышно – это лопались почки.

– Я совсем одна, – сказала Настя, и теплая слеза попала ей в рот.

Через три минуты, когда внучка уже крепко спала, в комнату вошла бабушка, закрыла окно, выключила компьютер, сочувственно поцеловала страдалицу и удалилась.

Тонечке так хотелось есть, что в животе урчало просто неприлично. Очередь к буфетной стойке была длинной и состояла почти из одних мужчин в пиджаках, а тут непристойное урчание, словно тигр рычит поблизости!..

Тонечка выхватила мобильный телефон, прижала к уху и заговорила сразу довольно громко:

– Нет, Кать, я не в офисе, я как раз на выезде. Сегодня совещание назначили, я сразу сюда поехала, а то в жизни бы не добралась!.. Да все нормально, как обычно, времени только много потеряли, но на совещаниях всегда так!..

...Возьму порцию сосисок. Нет, нет, сарделек!.. Сейчас мужик брал, там целых две сардельки!.. И еще горошек и половинка яйца вкрутую, политая майонезом. Еще возьму кофе с молоком и пепси-колу. И, наверное, «наполеон». Или лучше пирожное «картошка»? Да, возьму две «картошки», они в этом буфете сногшибательные!..

...Или лучше сосисок? Что ближе к ЗОЖу, сосиски или сардельки?..

Да ладно!.. ЗОЖ сегодня отдыхает. Сегодня время сарделек!

И еще возьму, пожалуй, бутерброд с копченой колбасой. Очень симпатичные бутерброды.

Рассматривая еду, Тонечка все продолжала нести какую-то ахинею в молчащий телефон, очередь двигалась небыстро, и вдруг ни с того ни с сего телефон зазвонил – прямо ей в барабанную перепонку!..

– Мам, это я, – мрачно сказала дочь. – Я уехала на пробы. Когда буду, не знаю.

– Настя, ты только телефон не выключай, – попросила Тонечка умоляюще.

– Мать, ты че? Совсем? Это же пробы! Про-бы!.. А если телефон зазвонит, когда меня будут снимать?!

Тонечка вздохнула.

...Вот бедалага. Ее единственная, горячо любимая дочь – бедалага и дурачишка. Кто там будет ее снимать? Что за пробы?..

Набрав еды, Тонечка ушла в самый угол – хорошо, что место освободилось, – стряхнула с пластикового стола крошки, расставила все так, чтоб было красиво, полюбовалась, оглянулась воровато, словно подруги по ЗОЖу и тренажерному залу могли сию минуту вбежать в буфет, чтобы осудить ее и отнять еду, и вцепилась зубами в сардельку.

Сарделька брызнула соком, обожгла небо, и это было такое наслаждение!.. Ах, какое это было наслаждение – откусывать от сардельки большие куски, торопливо жевать, обжигаться, утирать рот дохлой салфеточкой, запивать пепси-колой, вздыхать от счастья и предвкушать еще бутерброд, кофе и пирожное «картошка» – два!..

– Можно к вам? Мест нет совсем.

Тонечка с сарделькой в зубах согласно закивала, потом подняла глаза и...

...Елки-палки, лес густой, ехал Ваня холостой...

– Приятного аппетита.

– А-и-о, – промычала Тонечка с набитым ртом.

...Лучше бы в этот буфет явились разом все ее подруги по ЗОЖу и йоге. И осудили бы ее! И заклеямили!

И отняли бы бутерброд с сырокопченой колбасой и пирожное «картошка». Два.

– Что это вы едите? – спросил присоединившийся с подозрением. – Теперь никто не ест и не пьет!..

– Ну как?.. – промямлила Тонечка и оглянулась по сторонам. Перейти действительно некуда, все занято. – Хочется есть, вот и ем.

– А я, видите, пью! – он выставил на стол полный до краев стакан. Тонечка была уверена, что в стакане чай, – так много налито! – и только когда из стакана выплеснулось на стол, поняла: нет, не чай, виски.

– Помянем? – предложил сосед и вытянул из кармана неровно обломанную шоколадку в изжеванной фольге. – Помянем Светку, несчастную мою девулю!

Одним махом он влил в себя примерно половину стакана. Тонечка смотрела на него. Есть ей расхотелось.

Звали его Василий Филиппов, творческий псевдоним Ваня Сусанин. Он был режиссером, лет двадцать назад довольно модным, снимал мрачное кино, экспериментировал со светом и звуком – черно-белая пленка «с зерном», весь фильм под игру на расческе. О нем много говорили и писали, он «подавал надежды», на фестивале в Квебеке получил приз. Потом куда-то пропал на несколько лет, вроде бы стал дауншифтером и собирал ракушку на кромке прибоя в Гоа, а потом появился вновь. Взял псевдоним Сусанин Ваня и принялся снимать «молодежные комедии». Комедии никуда не годились – на Тонечкин вкус. Иногда у него брали интервью, он говорил, что задача его поколения не отставать от молодых, а опережать их. В каких именно направлениях Василий собирается опередить молодых, оставалось неясным.

– Убили Светку, – сказал режиссер и всхлипнул. – Девочку мою. Завистники и враги. И ты понимаешь, – тут он схватил Тонечку за запястье, ее рука описала в воздухе полукруг, кусок сардельки свалился с вилки и закатился под соседний стол, – они ведь меня убили! В меня стреляли и попали! Наповал!..

– Разве в Свету Дольчикову стреляли? – дергая руку, чтобы освободиться, тихо спросила Тонечка. – По-моему, все не так было...

– Да что ты знаешь?! – загремел Василий. С соседних столиков на них оглянулись и из-за стойки выглянула буфетчица. – Убили нас обоих! Ее и меня!.. Какая у нас была любовь! Такой сейчас не бывает! А у нас была!

Василий всхлипнул, глаза его налились слезами. Он допил виски, упал головой в локоть, плечи у него затряслись.

– Прошу прощения, Антонина Федоровна, можно вас на минуточку?..

Тонечка подскочила на пластмассовом стуле, словно буфетчица по неловкости плеснула на нее кипятку!..

Телевизионный царь и бог, продюсер всех времен и народов Александр Герман, у которого только что «совещались» десятка два сценаристов, и Тонечка в их числе, протягивал ей руку, словно они были давно и хорошо знакомы, лицо любезное. За его плечом мыкался официант, Тонечка знать не знала, что в этом буфете существуют официанты.

– Я хотел с вами кое-что дообсудить, – продолжал продюсер Герман даже более чем любезно. – Вы разрешите?..

Тонечка закивала.

– Вася, – обратился Герман к рыдающему режиссеру, – мы отойдем, с твоего разрешения?..

– Выпей со мной, Саша! – попросил режиссер, подняв залитое слезами, мятое лицо. – Выпей за Светку, а?.. Хорошая же была девчонка!

– Вот это все ваше? – негромко спросил продюсер у Тонечки и, повернувшись к официанту, произнес: – Забирайте! Василию Павловичу больше не наливайте. Я сейчас позвоню в свою приемную, чтоб его домой отвезли. Вася! Вась!

– Сашка, какая девочка была! И ее убили! Злодеи, уроды! Любовь убили!.. И меня убьют!..

– Вася, езжай домой. Сейчас за тобой зайдут, и ты давай двигай потихонечку.

– Давай выпьем, Сашка!..

Продюсер Герман потянул Тонечку в сторону. Они зашли за зеленую стену, состоящую из сдвинутых вплотную фикусов и пальмочек в кадках. Здесь оказался еще один стол, о котором Тонечка тоже не подозревала, как и о существовании официантов. Стол и стулья были деревянные, настоящие.

– Присаживайтесь! – продюсер Герман широким жестом указал на стул, официант проворно составил с подноса всю спасенную Тонечкину еду. – Я только позвоню, чтоб Васю домой отвезли, а то забудит, хлопот не оберемся. – И официанту: – Холодный кофе заберите, принесите горячий. И еще пепси-колы со льдом! – И в трубку: – Дина Евгеньевна! Отправьте кого-нибудь вниз, в буфет, пусть Филиппова домой отвезут. Да, здесь, и не в форме!.. И чтоб прямо до квартиры...

Тонечка наблюдала.

Продюсер говорил негромко и уверенно, видимо, даже не подозревая о том, что кто-то может его послушаться или не выполнить указаний. Нужно особое умение, чтобы так говорить!..

Принесли кофе – над чашками поднимался пар, это указание выполнено, – и продюсер бросил телефон в рюкзак. У него был не портфель, а рюкзак. Должно быть, он тоже «опережал молодых».

– Вы Васю извините, – сказал он, боком подсаживаясь к столу. – Пьет сильно и... не по делу.

Тонечка пожала плечами.

– Да ничего особенного, – промямлила она. – Мне кажется, я его другим никогда и не видела. Можно, я поем?..

Продюсер изумился и словно спохватился:

– Конечно! Я, собственно, и решил подойти потому, что Вася вам есть не давал!..

...Ему на самом деле очень понравилось, как она ест! С таким восторгом и удовольствием. Нынче при еде принято жеманиться и кокетничать, как в давние времена перед кавалером, а эта просто с удовольствием ела!..

Он глотнул кофе, запил ледяной пепси-колой, быстро взглянул на соседку – она доедала сардельку, – и ему стало неловко.

Да ладно, сказал себе продюсер Герман.

– Я правда хотел еще раз с вами поговорить, – начал он, чтоб неловкость прошла. – Или сейчас не время?

– Самое время! – возразила Тонечка и нацелилась на бутерброд.

... Вот бы рассказать кому, что она обедает за фикусами в обществе самого знаменитого в России продюсера! И он еще с ней разговаривает! Но кому рассказать-то?.. Дочери нельзя. Матери бессмысленно – ее такие истории не интересуют.

Тонечке в голову не приходило стесняться, «держать спину» или как-то «соответствовать»! Этот человек, сидевший напротив, настолько далек от нее, водораздел между ними настолько глубок и широк, что ей не может быть дела до того, что он о ней подумает! Да он и не думает о ней!..

– На совещании было много всего сказано, но мне важно, чтобы героиня – вот эта будущая – все же имела какой-то человеческий облик, понимаете?..

Тонечка закивала, принимаясь за бутерброд. Какая разница, что он там говорит, этот человек из параллельной вселенной?..

– Ну, чтобы у нее были недостатки, проблемы, но не киношные, а как у людей.

Тонечка искоса на него взглянула.

... Да неужели? Великий продюсер хочет, чтобы сценарист написал про людей так, чтобы они были похожи на людей? Вот новости!..

– Александр... – тут она напрочь забыла его отчество, позорище какое!

– Называйте меня Сашей, – ни с того ни с сего брякнул продюсер. – А я вас стану называть Тонечкой. Вас редакторы так называют. Можно?

Вот тут она удивилась. И посмотрела на него. И перестала жевать.

– Можно, – сказала она остороженько.

... Что, вот прямо так – Саша и Тонечка?!

Вот бы рассказать кому-нибудь!.. Только некому, а тем, кому можно рассказать, нельзя ничего рассказывать!

Продюсер Александр Герман через пять, нет, через три минуты забудет о существовании сценариста Антонины Морозовой!

Тонечка придвинула к себе кофе и тарелочку с пирожными «картошка». Два пирожных!.. И предложила великодушно:

– Хотите?

– Хочу.

Они взяли по «картошке» и откусили.

– Саша, – начала Тонечка, наслаждаясь каждой секундой происходящего. – Всякий раз, когда пишу сценарий, я пытаюсь убедить заказчиков, что люди в кино должны быть похожи на людей, дети на детей, дома на дома, и так далее! И мне еще ни разу не удалось, представляете! А сценариев я написала... много.

– А... что мешает?

Тонечка засмеялась:

– Все в один голос говорят, что вы! Это не понравится Герману, Герман не подпишет такую заявку, под это Герман не даст эфирное время!..

– Ах, вот в чем дело.

– Ну, конечно! – Тут она воодушевилась. – Смотрите. Вот сериал, который на той неделе вышел. Я переписала сценарий двенадцать раз. Двенадцать, Саша, это не шутка!.. И каждый следующий вариант был хуже предыдущего! Я постепенно убрала оттуда все, что делает жизнь... жизнью. Сначала собаку – с ней много возни, ее неохота снимать. Ладно, хорошо, не будет собаки. Потом бабку. Бабка старая, некрасивая, никто не хочет смотреть на бабку, а все хотят на молодых. Не стало бабки, шут с ней! Потом осень пришлось переделать в лето, в сериале всегда должно быть лето, никто не хочет смотреть на осень!..

Александр Герман засмеялся.

– А что вы смеетесь? Я не выдумываю! Так и есть!.. Потом начались какие-то проблемы с режиссерами. Мне сто раз сказали, что мой сценарий настолько плох, что его никто не хочет снимать! Наконец-то нашли одного, вроде он согласился. И он переписал сценарий заново. Весь, от начала до конца!.. Он оставил только имена героев, а все остальное... переделал. закажите мне еще кофе, Саша!

– Да, конечно.

– И все ссылаются на вас! Вы не дадите денег. Вы не дадите время. Вы не подпишете. Вы не разрешите.

– Плохо дело.

– Вот именно!

– Пирожное еще попросить?

– Да. Нет. Вообще-то я на диете.

– А!..

Из-за стены фикусов и пальмочек слышался буфетный гул и какие-то восклицания. Александр Герман раздвинул листья, выглянул и сказал озабоченно:

– Я сейчас вернусь. Только Василия домой снаряжу.

Пока он ходил, Тонечка допила пепси-колу, сыто вздохнула, отряхнула шоколадную пыль с пальцев и крошки с джинсов. В общем, приготовилась.

– Вот что, – сказал Герман, вернувшись. – У меня созрел план. Вы сейчас что собираетесь делать?..

Тонечка уставилась на него. Глаза у нее были круглые, темные. Ему казалось – веселые. Ему вообще казалось, что она какая-то веселая!..

– Я собираюсь поехать на работу и начать писать для вас заявку. Вот эту, про которую сегодня полдня совещались!..

– А вы быстро ее напишете?

– А когда нужно?

Тут он захохотал.

– Вообще-то как обычно – хорошо бы вчера.

– Тогда напишу быстро.

– Нет, не так. Заявку вы начнете писать завтра. А сегодня я вас прошу съездить со мной на «Мосфильм». Там кастинг в большой проект. Я вас прошу посидеть и послушать. Ну, просто послушать, как актеры произносят текст.

– Меня?! Я ничего не понимаю в актерах! И в кастингах!

– Зато в текстах понимаете, – сказал продюсер Герман так, что Тонечка поняла: его нельзя ослушаться или не выполнить указаний. Придется слушаться и выполнять, это как бы компенсация за то, что он с ней разговаривает и даже угощает кофе! – Вы на машине?

– Что вы, нет, конечно! Разве сейчас можно по Москве на машине?! Нигде не проедешь, и час стоянки пятьсот рублей!

– Отлично, поедем на моей. Да что это там Василий все бузит?!

Он оставил на столе деньги – довольно много, Тонечке так показалось, – подхватил свой рюкзак, вырулил из-за фикусов и пальмочек.

Тонечка поспешала за ним.

Режиссер Василий Филиппов вырывался из рук официанта и еще какого-то человека в костюме, которые пытались поднять и увести его. Вырывался он довольно ловко. Со всех сторон, из-за всех столиков на него смотрели, кто-то фотографировал.

Александр Герман подошел, твердо взял горящего под локоть, рывком поднял и повел. Тот пошел.

– Где машина? – не оглядываясь, спросил он у человека в костюме, рысцой трусившего следом.

– Прямо у входа, Александр Наумович!..

– Нужно было сразу увести, – с досадой говорил на ходу продюсер. – Нет, довели до скандала!..

– Да как его уведешь, Александр Наумович, если он... не идет?

Режиссер Филиппов вдруг вырвал руку, схватил Германа за плечо и сильно притянул к себе.

– Она знала, понимаешь?! – почти крикнул он продюсеру прямо в лицо. – Она все знала! За это и убили! И меня убьют, вот увидишь!

Тонечка насторожила уши и вытянула шею. Даже что-то хрустнуло в позвоночнике, так она сильно вытянула!

– Тише, Вася, – Герман перехватил руку режиссера и опять повел его. – Не кричи.

– Мне нужно... улететь, – заговорил Вася, словно мигом протрезвев. – Куда-нибудь. Неважно. Виза. Не помню, не знаю. Куда можно без визы?

– По-моему, в Казахстан. Или во Вьетнам. Ты бы дома спать лег, Вася. – И человеку в костюме, через плечо: – Костя, проследи, чтоб он лег.

– Во Вьетнам, – продолжал бормотать режиссер. – Это хорошо... это далеко... Они меня там... не найдут? Или найдут? Нашли же Светку? Среди бела дня, среди людей! Убили, сволочи!.. Зоя... Мне нужно к Зое! Она все устроит! Она знает как, она всегда все устраивает! Где телефон, я ей позвоню!

Они миновали охрану, турникеты сами собой открылись, водитель подбежал и распахнул заднюю дверь машины. Вдвоем они затолкали режиссера на сиденье.

– Ты поспи, – сказал Герман серьезно и оглянувшись.

На широкое офисное крыльцо высыпали люди, под козырьком, где стояла оштетиненная окурками урна, тоже толпились, и все смотрели и фотографировали на телефоны.

Герман захлопнул дверь машины, кивнул водителю и нырнул в узкую калитку в сплошном заборе. Калитка и забор ограждали крохотный заасфальтированный дворик, где начальство держало свои автомобили.

Тонечка потопталась немного, оглянулась на толпу под козырьком.

«Пойду-ка я к метро покамест. Заявку нужно писать, Герман дал мне «особое» задание».

– Антонина Федоровна! – донеслось из-за калитки.

Тонечка была совершенно, то есть абсолютно – абсо-лют-но, как сказала бы ее дочь, – уверена, что великий продюсер о ней уже позабыл. Несусветные глупости про кастинг она и слушала-то вполуха!..

Он выглянул, лицо недовольное:

– Отстае!

– Да я вот... очки... искала, – сказала Тонечка первое, что пришло в голову, перебежала газон и перелезла через железную перекладину.

Он поддержал ее под локоть.

Широко шагая недовольными шагами, он словно бы силой доволоч ее до машины и приказал:

– Садитесь.

Машина была очень солидной, английской, солидного же английского цвета – какой-то болотной зелени, – и... довольно грязной.

Тонечка аккуратно помещилась на переднее сиденье, сумку утвердила на коленях. Ей было смешно.

– Без цирковых представлений никак, – процедил Герман, вырывая с тесной стоянки на тесную улицу.

– Да, – спохватилась Тонечка, – о чем он говорил? Вы поняли?..

Тот пожал плечами, что можно было расценить как угодно.

– Вот если б я написала такую сцену, мне бы точно весь сценарий завернули, – сказала Тонечка. – Ну, так не бывает в жизни!.. Чтоб человек бился и кричал, что его вот-вот убьют, и порывался во Вьетнам!.. Это даже не сериал, Александр Наумович! Это голимое «мыло».

– Мыло земляничное, – пробормотал продюсер. – Зовите меня Сашей.

Пришла очередь Тонечки пожимать плечами. Она пожала и на всякий случай согласно кивнула.

– Дело в том, что я там вчера был, – сказал Герман словно с досадой. – В институте, где Дольчикова... погубила. Там приемный тур проводили, абитуриентов полно! Собственно, она со мной приехала. А получилось... что получилось.

Тонечка уставилась на него.

– Моя дочь тоже была. Она познакомилась там с мальчиком, они зачем-то полезли на четвертый этаж и... нашли тело.

– Мне показалось, я вчера вас видел, – сказал Герман задумчиво.

– Я приезжала за Настей. Настя – моя дочь. Что там случилось? Вы знаете?

Он притормозил на светофоре и потер лицо, словно вдруг сильно устал.

– Я не знаю, – сказал он из-за ладоней. – И не хочу об этом говорить, потому что именно я ее туда приволок!.. Если б не приволок, может, ничего бы и не случилось.

«...Ну и дела, – подумала Тонечка. – Может, продюсер Герман страдает, как и режиссер Филиппов?.. Или он тоже оплакивает «несчастную Светку, бедную девулю». Просто не устраивает демонстраций и факельных шествий... Вдруг он ее тоже... любил, а теперь «любовь убили»?..»

По долгу службы Тонечка время от времени общалась с артистами и режиссерами и знала, что жизнь у них не простая, как у нее, Тонечки, и большинства других людей, а, напротив, сложная, бурная, неистовая!.. Ну, им так положено, артистам и режиссерам. Чтоб то и дело любви, страсти, скандалы, разводы, папарацци, внебрачные дети, установление отцовства. По-другому им неинтересно и словно нечем заняться.

Впрочем...

Тут она переменяла позу и уставилась в окно.

Ее собственный муж был точно таким же. Он страдал без причины, ревновал без повода, изменял без зазрения совести, скандалил без удержу. «Я же писатель! – кричал он и швырял в Тонечку первым, что подворачивалось под руку. – Мне нужны эмоции! Где я их возьму?! У тебя?! Ты не способна! Ты не можешь! Ты у меня забираешь даже те, что еще есть, последние остатки!»

Эти «последние остатки» Тонечку просто убивали!.. Она и так постоянно чувствовала себя виноватой, а уж когда дело доходило до «последних остатков»!

– Все это очень странно, – вслух сказала она, думая о своем. – Очень странно.

– Согласен.

Тонечка испуганно посмотрела на Германа, словно он прочел ее мысли.

– Нужно Василия расспросить, – продолжал Герман. – Я думаю, он не все подряд выдумывает, хотя кто его знает, конечно!.. И никаким следователям он ничего не расскажет, а мне, может быть, расскажет.

– Зачем вам это?

– Что?

Тонечка сделала неопределенный жест рукой.

– Расспрашивать, выяснять?..

– А... почему нет?

– Потому что человек умер, – сказала она неожиданно резко. – Его больше нет. Вы начнете ворошить его жизнь и мало ли на что наткнетесь!.. А это нельзя, неправильно это!..

– Что... неправильно?

– Делать из смерти шоу!.. Набегут журналисты, блогерши какие-нибудь!.. Она же была популярной артисткой! И так скандал на весь мир, как вчера выразился мой сосед, а если подробности всплывут совсем неприятные, мало ли?.. У нее родители есть?

– Наверняка есть, я не знаю.

– А дети?

– Был муж, – сказал Герман, – это точно, я его даже видел. Но как-то не очень долго он продержался, года два. Потом развод. Ну, а потом романы, конечно.

– Развод, романы, – пробормотала Тонечка. – Она же девочка совсем!

– Ну, не совсем. Тридцать лет стукнуло. В нашем поколении тридцатилетний человек считался окончательно взрослым. Правда, все давно изменилось, конечно.

– Конечно, – согласилась Тонечка несколько язвительно.

...С чего она так... разгорячилась? Что задело ее за живое? Воспоминания о муже? Или мысль о том, что продюсер Герман ничем не отличается от остальных – крутит романы с артистками, до которых ему и дела-то никакого нет, вон даже не знает о родителях?..

– А вам совсем не интересно? – спросил Герман тоже несколько язвительно. – Кто ее убил и за что? И почему Василий Филиппов так перепугался? Вы же сценарист, вас все это должно... возбуждать.

– А, ну вас, – и Тонечка махнула рукой. – Вы ничего не поняли.

– Чего – ничего?

– Придуманная история отличается от настоящей, как... – она поискала сравнение, – ну вот как история Ромео и Джульетты от криминальной сводки о подростковом суициде! Может, мне тоже любопытно, но всех жалко, понимаете? Светлану Дольчикову, ее маму, даже этого вашего Василия! У всех этих людей горе, а нам... любопытно! Свинство же!..

– Не знаю, – сказал Герман. – По-моему, вы слишком усложняете. И как-то сразу начинаете подозревать!

– Кого и в чем? – фыркнула Тонечка.

– Меня в свинстве, – сказал великий продюсер. – Или я опять не прав?

Он был совершенно прав, но не говорить же ему об этом!.. Впрочем, он, кажется, догадался.

...Вот сейчас высадит меня из машины, пронеслось у Тонечки в голове, да еще работу отнимет, закажет заявку другому сценаристу! Ими – нами, сценаристами! – можно не то что пруд запрудить, а целый океан заокеанить!

– Я говорю абстрактно, – моментально заюлила Тонечка, она всегда начинала юлить, когда понимала, что плохо ее дело, – не о вас, а вообще!.. И мне тоже любопытно, я же человек! И страшно люблю сплетни, только не из интернета, где не сплетни, а какое-то безобразие, а из журналов, понимаете? Где человек сам дает интервью, сам про себя вдохновенно врет, сам верит тому, что говорит! Вот это я всегда читаю, мне для работы нужно!

– Вы оправдываетесь?

Она улыбнулась.

– Пожалуй.

– Оправдания приняты.

Тонечка опять посмотрела в окно.

За окном была Москва, весна, безлюдные парки за заборами. В этой части огромного города все парки были за заборами, и в них никто никогда не гулял – правительственные резиденции или какие-то секретные дачи. И машин мало, хорошо, просторно!..

... Вот если бы не нужно было срочно писать сценарную заявку, затем ехать на «совещание с продюсером», потом переписывать, вновь совещаться и вновь переписывать, Тонечка засела бы на даче. Как прекрасно поздней весной, когда вот-вот все распустится, засесть на даче!.. У нее припасена стопка книг, еще не читанных. Она покупала потихоньку, когда были свободные деньги – книги нынче дороги! – и самое лучшее, интересное оставляла «на отпуск». Вставала бы она поздно, часиков в одиннадцать. Варила бы кофе и делала два бутерброда с колбасой – ну, не готовить же, в самом деле, завтрак для себя одной весной на даче! Не торопясь и не проверяя поминутно телефон, пила бы кофе и смотрела по телевизору про путешествия. По телевизору очень соблазнительно показывают всякие экзотические путешествия – в Манилу, в Сингапур! Потом на террасу, на диванчик – читать. Хоть час, хоть два, пока не устанешь, а затем можно подмести дорожки, помыть самовар – лето впереди, самое «самоварное» время! И чтоб никаких забот – дочь не поступает в театральный, мама не болеет и не иронизирует поминутно, не нужно везти на эвакуаторе в сервис машину, у которой заклинила рулевая рейка!..

– И все-таки с Василием я поговорю. – Голос продюсера прервал ее мечтания. – Что с ним такое, непонятно!.. И родителей вы правильно вспомнили. Позвоню им обязательно.

– Денег нужно, наверное, – тихо сказала Тонечка.

– И это тоже правильная мысль.

Возле проходной «Мосфильма» стояла толпа, вываливалась наружу, не помещаясь в будке. На «Мосфильм» всегда ломился народ, все будущие и настоящие кинематографические звезды.

Машину Германа охранники, видимо, хорошо знали, потому что шлагбаум сразу поднялся. Из будочки выбежал человек в камуфляже, из толпы на тротуаре жадно заглядывали в окна – кто едет, может, сам... Петров? Или Иванов? Или – господи помилуй! – даже Сидоров?!

– Здравсте, Александр Наумович, – охранник заглянул в боковое окно с опущенным стеклом. – Вы гостью везете? Можно паспорт ваш?

– Да, – спохватилась Тонечка. – Конечно!

Пока он бегал с ее паспортом в будочку, другой обходил машину со всех сторон. В руках у него было круглое зеркало на длинной ручке.

– Они же знают, что вы – это вы, – заметила Тонечка. – И все равно смотрят, не прицеплена ли у вас к днищу мина?..

– Такие правила.

... Понятно, что правила! Дурацкие правила, вот и все.

Паспорт вернули, рукой махнули, автомобиль перевалил «лежачего полицейского», и они покатали по широкой дороге. Газоны зеленели, деревья распускались, тюльпаны цвели.

Хорошо на «Мосфильме»! И Тонечке еще больше захотелось на дачу.

– А фильм о чем? – вздохнув, спросила она.

– А ни о чем, – сказал Герман жестко. – Сейчас сами все поймете.

– По спискам проходим, активно проходим, кто по спискам! – Зычный голос администраторши перекрывал шум доброй сотни голосов. – Массовка, кто на кастинг сериала «ПТУ», проходим активно!

Настя выглядывала из-за спин и плеч, ее очередь совсем-совсем не двигалась!.. Сейчас зычная администраторша захлопнет свою папку и поведет счастливых внутрь, на кастинг, а она останется с носом, как всегда!

– Девушка, не напирайте! Что вы напираете!

– А вы шевелитесь! – огрызнулась Настя.

– Выискалась! Звезда, блин! Стой спокойно, видишь, сколько народу!

– Кто на кастинг в «ПТУ», двигаемся, двигаемся!

– Я! – неожиданно для себя крикнула Настя во весь голос и залилась краской. На нее оглянулись. – Подождите меня!..

– Здесь все на кастинг!

– Не, мы не в «ПТУ», мы в «Девуцу со станицы»!

– А я в «План Берии»!

– На «План Берии» завтра кастинг!

– Вы че, совсем?..

– Девушка! Девушка, которая в «ПТУ», давайте сюда! Пропустите ее, пропустите, господа!..

Да уж, господа, подумала Настя, изо всех сил работая плечами и локтями. От усилий даже голова вспотела!.. Хоть бы миллиметр в сторону, хоть бы шагочек сделали, чтоб пропустить, – нет, стоят, упыри проклятые, хотя все слышали, что ее вызывают!..

Растрепанная, красная, потная, Настя наконец вынырнула перед администраторшей с папкой и прямо ей в лицо крикнула:

– Я! Я на кастинг в «ПТУ»!..

Администраторша окинула ее моментальным недовольным взглядом:

– Записывалась?

– Морозова Анастасия.

Та отлистнула списки, поставила галочку и скомандовала на всю проходную:

– Кто в «ПТУ», по одному через турникет, и ждать меня! Готовим паспорта в раскрытом виде!..

Слава богу, прорвалась! Вот удача!..

Настя выскочила на улицу с той, вожденной стороны, где уже начиналась другая, вполне кинематографическая жизнь – чистота, красота, просторы и газоны, памятник Шукшину в некотором отдалении. Настя не любила Шукшина и не понимала, за что его можно любить, снимал ерунду, писал скукоту.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, она против солнца осмотрела желтые здания за липами и яблонями, купы пионов, кусты сирени и счастливо вздохнула: отныне и навсегда ее место здесь и только здесь.

Она добьется! Она станет! Она сможет!

Очередь на кастинг в массовку – начало. Когда-нибудь она станет заезжать сюда через шлагбаум как хозяйка, как королева! Вот как люди на той огромной зеленой машине, только что перевалившей «лежачего полицейского»! Они не стояли в очереди в проходной, их не отмечали в списках, почтительный охранник сам подбежал, проверил документы, проводил поклонами.

– Массовка «ПТУ» – за мной! Все за мной! Не отставать, ждать никого не буду!..

Мимо грустного Шукшина – вдруг Насте стало его жалко – толпа с администраторшей во главе обошла торец желтого здания, приняла левее. За зданием открылась довольно большая и удивительно пустая стоянка для машин – зеленый «крокодил», которому кланялся охранник, еще пара автомобилей, и все. Настя подумала, что это как-то неправильно – такая пустота. А где артисты, звезды? Или у них кастинги бывают в других местах?..

В вестибюле старого здания было прохладно и гулко отдавались голоса. Администраторша всех пересчитала по головам и куда-то повела широким коридором. По обе стороны коридора были устроены витрины. «Костюм Ю. Яковлева в роли Ивана Грозного, «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай». «Платье Т. Самойловой в роли Белки, «Летят журавли», реж. М. Калатозов».

Настя крутила головой, но рассмотреть, задержаться перед витриной было некогда, администраторша оглядывалась и торопила.

Несколько раз свернули, поднялись по ступенькам, коридор стал поуже и поуже, и никаких витрин, спустились, еще раз повернули.

...Да тут заблудиться раз плюнуть! Настя уже совершенно запуталась!

Еще несколько раз поменяв направление, вышли в просторный холл, заполненный людьми почти так же, как коридоры института в день экзаменационного тура!.. Господи, сколько их тут?! И откуда они все взялись, не было же никого, в коридорах пусто?! Это что, все претенденты на массовку в сериале «ПТУ»?! Настя от растерянности чуть не заплакала. Ничего она не получит, никакого места в массовке! Вон сколько тут девиц и парней, и все примерно одного возраста, и красивые!.. Нужно было сделать контуринг и навести стрелки, но она прочитала в интернете, что на кастинг следует приходить без грима, а то режиссер забракует!..

– Та-ак, массовка «ПТУ» к правой стене! Всем понятно? К правой! Никуда не уходим, ждем, будут вызывать! Туалеты в том коридоре!

– А буфет? – пискнул какой-то начинающий артист, и администраторша возмутилась.

– Какой еще буфет? Из голодного края, что ли?! Внимание, «ПТУ», никто никуда не разбредается, все ждут с правой стороны!..

Настя проводила администраторшу глазами – высокие павильонные двери закрылись за ней – и огляделась.

Люди сидели на стульях, на полу, на подоконниках. Какой-то чувак, скрестив ноги, расположился прямо посередине холла. Впрочем, сидели только избранные счастливицы и счастливицы. Остальные – их оказалось куда больше! – стояли, привалившись к стенам. У некоторых в руках были бумажки, они лихорадочно читали, а потом повторяли, закатив глаза. Настя через чье-то плечо попыталась заглянуть в такую бумажку, но не заглянула. Парень заметил ее движение, весь дернулся и быстро отошел, пряча листки.

Настя независимо пожала плечами.

...А вдруг здесь кастинг не только в массовку, но и... на роли? Или так не бывает? Нет, а с другой стороны, что они тогда читают? Наверняка им дали *слова*, то есть счастливицы и счастливицы получают *роль со словами!*

Со словами?!

Настя задыхалась быстрее. Как бы узнать, у кого узнать? Никто не скажет, здесь все конкуренты, вон как бросился прочь парень, когда она попыталась прочесть!

Эх, нет у нее друга, нет товарища рядом, никто не может ей помочь! Во всей вселенной нет человека, который мог бы помочь!.. Наверное, Даня смог бы, он же ходит с каким-то Ромкой на экзамены, но Даню она потеряла навсегда!..

– Привет, – раздалось у нее за спиной. – Ты сегодня куда пробуешься, в «ПТУ» или в «Севрюжку долю»?

Не веря своим ушам, она оглянулась. Не веря своим глазам, она на секунду зажмурилась.

Но когда она открыла глаза, ничего не изменилось. Данила Липницкий, предмет ее страданий, в клетчатой рубахе поверх футболки, в спадающих брюках и с книжкой в руке, весело ей улыбался.

Словно они и не потеряли друг друга навсегда!

– Это... ты? – пропищала Настя.

Даня оглядел себя – сначала с одного бока, а потом с другого.

– Это я, – сказал он уверенно. – А что такое? Я как-то изменился?

Она немножечко пришла в себя, провела рукой по лбу на манер артистки Эльгизы Тухеровой – та всегда проводила рукой по лбу и словно затуманивалась, когда в кино играла романтическую сцену.

– Я тебя потеряла, – сказала Настя голосом Эльгизы. – Там, в институте...

– Я тебя тоже! – бодро откликнулся Даня. – Папа приехал, и я потом долго на всякие идиотские вопросы отвечал.

– И я! – радостно сказала Настя.

Господи, как прекрасна жизнь!.. Как она... волшебна!

– Ты решил попробовать на роль?

– Да ну-у-у, – Даня засмеялся. – Ромка пробуете, он где-то мечется на нервной почве, должно быть, опять в сортире. А я с ним, он один не может, боится. На самом деле я был почти уверен, что встречу тебя здесь.

Он «был почти уверен» – это почти объяснение в любви, решила Настя. Не совсем, но почти!..

Жизнь немедленно стала еще прекрасней.

– Дай мне свой телефон, – распорядилась она, обретая уверенность. – А то мы опять потеряемся.

Он продиктовал, она записала и подумала, что хорошо бы еще на бумажку записать, вдруг с телефоном что-нибудь случится!..

– У тебя есть какая-нибудь бумага? Мне записать нужно!

– Только книжка. Но в книжке записывать не дам! – быстро сказал он, спрятал книгу за спину и опять засмеялся.

Настя посмотрела на него и тоже засмеялась – от счастья.

...Они виделись только вчера, а казалось, это было давным-давно, и она почти забыла, какой он красивый. Как ему идет длинный нос, если только человеку может идти его собственный нос!.. Какие у него брови и волосы, словно немного обрызганные золотом! Какой он высокий, немного сутулый и удивительно... свой. Словно они знакомы давным-давно!

– Так куда ты пробуешься?

– В «ПТУ»! Здесь все в «ПТУ», по-моему.

– А как же «Севрюжья доля»?

– Что ты выдумываешь? – счастливым голосом спросила Настя. – Какая еще «Севрюжья доля»?! Есть «Девушка со станицы», но в нее пробы завтра.

– А ты завтра опять собираешься? – удивился Даня. – Я Ромке, между прочим, сказал, что завтра не пойду ни за что! Я больше не могу. Тут люди в такой истерике!

– Так все роль хотят, – не поняла Настя. – Вон у тех, кто с листками, наверняка эпизоды, видишь?.. Вот бы и мне в эпизод попробовать! А Ромка в массовку или в эпизод?

– Мы в машине какую-то ерунду учили, – сказал Даня, подумав. – Он был отморозок, а я старушка. Он у меня пенсию отнимал.

– Эпизод! – выдохнула Настя. – Он даже не учится еще, как это ему дали эпизод?!

– Сидеть, между прочим, негде, – продолжал Даня. – И есть очень хочется. А где буфет, я не знаю.

– Нельзя в буфет, ты что?! А вдруг вызовут!

Павильонная дверь распахнулась, все вытянули шеи в ту сторону, и Настя тоже. Даже гул голосов немного утих. В коридор выскочила девушка с двумя подносами, уставленными чашками, бумажными стаканами, блюдами и тарелками. Попой она толкнула тяжелую створку и, балансируя подносами, как жонглер-эксцентрик, помчалась куда-то. Все расступались перед ней.

– Наверняка она знает, где буфет, – сказал Даня, проводив ее глазами. – Если следовать разумной логике. Чашки и тарелки явно из буфета.

– Мы не пойдем в буфет, – твердо сказала Настя. – Мы будем ждать здесь!

– Такова наша севрюжья доля, – легко согласился Даня. Он вообще легко соглашался, она уже заметила. И то и дело вставлял «между прочим»!

В коридоре было душно, и казалось, народу все прибывает. У Насти гудели ноги, и хотелось сесть, но куда тут сядешь?..

– А что у тебя спрашивал следователь?

– Ну, как все было, – отозвалась Настя, вглядываясь в толпу. Что же их так много?! – Как мы на четвертый этаж пошли, как увидели! Я ему про часы рассказала! У нее часы были в виде медальона, висящего на браслете, а когда мы ее нашли, часов не оказалось. Слушай, я не могу сейчас про это говорить, я и так нервничаю.

– Поступала бы лучше на исторический, – ни с того ни с сего посоветовал Даня Липницкий. – Наука крутая, в истерике никто не бьется.

– Я не хочу на исторический. Я актриса. Акт-ри-са!

– А-а, – протянул Даня. – Тогда конечно...

Вернулась взмыленная девушка – поднос на этот раз был только один. Кто-то открыл ей дверь, она проскочила в павильон, и снова ничего, только ожидание.

От этого ожидания с каждой секундой становилось все невыносимей, словно ртути наглоталась.

– Я хочу туда, – сказала Настя и подбородком показала на павильонные двери. – Там же что-то происходит! Почему нас не вызывают? Вдруг уже всех набрали?

– Ну, это маловероятно.

– Я хочу туда, – повторила Настя. – Слушай, а вдруг там кастинг героев? Сначала герои, потом эпизоды, а потом массовка?.. Вот бы посмотреть!

Даня почесал голову, от чего сделался необыкновенно лохмат.

– Нужно что-то придумать, – сказал он. – Что мы можем придумать?

– Да ничего не можем, – Настя вытерла мокрый лоб. До чего душно, просто ужас! И ноги какие-то тупые, тяжелые.

– Папа говорит, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

Из съемочного павильона вдруг вывалились люди, среди них девушка с подносом и давешняя администраторша с папкой.

– Массовка «ПТУ»! – зычно прокричала администраторша. – Ждем спокойно, никто никуда не уходит, в обморок не падаем, держим себя в руках!.. Сейчас продюсер посмотрит артистов, и начнем кастинг!..

– Продюсер приедет? – выкрикнули из толпы кликушеским голосом. – Сюда?

– Он уже приехал! Со сценаристом вместе! Так что спокойненько ждем своей очереди!

– Какой продюсер? – жадно спросила Настя у чьей-то спины. Спина не дрогнула и не обернулась.

– Кто приедет, – пристала она к другой. – Кто? Вы не знаете? А? Кто приедет?

Девушка с подносом, оказавшаяся совсем близко, вдруг ей ответила:

– Да сам Герман приехал, идет сюда. Вздумал героев смотреть! Теперь до ночи застрянем.

– А вы администратор? – встрял Даня, и девушка кивнула.

– Слушайте, – продолжал тот вдохновенно. – Давайте мы вам поможем! Мы все равно стоим без дела!

Девушка страшно удивилась. Настя возревновала.

– Как это вы мне поможете?

– Да вот чашки помоем и принесем!..

Девушка недоверчиво на него посмотрела.

– Что, правда?

Даня сунул свою книжку в безразмерный карман штанов и перехватил у нее поднос.

– Слышь, парень, – зачастила девушка, проталкиваясь через толпу. – Смотри. Ничего не надо мыть. Мы сейчас в буфете все возьмем, и бутеры, и печеньки, и чай зеленый, и кофе, и... – тут она выхватила откуда-то мятый листок бумаги и уставилась в него, – так, еще сливки холодные и пирожное «картошка». Подружка с нами?

Даня кивнул на ходу. Настя рассердилась всерьез.

– Отличненько. Тогда точно вы все унесете. Вы унесете, а я сбегаю в костюмерную, а то хоть разорвись. Представляешь?! Ну, у меня не семь ног-то! Нет, еще шляпу какую-то подавай, а я даже не знаю, кто сегодня из костюмеров на работе, там есть одна, она не то что шляпу, булавок не даст!

Даня сочувственно кивал.

– Я никуда не пойду, – объявила Настя противным голосом. – Я же на кастинг!.. Меня могут вызвать.

Девушка махнула на нее рукой.

– Да тут все на кастинг. И не вызовут никого, ты видишь, что творится?! Герман приехал, все, пипец.

Даня строил Насте какие-то рожи, она не понимала, что он хочет сказать, но шла за ними. Не могла же она оставить Даню с этой девушкой и ее подносами!..

– Ты что, не понимаешь? – ей на ухо сказал Даня уже в буфете, где сильно и остро пахло кофе и апельсинами. Сразу очень захотелось есть и пить. И сесть! В буфете было отчего-то полно свободных мест. – Мы сейчас все это отнесем в павильон. Ты же хотела туда попасть и не знала как!..

Тут только она сообразила. Как она могла не сообразить, она же сообразительная!..

...Или нет?..

– Как войдешь, с правой стороны столы такие сдвинутые, – объясняла девушка, нагружая подносы. – Вот это все нужно поставить на второй, понял? На второй! На первом распечатки, а на второй поставишь!

– Понял.

– Ты бери тот, с кофе, а подружке полегче, где печенье и бутеры. И не расплескайте ничего, они все там злые, как собаки!.. И на второй стол!

Они шли с подносами, толпа расступалась и перед ними – подносы делали свое дело! У Насти внутри тряслось и дрожало – она идет в съемочный павильон! Она сейчас все увидит своими глазами! И артистов, и режиссеров, и даже знаменитого Германа, если удастся.

– Как это ты придумал? – в спину Дане сказала она.

– Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, – ответил он, не оборачиваясь. – Откройте нам дверь, пожалуйста!..

Кто-то уважительно придержал перед ними дверь, они вошли и оказались в полной темноте.

– Даня, стой, я ничего не вижу!

– Я стою. Я тоже не вижу.

Некоторое время глаза привыкали к темноте, потом впереди забрезжил свет.

– Иди аккуратно, – предупредил Даня. – Здесь на полу могут быть провода.

– Я за тобой.

Медленно и осторожно они пошли на свет и вскоре оказались в огромном помещении. Здесь было жарко, стояли столы, не один и не два, а, должно быть, десяток, разномастные стулья и кресла, горел яркий свет. Впрочем, свет разгонял темноту только в середине помещения, по углам было темно. На стульях в ряд сидели люди с бумагами в руках и напряженно читали. По рельсам ездил диковинная квадратная камера. Самое интересное, что вместе с камерой ездил человек в какой-то металлической корзине!.. В центре светового пятна сидели двое, он и она, и молчали. В руках у них тоже были бумаги. Вокруг стояли люди с белыми щитами из пенопласта, человек из железной корзины командовал ими:

– Валера, подними свой край выше!.. Еще. Еще. Стоп, хорош, опусти немного! Стоп, стоп! Стас, возьми левее, видишь, у нее какой блик на лице! Не, много взял, свет совсем ушел! Стас, я кому говорю!..

– Какой стол... второй, как ты думаешь? – шепотом спросил у нее Даня. – Откуда считать?..

Настя ничего не ответила. Она была словно в коме.

Эти двое – артисты. Человек за камерой – оператор. Те, что со щитами, подсвечивают им лица. Она же видела в интернете, как это все делается!

Она видела и даже немного читала... Про Калатозова читала и про Татьяну Самойлову в роли Белки...

А сейчас, сию секунду она все видит своими глазами!

– Должно быть, вон тот. На нем объедки какие-то.

И Даня из поля ее зрения испарился. Впрочем, он очень быстро вернулся обратно в поле и принял из ее ослабевших рук поднос.

...«Принял из ослабевших рук» – фраза словно из сценария.

...Татьяна Самойлова в роли Белки...

...Каннский кинофестиваль, Лоуренс Оливье, а начинается все отсюда, вот с этого самого места.

...Я больше не могу, я сейчас упаду в обморок.

Даня Липницкий легко толкнул Настю в бок.

– Насть, ты чего?

Как сомнамбула, она сделала два шага вперед.

...Наверняка эта «сомнамбула» тоже бывает в каждом приличном сценарии.

Сделав два шага – как сомнамбула, – она оказалась почти на свету, Даня схватил ее сзади за футболку и утянул обратно в темноту.

– Нас сейчас отсюда погонят! – зашептал он сердито. – Куда ты поперлась?!

– Тишина в павильоне! – громко крикнул какой-то злобный карлик в кепочке. – Все закрыли рты! Где «хлопушка»?!

Из темноты выскочила... Мила, да, да, та самая Мила, которая была в театральном институте и собиралась покурить с несчастной Дольчиковой!

Она выскочила, крикнула нечто невразумительное вроде:

– «ПТУ», пробы, первая пара, Олег Брызгин, Марианна Веселкина, сцена сто тринадцать, эпизод первый, дубль один!..

Камера поехала, злобный карлик завопил:

– Начали!..

Двое на стульях помедлили немного, словно досчитали до трех, и принялись говорить друг с другом.

Вокруг молчали. Камера медленно ехала. Человек в железной корзине, припав, смотрел в объектив.

– Сто-оп! У меня было! Кира, у тебя было?

Оператор кивнул, вытер пот с верхней губы и распрямился.

Тотчас же все зашумели, задвигались, словно ожил замок Спящей красавицы после нескольких столетий заклатья.

– Все? – спросила девушка, которую снимали. – Совсем все? Можно уходить?

На нее никто не обращал внимания, все говорили друг с другом – громко – кажется, и ответов никто не слушал:

– Нужно выставиться со светом как следует, если Герман приехал. Когда выставиться-то, мы и так на два часа опаздываем!.. И звук! Мужики, звук почти не идет! А левый монитор глючит или наводки такие?

– Уходить? – повторяла девушка, обращаясь непонятно к кому. – Мне совсем уходить?

– Да уходить! – рявкнул на нее карлик. – Выйдете и ждите в коридоре, продюсер приехал, пробы будет смотреть! Мила, проводи ее! Или кто там? Катя?..

– Парень, дай воды! Слышь? Бутылку с водой дай!

Даня встrepенулся, догадавшись, что оператор обращается к нему, перелез через кабели, рельсы и стулья и сунул тому в руки бутылку.

Оператор стал жадно глотать, заходила туда-сюда щетинистая шея.

– А газированной нету, что ли? – спросил он, тяжело дыша. В бутылке ничего не осталось. – На, забери.

И кинул Дане бутылку. Даня поймал.

– В середине скачок! – прокричал оператор неизвестно кому, сильно наклонившись в сторону и кепкой вытирая лицо. – Рельсы посмотрите кто-нибудь! Прямо прыгает камера! Следующий дубль в браке будет!

– Я те дам в браке!

– Не пейте кофе, это для продюсера!..

– Да я один глоток...

– Сказано, не пить!..

– Тихо все! Давайте следующих! Кто следующий?!

– Вот это да, – сказал Даня, пожалуй, с уважением. – Вот это работа так работа. Я бы не смог.

– Тише ты! Нас сейчас выгонят!

Он огляделся по сторонам. Он вообще как-то легко ориентировался и приспособивался к обстоятельствам, Настя уже заметила.

– Давай за мной! Пошли во-он в тот угол. Мы все увидим, а нас никто не заметит.

– Почему?..

– Потому что оттуда свет. Мы зайдем за фонари, против света никогда ничего нельзя разглядеть. Между прочим, актриса должна быть наблюдательной. А ты как-то... не сечешь!

Настя даже не обиделась. Она практически идет по красной дорожке, – слева Софи Тернер, справа Мэйсон Уильямс, – когда тут обижаться! Некогда...

Даня тянул ее за руку, она шла за ним, спотыкалась и хваталась за него.

Они зашли за хлипкие треноги, горевшие адским пламенем.

– Это осветительные приборы, – с восторгом прошептала Настя.

Он хмыкнул.

– Я вижу.

Злобный карлик, забравшийся к оператору, посмотрел в объектив одним и другим глазом, прыгнул с подножки и закричал:

– Следующие в кадр, быстро!.. Катя, сажай следующих! Где рация? Я рацию где-то проспал!

– Она у меня, Эдуард Вадимович!

Тут в световой круг ворвалась толстая администраторша с папкой, которая руководила массовой, и выпалила, округлив глаза:

– Эдик, они пришли! Ведут! Идут!

И вновь пропала, видимо, помчалась встречать и «вести».

Карлик Эдик тихонько выматерился себе под нос, приосанился, снял кепку, пригладил волосы на лысине, напялил кепку и ни с того ни с сего скроил любезное лицо, сделавшись совершенным уродом.

– Это он, – пробормотала Настя и на секунду припала лбом к Даниному плечу от экстаза. Так делала Эльгиза Тухерова, когда играла романтические сцены! – Герман. Приехал.

Актеры на стульях перестали обмахиваться бумажками и замерли. Люди со щитами из пенопласта все куда-то подевались. Пятясь, вновь появилась администраторша. Она улыбалась и делала взмахи рукой – мол, сюда, сюда!..

– Я знаю только тех Германов, – сказал Даня задумчиво. – Которые великие. Юрий Герман, между прочим, превосходный писатель! Алексей, который «Проверку на дорогах» снял, и Алексей-младший...

– Заткнись, – сквозь зубы перебила Настя. – При чем тут «Проверка на дорогах»?!

– Это какой-то другой Герман?..

– Я тебя убью, – пообещала Настя.

– Здравствуйте! – раздался твердый, громкий, уверенный и веселый голос – таким голосом говорят только начальники и только большие. – Я всем помешал, извините!.. Вы не обращайте на нас внимания, мы пробы посмотрим и уедем!

– Александр Наумович! – вскричал режиссер Эдуард так, словно само счастье явилось к нему сию минуту в душный, жаркий, пыльный, полный запаха пыли, пота и страха павильон. – Прямо честь для нас, я и не предполагал...

– Честь, честь, – снисходительно согласился продюсер Герман. – Мы мешать не будем.

– Да нет, это не тот Герман, – с досадой прошептал Даня на ухо Насте. – Совсем.

Она толкнула его в бок, сильно.

– Да, – словно спохватился «не тот» Герман. – Прошу прощения. Со мной вот сценарист приехал. Знакомьтесь – Антонина Морозова. Она на этом проекте не задействована, но сценарист превосходный.

Какая-то девушка в джинсах, кудрявая и хорошенькая, явно стесняясь, просеменила в центр съемочной площадки и встала рядом с продюсером.

– Здравствуйте, – сказала она.

Голос был приятный, нисколько не начальственный, чуть с хрипотцой, и Настя узнала именно... голос.

– Что? – сама у себя спросила она. – Кто?

– Ты чего, Насть?..

– Антонина послушает, а я посмотрю, – продолжал Герман. – Мы вон там сядем, ладно?

– Кофейку, Александр Наумович? Бутерброды, печенье, все есть!

– Тонечка, вы будете кофе?

Настя за штативами покачнулась – вдруг с ногами что-то сделалось. Наверное, ртуть. Еще в коридоре ей показалось, что она наглоталась ртути...

– Насть, ты что? Тебе плохо?!

Та быстро и бесшумно села на пол, привалилась к какому-то ящику. Сердце прыгало и моталось, словно потрепанная афиша на сильном ветру, нечем стало дышать, и вспотела вся голова.

Даня моментально опустился перед ней на корточки.

– Что такое?!

– Тише, – попросила Настя. – Я что-то... не могу.

Даня выхватил из кармана книжку, распластал ее и стал махать у Насти перед носом. Как ни глупо было это махание, но отчего-то оно помогло. Воздух вернулся, Настя судорожно вдохнула.

На площадке бегали, суетились, кричали.

– Может, пойдем на улицу? – предложил Даня, продолжая тревожно махать. – Ну их к шутам, эти ваши пробы!..

Настя придержала его руку. Стала на четвереньки и подползла к осветительному прибору.

– Видишь сценаристку? Которую Герман привез? Ну, вон ту, кудрявую?..

– Вижу, он только одну привез.

– Это моя мать.

Даня высунулся из-за ее плеча, посмотрел и снова начал махать на нее книжкой.

– И что? Очень симпатичная, по-моему! Или ты здесь... на нелегальном положении?
Ох, Настя и сама теперь не знала, на каком она положении – здесь и вообще на свете!..
Ведь это на самом деле ее мать.

Ее собственность, ее недоразумение и беда – мать ничего, *ничего* не смыслила в том, что представлялось Насте делом жизни!.. И не могла помочь! И поддержать не могла!..

Она с утра до ночи торчит на своей дурацкой нелепой работе и дома постоянно пишет что-то, таскает работу домой!..

...Выходит, она сценарии пишет?!

Какой страшный, чудовищный обман!

Вся жизнь, их общая жизнь – обман!..

– Насть, пойдем на улицу, – Даня крепко взял ее за плечо. – Мне тут... надоело.

– Иди, – сказала Настя, не слыша себя. Что-то уши заложило. – Я посижу пока.

– Да что случилось?! – зашипел он рассерженно, и тут закричали:

– Тишина на площадке!..

Выбежала Мила с хлопушкой, скороговоркой произнесла свою невнятицу, и двое на стульях, в центре светового круга, начали разговор.

Он: Я не знал, что она моя дочь.

Она: Она твоя дочь!

Он: Почему ты мне солгала про дочь?

Она: Я не могла иначе! Я не хотела делать аборт!

Он: Я не верю тебе!

Она (рыдая): Это твоя дочь!..

– Стоп моторы!..

На площадке было тихо.

Странное дело, сюда, в павильон, не просачивались никакие привычные звуки – не было слышно шума улицы, автомобильных гудков, гула толпы в коридоре, ничего.

– Ну что, Александр Наумович? Снято или еще один дублик?..

Герман поглядел на Настину мать:

– Ну что, Тонечка? Снято или дублик?..

Настя закрыла глаза.

Но тут же вновь открыла!..

– Воля ваша, – заговорила мать после паузы этим своим привычным, родным голосом с хрипотцой, – а в жизни так не говорят, Саша. Вы же все видите! Артистам так... неудобно, они же люди!

– Эт точно! – вдруг с тоской гаркнул тот, кто был «он». – Мы тоже люди!..

– Хорошо, а как? – вдохновился Герман. – Ну, напишите!.. Давайте, давайте! Перерыв!

– Перерыв на площадке!

Все задвигались и зашумели.

– Да не нужно никакого перерыва, – быстро сказала Тонечка. – Как написать? От руки?

Или на компьютере?

Она полезла в сумку и проворно вытащила ноутбук.

Ноутбук тоже был родной, старенький, один угол треснутый, мать его когда-то уронила!

– Если есть принтер, я сейчас на компьютере моментально!..

Вокруг ходили люди, жмурились от света, приставляли ладони козырьком к глазам, жадно пили воду из пластиковых стаканов, утирали лица, задирая футболки, Тонечка на своем компьютере строчила как из пулемета.

Насте вдруг стало очень страшно. За нее, за мать.

Она же ничего не умеет, только бумажки писать дурацкие!..

...Бумажки. Дурацкие бумажки. Она умеет писать дурацкие бумажки!

– Вот, готово! Где принтер?

– Да вон, за вами!..

Принтер загудел, из него полезли листы – дурацкие бумажки.

Герман взял один, взглянул и скомандовал:

– Повторим сцену в новой редакции. Да?

– Да! – закричали со всех сторон.

И вновь суэта, беготня, люди с пенопластом.

– Тишина на площадке, моторы идут!..

Настя коротко вздохнула и вытерла пот, вдруг поливший в глаза. Те двое в наступившей отчаянной тишине заговорили снова:

Он: Ты что, тогда залетела?!

Она: кивает.

Он: И мне не сказала?!

Она: Ну, не сказала! Я решила, аборт делать ни за что не стану!

Он: Дура! Какой аборт?! Ты все врешь!

Она: Да не вру я, можешь проверить!

– Стоп, снято!..

Никто не шевелился и не двигался.

Неподвижны люди со щитами из пенопласта. неподвижен оператор в своей железной корзине. неподвижны артисты с листочками в руках. Оказывается, заклятье на замок Спящей красавицы очень легко наложить снова и снова – сколько угодно раз...

– Это было, – будничным голосом сказал Герман, и чары мигом рассеялись.

– У-уф, – выдохнул режиссер Эдуард. Насте показалось, что все, кто находился в павильоне, выдохнули вместе с ним.

Герман уперся ладонями в свои джинсовые колени, посидел, раздумывая, поднялся и поманил режиссера за собой. Вдруг спохватился и повернулся к Настинной матери.

– Тонечка, пойдите с нами. Эдик, вот сейчас точно объявите перерыв!

– Перерыв на площадке!

– Ты знаешь, – сказал рядом Даня Липницкий, – как в данном случае расшифровывается аббревиатура «ПТУ»? Я на этой хлопوشке прочитал, там написано!

Настя взглянула на него.

– «Пускай тебя убьют», «ПТУ»! – провозгласил Даня. – С чувством юмора чуваки!..

– Пойдем отсюда.

– Давно пора.

...Только бы не встретить мать. Только бы не встретить! Если они встретятся – что ей сказать?..

Переступая через провода и толстые кабели, Даня впереди, Настя за ним, они выбрались в центр съемочной площадки – никто не обращал на них внимания – и побрели вдоль черных занавесок к табличке «Выход», горевшей хищным красным светом.

В коридоре ничего не изменилось, только, кажется, народу еще прибавилось, и стало совсем нечем дышать.

– Я не знаю, куда идти, – призналась Настя. – И без администраторши нас с территории не выпустят, всех специально предупреждали.

– Да? – удивился Даня. – Вон там дверь на улицу, может, выйдем, оглядимся?..

Насте было все равно. Ее жизнь оказалась обманом, химерой.

Должно быть, так пишут в сценариях!..

Ее мать, ее собственная родная мать пишет эти самые сценарии! А дочь ничего не знала! Не знает!.. Мать – обманщица, лгунья.

Настя поднесла ко рту стиснутые кулаки и укусила сначала один, потом другой. Стало больно и невозможно.

– Ну, ты даешь, – сказал Даня. – Слушай, наверное, из тебя на самом деле получится артистка!

– Заткнись.

– Мне нужно Ромке сказать, что я уезжаю. Он искать станет.

Насте было все равно.

Они вышли на улицу – дверь оказалась не заперта и непонятно было, почему их вели такой дальней дорогой и почему никто не догадался распахнуть эту самую дверь, чтобы можно было дышать! За день – целый день прошел, целый огромный весенний день! – трава еще немного напружинилась, и зазеленели длинные березовые веточки, и какие-то немудрящие цветы распустились на клумбах, утром их не было.

Уткнувшись носом в угол с облупившейся штукатуркой, какая-то девчушка рыдала навзрыд. Плечи ее тряслись и спина ходила ходуном.

Настя и Даня переглянулись.

Как ни велико оказалось Настино нынешнее потрясение, девчушкино горе наверняка было еще горше. Настя кинулась и схватила рыдающую за руку.

– Что? Что случилось?

Девчушка повернулась, и Настя ее... узнала. Это была та самая, ее двойник, ее копия, которую она заметила тогда в коридоре института!..

Сейчас по лицу у нее текла тушь вперемешку с пылью.

– Все, – выговорила девчушка трясущимися губами. – Все!..

И опять зарыдала, почти завывала.

– Тихо, тихо, – быстро сказал Даня. – Спокойно. Еще не все.

– Посмотри на меня, – велела Настя. – И скажи, что случилось.

Девчушка заикала, зажала себе рот рукой и старательно подышала носом.

– Украли, – выговорила она с трудом и все же икнула, – у меня украли. Деньги, паспорт. Аттестат!.. И телефон тоже!.. Всю сумку! Вот только... осталось...

И она кивнула на журнал Forbes, валявшийся на лавочке.

Даня посмотрел на журнал, потом на девчушку и протянул:

– Да ну-у-у...

Настя выхватила из рюкзака пачку бумажных носовых платков – утром мать сунула, ее собственная мать, оказавшаяся такой... лгуньей, – и стала вытирать девчушке лицо. Та рыдала и вырывалась.

– Подожди ты, не реви так, – попросил Даня.

– Да-а-а, как я теперь?.. Мне домой... как... теперь?.. Я и так не поступи-ила!.. Никуда-а-а! И в прошлом году не поступила-а-а! И еще все... украли! Ничего же нету!..

– Здесь украли, на пробах?

– Дань, – с досадой сказала Настя, на миг перестав вытирать девчушку, – ну, ясно, что здесь! Чего ты спрашиваешь?

– Я... утоплюсь! – продолжала та. – Я... не могу! Не могу я больше! Провались она, Москва ваша!.. Сволочи!.. Кругом одни сволочи!.. Спать... негде! Есть... нечего!.. И все украли-и-и!

– Тихо, – сказала на этот раз Настя. – Прекрати. Поедешь со мной, переночуем на даче, а там решим.

...Бабка не выгонит, пронеслось у нее в голове. Бабка с виду грозная, а на самом деле добрая. И потом!.. Она наверняка тоже не знает про мать и ее выкрутасы!

...Или знает, и у них заговор? Заговор против нее, Насти?

– Слышишь? – повторила она очень громко. – Поедем к нам!

- Как?! Как мы поедим?! У меня даже на метро нету!
- У меня есть, – решительно вмешался Дания, – на всех хватит. Поехали. Я только Ромке позвоню и, наверное, папе.
- У меня проездной, – мрачно сказала Настя.

Тонечке было смешно – второй раз за день она столуется в буфете!.. В первый раз в телекомпании, а вот сейчас на «Мосфильме»!

Оказалось, на «Мосфильме» существуют «секретные» буфеты, не для всех. Эти самые «все» толпились в каком-то вовсе другом буфете, где было обыкновенно – алюминиевые столы, шаткие стулья, длинная стойка, холодильный шкаф с «прохладительными водами» и безалкогольным пивом.

В этом было необыкновенно, словно в английском пабе: зеленый плюш, кресла с латунными гвоздиками обивки, полированное дерево, хрустальные бокалы, кофейные чашки «Веджвуд» – Тонечка, выпив свой глоток эспрессо, аккуратно посмотрела клеймо на доньшке невесомой фарфоровой прелести!

Все правильно, «Веджвуд».

Александр Герман, заметив ее маневр, усмехнулся.

Режиссер Эдуард, похоже, тоже ничего не знал о существовании «секретного» буфета. Когда они зашли, огляделся по сторонам растерянно, затем приосанился, сдернул кепку, пригладил волосы на лысине. Потом за все это он на себя рассердился и теперь сидел надутый.

Только Герман чувствовал себя вольготно.

– Я предлагаю следующее, – говорил он, покуда несли воду, лед и какие-то сложные супы, которые он заказал. Тонечка попросила суп исключительно из соображений здорового образа жизни, окончательно и бесповоротно попорченного сегодня пирожным «картошка» и всякими другими излишествами.

Герман говорил, но его никто не слушал. Тонечка весело изучала новую обстановку, а Эдуард дулся.

В конце концов Герман замолчал, посмотрел на обоих своих собеседников и заметил:

– Странное дело. Похоже, мои предложения тут никого не интересуют.

– Что вы, Александр Наумович! – вскричала Тонечка.

– Извиняюсь, – буркнул режиссер.

– Сосредоточились?

– Мы... пытаемся, – Тонечке принесли тарелку, и теперь она нюхала пар.

Пахло, между прочим, просто прекрасно.

– Сценарий нужно переделать, – сказал Герман, чуть повысив голос. – Эдик, вы когда в съемки уходите?

– Как... переделать? – обомлел режиссер. – Да он же утвержден! Вами утвержден, я извиняюсь!.. А кастинг? А сроки?

Тонечка ела суп. Такой вкусный суп в этом особом буфете!..

– Ну и что, какая разница! Я же его не читал, когда утверждал!..

– Это вы напрасно, – заметила Тонечка.

– Веселитесь, веселитесь. Переделывать сценарий будете вы.

– Я?!

Режиссер с размаху нахлобучил кепку, словно кепка могла как-то помочь ему в этой жизненной драме.

Тонечка перестала есть и положила ложку.

– Саша, – начала она, испуганно глядя на Германа, – это не мой сценарий! Я даже не знаю, о чем там речь! У меня заявка, вы сказали, что ее нужно было сдать вчера! Я не могу... переписывать чужие сценарии.

– Ничего, научитесь.

– Да мы в производство не уйдем! – режиссер Эдуард сорвал кепку, ничего она не помогает. – Александр Наумович, вы же все понимаете и про бюджет, и про группу! А прости кто будет оплачивать?! Да вы же сами утвердили!..

– Называйте меня Сашей, – сказал Герман режиссеру. – И не волнуйтесь. Вот Антонина. Она моментально поправит все огрехи.

– Я не буду ничего поправлять!

– А я вам не дам работу в следующий раз, – сказал Герман будничным тоном. – Просто не дам, и все.

– Это шантаж.

– И угрозы, – согласился Герман с удовольствием. – Подождите, будет еще подкуп.

– А как же производство? – перебил режиссер. – Сроки?! Пожалейте вы нас, Александр Наумович!

– Саша, – поправил Герман. – Я так решил как раз потому, что всех пожалел. Вас, Эдик, в первую очередь. Потом актеров. Снимать и играть такую... мутотень, должно быть, трудно.

– Мы привыкли, – заметил режиссер.

– Еще я пожалел себя. Мне абсолютно понятно, что никаких рейтингов канал не получит с таким сценарием. А у меня тоже бюджет и сроки!.. Тонечка, что вы смотрите на меня, как лишенец на управдома? Я предлагаю следующее. Тонечка, вы поправите диалоги. Секунду, дайте мне договорить! – И крепкой рукой он взял ее за запястье. – Это в первую очередь. Там, где сочтете нужным, поправите сюжет. Такие правки много времени не займут. Эдуард, вы проводите кастинг, утверждаете артистов, все, как предполагалось. Ну, с чем-нибудь мы потянем, сколько сможем! Допустим, я долго буду отсматривать главных героев. Группу распускать не станем, в производство пойдем по мере готовности текста.

– Елки-моталки, – простонал Эдуард. – Вот влипли!..

– Ни штрафовать за простой, ни требовать соблюдения утвержденного графика с вас никто не будет. Попробуем немного... поднять планку, вы согласны?

Эдик нахлобучил свою кепку на коленку и с досадой дернул ее, многострадальную, за козырек.

– Да мы-то согласны, Александр Наумович! Мы давно согласны, только все это не вовремя. Ну, что вам наш проект, а? У вас таких два десятка! А мы уж готовы, а тут такое! Мы ж не авторское кино снимаем!

– До авторского кино нам как до Китая на велосипеде, – перебил Герман. – Зрителей оно не интересует, меня тоже не слишком. Поэтому авторское кино мы снимать не будем, просто попробуем снять получше, чем обычно. Считайте, что у меня такая придури.

– Придури, – повторил режиссер тоскливо.

Тонечке стало его жалко:

– Да вы не отчаивайтесь раньше времени, Эдуард, – сказала она. – Может, и не понадобится ничего переделывать.

– Это в том смысле, что придури завтра пройдет? – уточнил Герман, и Тонечка ничего не ответила.

Он угадал. Конечно, пройдет!

– Все в производстве, – продолжал Эдуард, – лето впереди, самое хлебное время! Говорят, Филиппов тоже запустился! А я в простоях погрязну.

– Филиппов виски трескает, как чай, – сказал Герман и поморщился от воспоминания. – И орет на всю телекомпанию!..

– Из-за Светы? – спросил режиссер Эдуард. – Жалко девчонку, хорошая девчонка Светка!

– Вы не знаете ее родственников? – спросила Тонечка быстро. – Дольчиковой?

– Нет, откуда! Василия жену – эту знаю. Деловая баба, слов нет! Он за ней как за каменной стеной жил. Она то ли юрист, то ли адвокатша, и красивая! А Васька вечно у нее под носом со всеми подряд крутит!

– Он женат? – удивилась Тонечка, и Эдик засмеялся.

– А как же! В Москве все женатые, только в экспедициях разведенные!

– А как зовут жену?

– Зоя, – ответил почему-то Герман. – Какая вам разница, Тонечка.

Как это какая, подумала Тонечка стремительно. Выходит, пьяный Филиппов убивался по своей молодой возлюбленной, а собирался звонить жене, чтобы она «все уладила»? Как хотите, а это странно.

И спросила вслух:

– Эдик, вы не знаете, у Василия есть недоброжелатели? Только такие, настоящие? Чтоб с угрозами звонить, например?

– Да у нас тут все друг другу недоброжелатели, особенно когда один в производстве, а второй лапу сосет, вы не в курсе? Вы ж наша! А Васька что? Как все. Может, конечно, бабы ему и грозят карой небесной, когда он их бросает, этого сказать не могу, а так...

– Он прямо герой-любовник, да? – уточнила Тонечка, вспоминая пьяненького Василия, его слезы, сопли, вопли. – Орел-мужчина?

– Орел, – сказал Герман. – Давайте в павильон вернемся, у нас все же работа.

Гори она огнем, от души добавила про себя сценаристка.

Провались все пропадом, подумал режиссер.

Получится хороший фильм, решил продюсер.

– У нас что-то случилось, – выпалила Тонечка.

– У нас все в порядке.

– Господи, что могло случиться? С мамой?!

Герман сбоку посмотрел на нее. Она вдруг дернула ручку автомобильной двери и чуть не вывалилась на ходу. Он надавил на тормоз.

– Тонечка, черт вас побери!

Машина встала. Тонечка выскочила и помчалась со всех ног, изо всех сил. Герман приткнулся позади черной представительской «Ауди», перегородившей ворота и хлипкую калитку, сидел, подумал и зашел на участок.

Дом с высоким крылечком и пристроенной терраской был как из старого кино, герои которого то и дело восклицали: «А теперь на дачу! Поедем на дачу!» Отмытые после зимы окна сияли на закатном солнце, дикий виноград, обвивший сосну и крышу терраски, еще не взялся зеленеть, но чувствовалось, что вот-вот. Рамы старинные, с частым переплетом, ухоженные, недавно выкрашенные, да и вообще дом, как Тонечка, производил впечатление... веселья и жизнерадостности. Видно было, что его любят и ухаживают за ним.

На крыльце, на особой циновке стояли чистые резиновые сапоги, на перилах в детской лейке с желтым цветком на боку – первые нарциссы, целая охапка.

Герман постучал в переплет двери и заглянул:

– Можно?

Ему показалось, что в комнате уйма людей и все одновременно и очень громко говорят. Девчонка с хвостом на голове оглянулась, скользнула по нему взглядом и опять заговорила, громко и сердито.

Герман помялся в дверях и зашел.

– Ну и что?! – запальчиво говорила девчонка – С кем не бывает! Она что, виновата?! А Даня нас провожал!..

– Я провожал, – соглашался высоченный, худой, очень симпатичный парень. – Пап, я же тебе позвонил!..

– Да мало ли что ты позвонил, – рокотал седовласый дядька, очень похожий на парня. – Почему я должен гоняться за тобой по всей области?!

– Мама, что тут происходит?! – это Тонечкин возглас.

Ухоженная моложавая дама махнула рукой:

– Приехала Настя, с ней мальчик и девочка. А девочка-то куда теперь подевалась, господи?

– Я здесь! – из-за этажерки выглянул еще один персонаж, с растрепанными волосами и грязной мордахой. – У меня все украли, все-о-о! Ничего не осталось, ничего-о-о!..

И персонаж заревел, размазывая грязь по лицу.

Человек в синем костюме, единственный, кто не орал и не совался в дискуссионный круг, поправил в ухе витой провод, внимательно взглянул на Германа и подошел к седовласому.

– Андрей Данилович, поедем?..

Дядька не обратил на него никакого внимания.

– Данила, объясни нам толком, что происходит!

– Да! – это вновь Тонечка воскликнула. – Объясни!..

– Так я же объяснил! – удивился парень.

– Вот что, – решительно вмешалась старшая дама. – Объявляю перерыв! Как хозяйка дома. Всем замолчать.

Странное дело, но все и вправду замолчали и устали на нее.

Дама скомандовала:

– Настя, отведи подружку умыться, немедленно. Она чумазая. Мальчик, присядь вот сюда. Вы кто?..

– Я?! – удивился дядька, и лицо у него неожиданно повеселело. – Я папа мальчика, а что?

– Присядьте рядом. А вы?..

– Это моя охрана. Вадим, вернись в машину.

Человек в костюме тут же и без всяких возражений прошел на крыльцо и плотно прикрыл за собой дверь.

– Господи, еще кто-то, – удивилась дама, заметив Александра Наумовича. – А вы откуда?

– С «Мосфильма», – почему-то стушевался Герман. Тут его заметила Тонечка и округлила и без того круглые глаза.

– Вы не уехали?!

Он пожал плечами:

– Как видите.

– Мама, это Александр Герман, продюсер, мы... вместе работаем. А это моя мама, Марина Тимофеевна.

Дама слегка кивнула, словно разрешая ему к ним присоединиться. К такому обхождению Герман не привык, ему было странно.

– У вас на лице написан вопрос «как я сюда попал?», – заметила Тонечка.

– Как я сюда попал?..

– Кто будет чай, а кто кофе? – продолжала командовать парадом Марина Тимофеевна. – Я думаю, детям нужно подать обед.

– Детям нужно по задницам, – неожиданно вмешался дядька, – а не обед.

– Пап, я же тебе позвонил!..

– И что толку?!

И когда он сказал про толк, Герман его узнал.

Ну, конечно. Генерал, большой начальник, правовые вопросы или что-то подобное. В программе «Время» иногда разъясняет суть того или сего. Во всех репортажах стоит по правую руку от *самого*.

Герман прищурился.

...Быть такого не может. *Тот самый* Липницкий?! Сидит сейчас за круглым столом, покрытым скатертью с вышивками и фестонами, в доме сценаристки Антонины Морозовой?!..

– Что здесь происходит? – спросил он, сердясь на себя. Он сердился, когда чего-нибудь не понимал, а пребывание в доме сценаристки *того самого Липницкого* было решительно непонятным, и объяснить с ходу не получалось. – Тонечка?

– Да мы уже сто раз рассказали! – закричала откуда-то сверху одна из девиц. – Двести раз! Миллион!..

– Я буду чай, – сказал Липницкий-старший. – Если есть молоко, с молоком.

– Я тоже чай, – подхватил Даня. – Только я бы еще поел, если дадут.

Папа мальчика взглянул на сына с интересом.

Продюсер еще немного помедлил, а потом все же решился и протянул Липницкому руку:

– Герман Александр Наумович.

– Липницкий Андрей Данилович.

– Я испугалась вашей машины, – призналась Тонечка, ловко и быстро расставляя тарелки на скатерти с вышивками и фестонами. – Мы подъехали, а у ворот такая... странная машина! Я подумала, что-то случилось.

– Я приехал за сыном, – сказал Липницкий. – Мы не очень поняли, где он и с кем.

– Пап, я же тебе сказал, где и с кем!..

– Ты сказал, что поехал провожать каких-то девиц!

– Не каких-то, а нас! – опять закричали сверху, и по лестнице скатилась та самая очень сердитая и очень молодая девушка с хвостом на макушке.

– Моя дочь Настя, – представила Тонечка. – Только, пожалуйста, не шуми! Садись обедать.

– Я не хочу обедать! – Девушка топнула ногой. – У человека все украли! Все!.. Он что, теперь должен пропасть, да? Потому что он бесправный и документов у него нету?!

– Человек сейчас получит обед и не пропадет, – отчеканила Марина Тимофеевна. – К столу, Настя. И зови человека!

– Я здесь.

Герман наблюдал за Липницким, а Липницкий наблюдал за происходящим, очень внимательно.

...Как-то все... странно. Неправдоподобно. Не годится для сценария!

– Солянка и пироги с капустой, – Марина Тимофеевна водрузила подле своего места громадную серебряную супницу. – Мальчик, давай свою тарелку.

Воинственная Тонечкина дочь немного помедлила возле стола, словно принимая какое-то решение, а потом плюхнулась на стул рядом с зареванной подружкой. Марина Тимофеевна мельком взглянула на них, и лицо у нее тоже повеселело, как у Липницкого несколько минут назад. Герман все замечал.

От огненной солянки шел такой дух, что девицы синхронно проглотили голодную слюну и взялись за ложки. Даня всю хлебал и время от времени словно похрюкивал от наслаждения.

– Налейте тогда и мне тоже, – попросил его отец, развеселившись окончательно. – Что ты глаза закатываешь, Данька?!

– Вкусно, ужас, а я есть хочу с самого утра.

– Все равно не хрюкай, неприлично.

Даня кивнул, откусил половину пирога и опять хрюкнул.

Некоторое время все ели. Просто ели, не в силах оторваться.

Как только Даня доел, Марина Тимофеевна налила ему еще тарелку, даже спрашивать ничего не стала.

– А пироги остались?..

– Сколько угодно! Тонечка, подай пироги. Вон, в кастрюльке.

– Так не бывает, – сказал Липницкий, не отрываясь от солянки. – Люди так не готовят. Или вы мишленовский шеф?

– Я искусствовед.

– Плохи наши дела, – заключил Липницкий. – Будем с Данькой приезжать столоваться.

И Марина Тимофеевна засмеялась, польщенная. Настя даже есть перестала и уставилась на бабу в изумлении. Надо же, прям хохочет!..

Вот так всегда бывает, всегда!.. Когда жратва вкусная и ее много, от пуза, люди тупеют на глазах! Даже Даня и тот!..

– У Джессики украли документы, – жестким голосом начала она. – Все. Прямо на «Мосфильме»!

– Позволь, у кого украли? – переспросила бабка. Оглохла она, что ли?!

– У Джессики, – и внучка подбородком показала на вторую девчушку. – Ее зовут Джессика Костикова.

Даня хрюкнул громче прежнего.

– Зовите меня Джесс, – пропищала девчушка. – Так короче.

Тут хрюкнул лощеный папаша.

– Нет, а что такое?!

– Короче говоря, все украли, – вступил Даня. – Можно еще один пирог? Мы были на «Мосфильме», там пробы в сериал «ПТУ», между прочим, это расшифровывается как «Пускай тебя убьют».

– Рабочее название, – торопливо вставил Герман, словно это имело значение.

– Мы уже собрались уходить и наткнулись на Джессику. И решили, что должны как-то помочь. И приехали сюда. А потом вы все тоже приехали и стали на нас орать.

– Мы не орал, – возразила Марина Тимофеевна энергично. – Может быть, чай с мятой, а не с молоком?

– С мятой! – возликовал Даня. – Конечно! Мы раньше часто пили, да, пап? А потом перестали, когда бабушка умерла. Между прочим, мы вас сегодня видели на «Мосфильме», – сказал он Герману. – Вы приехали вместе с Настинной мамой. Вас там все так боятся, ужас.

Тонечка переводила взгляд с постороннего мальчика на свою дочь.

– Да, – язвительно сказала Настя. – Мы были в том самом павильоне, мамочка! Мы все видели!

Тонечка взялась за лоб, но потом спохватилась и поправила волосы. Вид у нее сделался испуганный и виноватый. Герман ничего не понял.

– Мы как-то неприлично себя вели? – осведомился он. – Или что?

– Не ваше дело.

– Настя!

– Мы с тобой потом поговорим, – зловеще пообещала дочь матери. – А сейчас нужно решить, как спасти Джессику.

Марина Тимофеевна подошла и положила руку Тонечке на плечо.

– Нужно позвонить родителям, – резюмировал Липницкий. – Или уже позвонили?

– Как?! – воскликнула Настя со страстью. – Как позвонить?! Телефон украли!

– С другого телефона.

– А номер?! Номер был в телефоне!..

– Ах, вот в чем дело.

– Мы что?! Должны все эти цифры запоминать, что ли?!

– Как раз на такой случай неплохо бы запомнить, – сказал Липницкий насмешливо и обратился к Джессике: – Запишите мне полные имена ваших родителей и какой компанией мобильной связи они пользуются.

– Зачем? – пролепетала Джессика. Она боялась всех этих людей, но особенно, конечно, мужика с седыми волосами и строгую тетку, Настину бабушку.

– Я постараюсь завтра же их разыскать.

Он так сказал, что стало ясно – разыщет. Допустить это было никак нельзя. Если он узнает, всему конец!..

– Я... сейчас. Сейчас того... напишу! Насть, где мне... того... мамку с батькой...

Написать-то можно все, что угодно, вдруг подумалось Джессике. Пока они проверят!..

– Откуда ты приехала? – спросила строгая тетка строгим голосом, и Джессика еще больше перепугалась.

– Так из Мышкина я, – почти прошептала она. – В театральный поступаю. Второй раз уж. В прошлом году не поступила...

– Мышкин – это на Оке? – спросил Даня Липницкий.

– Не, на Волге.

– Где ты ночуешь?.. – не отставала Настина бабушка.

– В квартире койку снимаю. В этой... как ее... в Капотне. Только как я теперь туда поеду, когда денег нема?

Настя с тревогой посмотрела на мать и бабуку. Не выгонят же они человека на ночь глядя?! Или выгонят?.. Это они легко, особенно бабка, конечно.

– Я могу отвезти, – вызвался Герман, которому чем дальше, тем больше все происходящее казалось странным и неправдоподобным.

Сценарий с таким сюжетом он бы точно забраковал!..

– Не нужно куда никого везти, – сказала Марина Тимофеевна. – Девочка переночует у нас. У Насти в комнате замечательный диван. Его, правда, нужно разобрать.

– Вас не вызывали к следователю? – спросил Липницкий почему-то у Марины Тимофеевны. – Мы же все в неприятную историю попали!

– Ничего себе, неприятная история! – фыркнула Настя. – Человека убили!..

– Нас пока не вызывали, но Тонечка собиралась следователю звонить.

– Я хотела рассказать про часы, – вмешалась Тонечка. – У Светы Дольчиковой были очень приметные часы, их Настя запомнила. А потом они пропали.

– Они были похожи на мои, старинные, еще прабабушкины. Мы думаем, вдруг это как-то поможет делу. Может быть, найдутся следы.

– Н-да, – сказал Липницкий и поднялся из-за стола. – Нелепица какая-то. Молодая женщина, актриса – и вдруг упала с пожарной лестницы и сломала себе шею. Среди бела дня!

– Ее убили, – отчеканила Настя.

Джессика Костикова слушала с жадным любопытством. Страдания и горести были начисто забыты.

Липницкий подошел к книжным полкам.

– Сколько книг, – продолжал он, не меняя тона. – Целое богатство!.. В моей молодости считалось, что домашняя библиотека – признак интеллигентности. И одновременно зажиточности!.. Хрусталь и ковры просто у зажиточных, а у интеллектуалов еще и книги!

– Так ведь все почти вернулось обратно, Андрей Данилович, – сказала Марина Тимофеевна. – Теперь наличие книг в доме, хоть каких-нибудь, вновь признак интеллекта и богатства хозяев.

– У вас Чехов в сером переплете?

– В сером. Вон он, полное собрание.

– А Достоевский зеленый?

– Зеленый.

– Тогда Толстой, который Алексей, а не Лев, должен быть желтый.

Марина Тимофеевна опять засмеялась и тоже подошла к полкам:

– Каким же ему быть? Конечно, желтый.

Джессика толкнула Настю в бок:

– Чего это они?

Та дернула плечом:

– Выпендриваются они.

– Раньше были подписные издания, – стала объяснять Тонечка. – Продавали подписку на собрание сочинений. Книги приходили в книжный магазин по одной, их нужно было выкупать. И те, старые собрания сочинений у всех одинаковые. То есть одинаково изданные.

– Диккенс болотный такой, как моя машина, – подхватил Герман.

– А Шолохов синий, – вставил Даня.

Еще и он вступил – и ты, Брут! Настя не могла больше выносить этот бред.

Она подбежала к полкам, выхватила том и сунула Липницкому под нос.

– А вот это книга моего отца! – объявила она звенящим голосом. – Он был отличный писатель, самый лучший! Что? Не читали? Только на Шолохова силенок хватило?!

– Настя!

– Ба, отстань! Ты никогда его не любила! Никто из вас его не любил!

Липницкий взглянул на нее, взял книгу, полез в нагрудный карман, достал очки, нацепил на нос и быстро прочел:

– Феофан Конь, «Ледяная роза Агурии». «По равнине он ехал шагом, опасаясь провалов и трещин. Два голубых солнца, висевших над зубчатыми пиками ледяных скал, заливали мертвенным светом Долину Теней. Так называли это проклятое место Проводники. Особая каста Проводников ютилась в скальных пещерах, куда никто не знал хода. От страха его тренированная и выносливая хорса щерилась, грызла упряжь, и по всему мускулистому телу время от времени пробегала волна дрожи. Он знал, что хорса предчувствует беду – эти животные обладали телепатическим даром».

Липницкий захлопнул книгу и сказал:

– Дадите почитать?

– Вам понравилось, да?! – просветлела Настя. Покуда он читал, она стояла замерев, только шевелила губами, повторяя за Липницким волшебные слова. – Это же так круто, правда?!

– Твой батька писатель? – вдруг восхитилась Джессика Костикова. – Самый настоящий?! Его прям в книжке напечатали?!

– Да у него много книг! «Братство рапир», «Семь темных всадников», «Каменные кентавры времени» – это он все написал!.. Только я вам книжку не дам, она еще при папе вышла, я не могу дать, вдруг вы потеряете!..

Герман заметил, как переглянулись взрослые – Тонечка и Марина. Ничего хорошего не было в их переглядываниях, только беспокойство и как будто... страх.

Словно они тоже предчувствовали беду, как непонятная хорса из книжки!..

Липницкий вернул книгу на полку.

– Я попрошу помощника, и он мне найдет, – сказал он, словно успокаивая Настю. – Даня, нам пора ехать, теперь уж точно.

– Да мы уж все съели, можно ехать, – согласился Даня.

Никто не засмеялся.

– Я провожу, – вызвалась Тонечка.

– Я тоже поеду, – сказал Герман.

Она кивнула. Ей было не до него.

Липницкие уехали моментально – двери представительской «Ауди» словно сами собой распахнулись им навстречу, Даня плюхнулся на заднее сиденье и прокричал оттуда до свидания, затем сел отец, машина полыхнула фонарями, ходко взяла с места – и как не было ее.

Тонечка и Герман немного постояли, глядя ей вслед.

– Интересные ребята, – заметил Герман в конце концов. – Как-то... неожиданно все вышло. Липницкий собственной персоной!

– Что я Насте скажу? – сама у себя спросила Тонечка. – Столько лет она ничего не знала, и у нас получалось!..

– Что получалось?

Она махнула рукой:

– Жить. А теперь что делать?

Он не стал ничего спрашивать. В конце концов, его решительно не касается, как именно будет жить ее дочь. Вот как она сценарий поправит – это да. Это стоит обсудить. Такой прекрасный предлог!..

Про предлог он тоже особенно размышлять не стал. В его жизни полно женщин, которые нравятся ему. Просто нравятся!

– Жду вас завтра у себя в кабинете, – сказал Александр Наумович деловым тоном. – Все решим и обсудим.

Тонечка вздохнула – тяжело.

– В котором часу?

– Давайте в одиннадцать. Пропуск на этаж вам закажет моя приемная.

Вскочил в свою высоченную машину и уехал.

Тонечка передернула плечами и вслед передразнила тихонько:

– Закажет приемная! Давайте в одиннадцать!

Она побрела к дому. Необходимость объяснений с дочерью с каждым шагом придавливала ее все сильнее, как мешок с солью пермского грузчика. Она горбилась и шаркала ногами.

– Я тебя видеть не могу, – выговорила дочь, чеканя слова, едва только мать вошла. – Я тебе слова не скажу больше. Ни-ког-да! Поняла?..

И умчалась наверх. Бабахнула дверь.

– Что нам теперь делать? – спросила Тонечка, зная, что Марина Тимофеевна где-то рядом, все видит и слышит. – Что мы станем ей врать?..

Дверь в свою комнату Настя заперла на замок. Тонечка несколько раз подходила ночью, осторожно дергала, прислушивалась, но там было тихо, словно обе девчонки сбежали через окно. И утром дверь не открылась!..

За ночь Тонечка совершенно замучилась – серые, вязкие мысли лезли в голову, потом словно переползали в горло, не давали дышать. Воспоминания повывлезли из всех щелей и дыр, куда ни оглянешься, как ни стараешься отвлечься, везде они, и не получается отвлекаться!.. Она попеременно пила то чай, то валокордин, голова была тяжелой и словно чужой. Время от времени Тонечка трогала голову, чтобы убедиться, что это именно ее голова.

Завтракать она не стала – никого не было на кухне, никто не вышел ее провожать. Кофе пить тоже не стала, за ночь так отекала, что глаза не открывались.

...Позвонить в приемную великого продюсера и сказать, что заболела?.. Самое лучшее сделать именно так! Но «заболеть» – значит, остаться дома и объясняться с Настей. Это гораздо страшнее.

И Тонечка поехала в центр.

Она твердо решила, что переписывать чужой сценарий ни за что не станет, так не принято, да и репутацией она дорожит – в конце концов, Александр Герман не единственный продюсер на свете! Конечно, один из самых главных, немного главнее других главных, но все равно.

Еще она решила, что ту сценарную заявку, которая должна была быть готова «вчера», нет, теперь уже «позавчера», она будет писать долго. Так долго, чтобы вышли все сроки и утвердили бы еще чей-то сценарий. Ей не придется работать с Германом, поддерживать его теории и завиральные идеи и вообще – делать то, что он говорит. Она не хочет делать то, что делать не хочет, и никто ее не заставит. Она не пропадет, как не пропала тогда, при муже!..

Получалось, что все ее мысли – про работу, сценарии и Германа – только про дочь и мужа, а сценарии и прочее – ерунда, неумелая маскировка от самой себя.

У нее в голове словно разговаривали две разные женщины, и обе – она сама.

...Если бы он остался жив, ему пришлось бы разбираться самостоятельно. Но он умер – дезертировал, скрылся, все свалил на мои плечи. – Ты все придумываешь! Ты только и делаешь, что придумываешь невесть что! Не стал бы он ни с чем разбираться! Он заставил бы тебя. – Нет, не так. Ты сама себя заставила бы, понимая, что он не может, не в состоянии!.. Тогда какая разница, умер он или не умер! Ты всегда могла виртуозно заставить себя делать что угодно, если понимала, что это необходимо – прежде всего дочке, или маме, или тебе самой. По гамбургскому счету, на всех остальных тебе всегда было наплевать, в том числе и на мужа! Вот и получается, что ты его убила. – Ты?! Ты и это хочешь присвоить?! Его смерть?! Ты хочешь отвечать и за него тоже?! Помилуй бог, он был человек, взрослый, умный, а ты до такой степени считаешь его ничтожеством, что даже его смерть принадлежит тебе?! Ты хочешь расплачиваться... за него, как в ресторане?! Ничего у тебя не выйдет на этот раз. Ты должна остановиться сама, или тебя кто-нибудь или что-нибудь остановит, и эти кто-то или что-то будут всерьез, по-настоящему страшными! И ты умрешь от страха, просто от страха. И не помогут тебе ни мать, ни дочь. И ты им больше ничем не поможешь!..

Тонечка сидела, вцепившись в руль, возле подъезда телерадиокомпании, не слыша сигналов и ругани, не замечая людей, которые пытались протиснуться мимо ее машины, крутили пальцем у виска и молотили кулаками в капот.

Она сидела и сосредоточенно думала.

– Вы что?! Обалдели?!

В окно просунулась загорелая рука, нашарила на двери кнопку центрального замка. Дверь распахнулась.

– Двигайтесь! Ну! Быстрее!..

Тонечка неловко перелезла на пассажирское кресло.

Дверь захлопнулась, машина тронулась.

– Да что случилось-то, вашу мать?!

И она словно проснулась. Тряхнула головой и стала неистово тереть глаза, в которых щипало и чесалось.

Александр Герман притормозил перед железными воротами, перевалил через «лежачего полицейского», приткнул Тонечкину машину в самый дальний угол начальничьей стоянки, где было свободное место, и вынул из зажигания ключ.

– Вы ненормальная? – осведомился он, повернувшись к ней. – Как это я сразу не догадался!

– Я задумалась. – Тонечка перестала тереть глаза. – Мне есть о чем подумать.

– Посреди улицы?! Средь бела дня?! В центре Москвы?!

– Простите.

– Выходите.

Она покорно вылезла.

Должно быть, дома у нее совсем неладно, подумал Герман. Лицо опухло, от жизнерадостности не осталось и следа, плечи сторблены. Даже кудри на голове как-то поникли.

Он поднял было руку, чтобы погладить ее по голове – как еще утешить-то? – и остановился.

Шмыгая носом, она искала что-то в сумке, а он сосредоточенно смотрел на нее.

... Оно мне нужно?.. Вот это все? Строптивная дочь, железная мать, покойный муж Феофан Конь, прости господи!.. Зачем это может быть нужно мне? Для развлечения – ничего себе развлечение! Для коллекции – там представлены гораздо более выдающиеся экспонаты! Для умных разговоров – полно, какие умные разговоры в моем возрасте!

Получается, что не нужно. Забудь и поезжай по делам. Бог с ней.

Тонечка перестала рыться в сумке, пожала плечами, немного подумала, склонив голову. Потом спохватилась, нашарила в кудрях темные очки и водрузила их на нос. Вдохнула и посмотрела на него.

– Я правда с приветом, – извинилась она. – Это всем известно.

– Раньше я не знал.

– Ну да, да.

Он взял ее за руку выше локтя и повел за собой. Она с готовностью пошла.

Герман довел ее до своей машины, цвет которой был «как Диккенс», и распахнул дверь.

– Садитесь.

Тонечка залезла в салон.

– Планы изменились, – сказал он, и это была чистая правда. – Мы сейчас поедем к Василию, здесь не далеко, на «Соколе». А потом вернемся на работу и поговорим.

– К... какому Василию? – не поняла Тонечка.

– К режиссеру Филиппову. Секретарша не может ему дозвониться, он трубку не берет, а я не могу найти родителей Светы Дольчиковой.

– Вы думаете, он знает ее родителей?

– Ну, кто-то должен знать, – заметил Герман с некоторым раздражением. Впереди неслось многополосное Ленинградское шоссе. Они влились в поток. Поток подхватил их и понес. – Если он не знает, нужно бывшего мужа искать. А мне проще с Василием! Он меня слушается.

– Вас все слушаются, – пробормотала Тонечка.

В квартиру режиссера Василия Филиппова – псевдоним Ваня Сусанин – они ломались довольно долго. И безуспешно.

– Никого нет, – в конце концов сказала Тонечка. И вдруг зачастила: – Послушайте, а если его убили? Помните, он говорил, что его могут убить!

– Что вы несете!

– Нет, правда! Нужно в отделение позвонить. Или тому нашему майору, у меня телефон есть! А давно Василий к телефону не подходит?

– Все утро ему секретарша безрезультатно звонила...

– Может, соседей спросить? Вдруг они знают, где он?

– Это вы из сценария сейчас шпарите? В какой московской многоэтажке соседи знают соседей?!

– По-всякому бывает.

– Не бывает.

– Тогда я звоню майору.

В эту минуту в железной двери заскрежетало, дрогнуло, и она распахнулась.

Василий Филиппов стоял на пороге, ухватившись неверной рукой за косяк. Он был то ли в лоскуты пьян, то ли «под кайфом», ноги держали его плохо.

– Че надо? – с трудом выговорил он, повернулся, чуть не упал и ушел в квартиру.

Герман от души выматерился и вошел следом.

– Ты кто? – спросил Василий Германа. – Ты чего привез? Выпить?

Тонечка огляделась.

Квартира была большая, новая, следовательно, неудобная и вся словно запакощенная, зашарканная. Светлые деревянные полы в черных длинных полосах, добротные двери захва-

таны, в коричневых пятнах, медная ручка болтается на одном винте. Картины – неумелые изображения треугольников и квадратов – в пыльных рамках. Задернутые шторы провисали через неравные промежутки, как видно, крючки оборвались.

Василий Филиппов повалился на диван с засаленной подушкой. Сам он тоже выглядел помятым и засаленным – во вчерашнем деловом костюме, под который была надета спортивная кофтенка на «молнии», а сверх кофтенки привязан галстук.

– Вась, у тебя есть адрес Светкиных родителей? – будничным тоном спросил Герман. – Или телефон, все равно?

Василий дрыгнул ногами, подтаскивая их к груди.

– Вась, очнись.

Тот разлепил глаза.

– Ты кто?

– А ты кто? – разозлился Герман.

– Подождите, так нельзя, – вмешалась Тонечка. – Он же пьяный! С пьяными аккуратно надо.

Она присела перед диваном на корточки и спросила тихонько, сочувственно:

– Вася, плохо тебе?

Василий закивал, не открывая глаз.

– Водички дать?

На журнальном столике перед диваном стояли ополовиненная бутылка вина, какой-то трудноопределимый коньяк, на самом донышке, «Мартини», примерно треть, остатки водки и какого-то ликера.

– Ты из всех сразу бодряишь? – спросил Герман, морщась.

– Коктейль, – собравшись с силами, изрек режиссер. – Умру сейчас.

– Если пока не помер, значит, еще продержишься.

– Уйди отсюда! Я тебя не звал! Я Светку звал, а она не идет, зараза! Они все меня бросили, все! Жена бросила! Катька бросила! Людка тоже, Светка! До этого Леночка еще! А я умираю!

– Нужно воды, аспирина и «Скорую», наверное, – решила Тонечка. – Мы сами не справимся. Если он все время пил «ерш»!

– Слова всякие она знает, – пробормотал Герман. Он чувствовал брезгливость от того, что она так хорошо разбирается в алкоголиках. – Вася, где твой телефон?

– Нету.

– Где он, Вася?

– Хрен знает! Выбросил!

– Зачем?

Василий заплакал.

– Звонит то и дело. Я боюсь. Светку убили, ко мне подбираются.

Тонечка зачем-то полезла в холодильник. Краем глаза Герман следил за ней.

– Вася, где Светины родители живут? Соберись, ну!..

Тонечка вернулась с бутылкой воды, стаканом и полотенцем. Из бутылки она намочила полотенце, пристроила Василию на голову, налила воды в стакан и стала совать ко рту страдающего.

– Попей, попей, – приговаривала она, – полегчает, точно тебе говорю.

Василий крутил головой, морщился и мычал. Вода текла по щетинистой шее, проливалась на пиджак и олимпийку.

– Я ей все отдал, – вдруг выкрикнул он, отталкивая Тонечкину руку. Вода из стакана широко плеснула, попала Герману на джинсы. – Все, что у меня было, все мое богатство! У меня же оно было, богатство! И я ей отдал! А ее убили! И я... умираю!..

– Саш, давайте правда «Скорую» вызовем?..

Герман полез в карман за телефоном.

– У нее вся жизнь была в этих часиках, – продолжал бормотать Василий. Желтое лицо его покрылось потом. – Так она говорила. А мне передали, они пропали, и жизнь пропала, и моя пропала тоже.

– Чья жизнь? В каких часиках, Вася? Так Света говорила, да? Про свои часы?

Василий стал закатывать глаза. Тонечка быстро оглянулась на Германа, вид у нее был испуганный.

– Песчаный проезд, дом тринадцать, квартира сто, – говорил тот в телефон. – Похоже на сердечный приступ. Лет сорок, точно не знаю. Василий Филиппов. Мой телефон?..

– Найди, – прохрипел Василий. – Она умерла, но ты найди. Хорошая девочка... жалко...

– Внизу домофон, просто набираете номер квартиры. Когда вас ждать? – громко спрашивал Герман трубку. Подошел и отдернул пыльную штору. В комнату ринулся солнечный свет. – Нет, давайте точнее! Я понимаю, что много! Я все понимаю, но...

– Он умер, – вдруг сказала Тонечка. Она стояла возле дивана на коленях.

Герман в один шаг оказался рядом, зачем-то сунул Тонечке свой телефон и посмотрел.

Василий Филиппов лежал вытянувшись и не дышал. Лицо у него было такое, словно он умер давно, несколько дней назад.

– Человек умер, – проговорила Тонечка в телефон. – Да, только что. Пока вы беседовали.

Приезжайте.

Герман взял ее за плечо. Она поднялась и посмотрела ему в лицо.

– Дать тебе воды? – спросил он буднично.

– Я не хочу пить.

– Давай я тебя в кресло отведу.

– Саш, я не хочу сидеть.

Они еще немного постояли рядом с Василием.

– Ерунда какая, – пожаловался Герман. – Ну, что это такое?!

– Это жизнь такая.

– Ничего в ней не понимаю. Чем дальше, тем больше не понимаю.

– Никто не понимает.

Так они стояли над мертвым режиссером Филипповым и разговаривали обыкновенными голосами.

– Как ты думаешь, его на самом деле убили?

– Он помер у нас на глазах. Ты его не убивала? Потому что я точно нет.

– Я серьезно спрашиваю, Саша!

– А я тебе серьезно отвечаю.

– Но ведь он все время вчера повторял, что его убьют. А сегодня умер.

– Он умер с перепоя.

Тонечка вздохнула:

– Хорошо бы так.

– Хоть как, все равно никакого удовольствия, по-моему.

Она улыбнулась против воли.

– Ты какой-то непробиваемый мужик, – сказала она, пожалуй, с уважением.

– Ну, всерьез оплакивать его я не в состоянии.

– А кто к нему приходил, ты не знаешь?

– В каком смысле – приходил? Он все время с кем-то жил, одно время с женой, потом с девицами всякого сорта. Разумеется, кого-то из них я знаю, но не всех.

– Нет-нет, кто ему приносил еду и выпивку?

– Понятия не имею! Да, наверное, он сам и приносил! Вряд ли у него прислуга!..

Тонечка осторожно, словно боясь разбудить спящего, отошла от дивана и поманила Германа за собой:

– Иди сюда.

– Что? А, иду.

Она открыла холодильник – осветилось пластмассовое нутро, заросшее по задней стенке желтой ледяной шубой.

– Смотри.

Он заглянул. Холодильник был пустой и заброшенный, как и квартира. На полках ничего, кроме двух усохших сморщенных сосисок и лимона с магазинной наклейкой.

– Ну, я смотрю.

Тонечка взяла лимон и сунула ему под нос.

– Видишь наклейку? Такие клеят в супермаркетах, когда продают поштучно. Яблоки или апельсины. Или лимоны! Их взвешивают и приляпывают бумажку с ценой и датой. Видишь?

Герман повертел лимон перед глазами.

– Сегодняшнее число, – сказала Тонечка. – К нему кто-то сегодня приходил. Принес лимон. И бутылки.

Герман серьезно посмотрел на нее.

– Почему бутылки? Здесь нет никаких бутылок.

– Зато вон там есть, под столом.

Они вернулись в комнату, и Тонечка полезла под журнальный стол.

Герман присел на корточки и тоже заглянул.

– Вот это вчерашние бутылки, – шепотом заговорила Тонечка и стала показывать, какие именно вчерашние. – А на столе сегодняшние.

– Чем они отличаются?

– Под столом только бутылки из-под виски и коньяка. А на столе, видишь, какой набор.

Он взглянул на стол.

– Вчера и ночью он пил виски и коньяк. А сегодня и вино, и мартини, и водку! И коньяк совсем другой. Под столом «Арарат», а это, по-моему, киргизский, что ли...

Рассматривать бутылки и рассуждать про коньяк рядом с только что умершим человеком Герману было невмозгалу, зря Тонечка назвала его «непробиваемым»!

Он взял ее за штрипку джинсов, потянул, заставил вылезти из-под стола и увел на кухню.

Открыл кран и умылся холодной водой. Руки вытер о джинсы, а лицо вытереть было нечем, капли падали с подбородка.

Она проворно достала из заднего кармана упаковку бумажных носовых платков и подала.

– Саш, тебе нехорошо?

– Мне отлично. Я только хочу отсюда уехать.

– Хочешь, езжай, а я дождусь «Скорую».

– За кого ты меня принимаешь?

– За современного мужчину, которому не нужны никакие лишние проблемы.

– Все проблемы, – подхватил он, – современные женщины решат сами!.. Я не понял про бутылки, объясни мне.

– Вчерашние бутылки под столом, они совсем другие. Там три из-под виски, все одинаковые, «Чивас» и одна из-под армянского коньяка. Это дорогие бутылки!.. А на столе что попало, и все дешевое! Вино «Мацеста», водка «Ледяная капля», «Мартини», персиковый ликер. Не хватает только «Тройного» одеколона!..

– У него деньги кончились. Так не может быть?..

– Он бы купил что-нибудь одно, как ты не понимаешь! Три бутылки водки, например. И он никуда не выходил! Куда он мог выйти в таком состоянии! Он все время пил! Вчера его

привез твой водитель, оставил, пьяного, и он продолжал пить! А утром кому-то позвонил или ему кто-то позвонил, и он сказал – привези мне выпить. И ему привезли... ассорти.

– Телефон, – вдруг вспомнил Герман. – Васька сказал, что телефон он выбросил, потому что тот звонил все время. Должно быть, моя секретарша звонила. Она все утро ему звонила, а он трубку не брал!

Они полезли под раковину, достали ведро и заглянули. Там было пусто. То есть совсем пусто – ни бутылок, ни объедков, ни даже мусорного пакета! Телефона не было тоже.

– Подожди, я попробую позвонить.

Герман нажал кнопку, и они стали прислушиваться и оглядываться по сторонам.

– Не звонит, – констатировала Тонечка. – Может, он его из окна выбросил?

– Окна не открываются. Я шторм отдернул, обратил внимание.

– Как?!

– В высотках они не открываются, Тонечка. – Он вдруг усмехнулся. – Ты дикий человек!

Привыкла на своей даче из окна глядеть на лужайку!.. И еще небось дождь слушать!

Тонечка и впрямь всегда открывала окно в дождь. Даже весной и осенью, когда дожди шли холодные!

– Телефон забрал тот, кто принес ему выпивку, так получается, да?

Герман пожал плечами:

– Зачем?

– Я не знаю зачем, Саша! Я предполагаю! Я написала столько детективных сценариев! Вот и выходит, что его убили.

– Он умер у нас на глазах.

– Ты это уже говорил.

Домофон разразился залиvistыми трелями. Они оба вздрогнули от неожиданности и посмотрели друг на друга.

– Приехали, – сказала Тонечка.

– Объясняться будем до завтра, – сказал Герман.

...Гастроли бабка давала с самого утра.

Хорошо, что в школу можно было не ходить между майскими праздниками.

Как только мать уехала в город – Настя слышала хлопанье дверей и звук ее машины, – бабка выползла из своей комнаты, пошуршала внизу, потом поднялась на второй этаж, постучала в дверь и велела вставать.

– Мы не хотим вставать! – прокричала Настя.

Джессика проснулась, махнула рукой, натянула на голову одеяло и повернулась на другой бок.

Но бабка не отставала.

– Мы не встанем!

– Завтрак на столе.

– Мы не хотим!

Бабка продолжала стучать.

Джессика сорвала одеяло, села на диване и вытаращила глаза. Огляделась, вздохнула и почесала ногу.

Бабка стучала.

Настя знала, что она может так простучать хоть час, хоть два, хоть до завтра!..

– Ба, отстань! Мы не будем завтракать!

– Есть охота, страсть, – прошептала Джессика и покрутила рукой по животу, показывая, что он абсолютно пуст.

Стук продолжался.

Настя сорвалась с кровати, подбежала и наотмашь распахнула дверь.

– Доброе утро, – невозмутимо поздоровалась бабка. – Умываться, одеваться и за стол. У меня мало времени.

Пришлось вставать, канителиться с одеванием и умыванием – по детской привычке Настя терпеть не могла умываться и усаживаться за стол.

– Почему ты решила поступать в театральный, Джессика?

Та стрельнула в бабку глазами, поежилась, положила ложку и, глядя в пол, тихо-тихо проговорила, что хочет быть актрисой.

– Ты любишь театр?

Джессика совсем поникла и прошептала, что любит кино.

– Ба, отстань от нее, – велела Настя.

Бабка и ухом не повела.

– Какое же кино ты любишь? Иностранное или отечественное?

Джессика умоляюще посмотрела на Настю – спасай.

– Ба, ты не смотришь кино, которые мы любим.

– Вполне возможно, и все же?..

Настя закатила глаза.

– Мы любим настоящее кино! – закричала она. – Настоящее! «Низкие игры», к примеру! Ну чего?! Ты небось даже не слыхала! «Утопия», «Баттл он Реймс», «Паук Рембрандта»!

– Я «Игру престолов» сильно люблю, – еле слышно призналась Джессика. – Жуть просто.

– Ну, разумеется, – не моргнув глазом согласилась бабка. – Великое произведение искусства.

– А ты не знаешь, и не говори! Ты смотрела? Хоть одну серию смотрела?!

– Я посмотрела две, – проинформировала Марина Тимофеевна, и обе начинающие артистки уставились на нее в изумлении. – Очень много голых людей и очень много коней. Я быстро заскучала.

– Еще бы! Это для молодых кино! Для мо-ло-дых!

– И бедных, – подхватила бабка. – Для молодых и бедных.

Нужно было пропустить мимо ушей, не нарываться, но Настя была слишком задета.

– При чем тут это? Бедность при чем?

– Джессика, чай или кофе?.. Или, может быть, кипяченого молока?.. – Не дождавшись ответа, Марина Тимофеевна налила гостю чаю с молоком и стала неторопливо расправлять закатанные рукава рубашки. – Видите ли, девочки. Бедный человек не может позволить себе почти ничего, только ежедневную, изнурительную, очень скучную работу за мизерное жалованье. У него нет возможности думать, читать, созерцать... сады Ватикана!.. Ему некогда, и нет сил. Он должен работать и кормить детей. Но человек так устроен, что не может прожить без отвлечения и развлечения. Даже в сталинских лагерях была самодеятельность! И эки пели и плясали, спектакли ставили, это исторический факт.

– Ба, куда тебя понесло?! Лагерь какие-то, эки!.. Что такое?!

– Человек умирает от скуки на работе, и если он еще будет умирать от скуки вне работы, вскоре трудиться станет некому. Для того чтобы рабы не вымерли совсем, повелители придумали кино, которое вам так нравится! Много красивых и уродливых людей, уродство отлично развлекает, пейзажи, приключения. Лошади скачут. Иные миры угрожают нашему миру. Наш мир угрожает большой любви. Можно много интересного придумать и показать красиво!..

– Повелители? – переспросила Настя, нахмурившись.

– Ну, конечно, – безмятежно отозвалась бабка. – Те, кто повелевает вами и правит миром. Они говорят вам, как любить, куда смотреть, во что одеваться и что есть. Вы же не можете себе позволить жить! Вы можете только смотреть придуманную жизнь. В кино или в Инста-

граме, там тоже все придумано, ни слова правды. А вам нравится, разумеется, потому что это... весело.

– Нам – это кому?

Бабка подняла брови:

– Молодым и бедным. Мы же о вас говорим.

– А тебе, значит, кино никакое не нужно, интернет тоже не нужен, потому что ты богатая и старая!

– Ну да, – согласилась Марина Тимофеевна, и Настя вытаращила глаза.

– Да у тебя пенсия двадцать тыщ, миллионерша! – в поисках поддержки Настя оглянулась на Джессику, но вид у той был перепуганный, никакой поддержки не получилось! – Ты всю жизнь в музее просидела, никем не стала, даже знакомств никаких не завела!..

– Тем не менее у меня есть все, чтобы жить счастливо, – не дрогнув, отрезала Марина Тимофеевна. – Именно жить, а не коротать время за компьютером или у телевизора.

Настя, которую сильно задело упоминание каких-то там «повелителей», злилась всерьез. Она свободный человек! Она выросла, когда все оковы уже пали, мир стал един, у каждого человека появилось право на собственное мнение и возможность его высказать! Повелители!.. Да она в сто раз свободней бабки, которая, кажется, диссертацию защитила только с третьей попытки, потому что идеологически диссертация чему-то там не соответствовала!

– Мы можем смотреть то, что захотим, и делать то, что считаем нужным, – начала она. – В отличие от вас! Вы ходили по струнке и в школьной форме!

Бабка засмеялась.

– Ну, разумеется. Школьная форма – символ рабства.

– Вот именно, дорогая бабушка!

– Форма – это просто форма. – И она снова засмеялась. – У вас ведь тоже форма, только вы этого не замечаете, бедные. Вы ходите в джинсах и толстовках, и они все одинаковые. Должно быть, китайские фабрики, где они пошиты, не стремятся к разнообразию. Да вы сейчас друг на друга посмотрите, девочки!..

Начинающие актрисы послушно уставились друг на друга.

Марине стало их жалко.

– Ну и что? – запальчиво сказала Настя. – Ну, джинсы, ну, толстовки! Нам так нравится!

– Вот именно, – заключила Марина Тимофеевна. – Вам нравится. Кошке тоже нравятся диван и лоток, к которым ее определили хозяева. Она даже не догадывается, что есть сад, трава, забор, птичка, на которую можно поохотиться, и соседская собака, которую нужно остерегаться! И это жизнь, девочки! А диван и лоток – рабство. Хотя есть корм и поролоновая игрушечка. К сожалению, массовая культура в современном мире – поролоновая игрушечка для безмозглых кошек.

– А что же делать? – спросила глупая Джессика, и Настя под столом пнула ее как следует.

Бабка, разумеется, заметила.

– Настя, веди себя прилично.

Глаза у внучки вдруг налились слезами.

– Вы с матерью просто уродки! – выкрикнула она и вскочила. – От тебя житья никакого нет, мать слова не может сказать, надо мной ты вообще издеваешься! А сама только и делаешь, что врешь – вы обе врете! Папу со света сжили! Мать, оказывается, сценарии пишет, вон Герман с ней вась-вась! А мне ни слова! И не помог никто! Лучше бы вы меня в детдом сдали, когда папа умер!..

– Прекрати истерику, – велела бабка. – В доме гостя.

– А мне плевать! Мне вообще на все плевать, на вас в особенности!

Джессика испуганно дергала ее за полу толстовки. Настя схватила со стола чашку, собираясь швырнуть ее на пол – истерика должна быть настоящей, полноценной, во время истерики

в кино всегда что-нибудь швыряют и разбивают, – но что-то ее удержало. Пожалуй, бабкин взгляд.

Бабка смотрела с сочувствием и даже болью.

– И нет у меня никаких повелителей! И я не кошка, а человек! Че-ло-век!..

Смутная мысль о том, что никакой истерики у нее уж точно нет и в помине, а кричит и рыдает она потому, что так предписывает «бог из машины», правила, согласно которым юная и одаренная девушка непременно должна то и дело ссориться со старыми и косными предками, вдруг так поразила ее, что она замолчала на полуслове.

...Как же так? Почему даже в такой момент она все делает... «по правилам», «как положено»?.. Кем и когда «положено»? И если «положено», значит, бабка права, и она, Настя Морозова, никакая не свободная личность, а раб?..

– Мы ничего от тебя не скрывали специально, – проговорила Марина Тимофеевна, разглаживая невидимые складки на скатерти. – Ты не слишком интересуешься нашей жизнью, и мы решили, что поговорим, когда тебе захочется. Мне очень грустно, что ты узнала случайно и против своей воли.

– Против воли, – повторила Настя и боком села на стул.

Наступила тишина. Слышно было, как тикают часы, посапывает батарея, как воробьи возьмется в кустах сирени под окном.

– Подумайте, девочки, – вдруг серьезно попросила бабка. – Просто подумайте о жизни. Это так важно – время от времени думать собственной головой, а не интернетом!..

Джессика стрельнула в нее взглядом и вновь опустила глаза, как будто спряталась.

– Кроме того, нужно подать заявление о краже, – продолжала бабка словно ранее начатый разговор. – Поехать в отделение и подать.

– Все равно ничего не найдут, – глядя в пол, пробормотала Джессика.

– Не найдут, – согласилась Марина Тимофеевна. – Но ведь пропали документы! Их придется восстанавливать, для этого потребуется справка. Без заявления никакую справку никто не даст. Настя, у тебя есть телефон вчерашнего мальчика, Дани?..

– Есть, – очнувшись, сказала Настя и насторожилась. – Зачем он тебе?..

– Мне он не нужен, – успокоила Марина Тимофеевна. – Позвони ему и спроси, разыскал ли его папа родителей нашей гостьи. Если нет, дадим телеграмму.

– Кому? – встрепелась гостья.

– Твоим родственникам. Адрес ты помнишь?.. Или он тоже записан в телефоне?

Тут Марине Тимофеевне показалось, что Джессика решительно не хочет, чтобы ее родственники нашлись. И телеграммы никакой не хочет! В чем дело?..

В Настиной голове в одну секунду созрел прекрасный план – раз бабка отпускает их в город, они поедут, быстренько накатают заявление, вызовут Даню и...

На этом план обрывался. Собственно, это был план по вызову Данилы Липницкого.

Собрались они в два счета, бабка выдала им субсидию – не бог весть что, но на чашку кофе в приличном месте хватит, а если Даня приедет, он за них и заплатит, а что, у него папаша богатый, – и отправились.

Едва выйдя за калитку, Настя позвонила Дане, они договорились встретиться в центре. Джессика, вырвавшись на свободу, тараторила без умолку.

– Слушай, твой отец прям в книжках писал, да? Ну, круть! А мой ничего никогда не писал, он вообще писать не умеет, по-моему!.. Слушай, а ты во все институты провалилась, да? Я во все! В одном в прошлом году на второй тур пропустили, а потом все равно срезали. Говорят, берут только блатных! Правда это, не знаешь?.. Ты в кружок ходила? Я ходила! Мы там одно представление делали, зашибись! Видала фильм «Обыкновенное чудо»? Старый, но прикольный! Вот мы постановку по фильму делали!

– Почему по фильму, – не поняла Настя, – а не по пьесе?

– Да я ж говорю же ж!.. Это фильм такой, а не пьеса! А чего, ты пьесу такую видела? Настя вдруг почувствовала себя бабушкой Мариной Тимофеевной – старой и умной.

– Да это Шварц написал! Драматург! Пьесу «Обыкновенное чудо»! А по ней фильм сняли!

Джессика страшно удивилась:

– Вона как! А нам не говорили! Нам сказали, фильм посмотреть. Я посмотрела и прям заболела, знаешь? Прям заболелая! Такие там люди! А один, Медведя играет, – красавец, жуть берет! Просто вот жуть!.. И я, такая, ночью лежу и думаю, думаю! И как будто я там, внутри, и он меня любит. Ты так на кого-нибудь думала?

Настя так думала сто раз, но отчего-то решила не признаваться. В электричке было пусто – утреннее столпотворение уже миновало, до вечернего далеко. Ей хотелось подумать – может, не о жизни, как велела бабка, но о чем-то таком, трудноопределимом. Джессике хотелось поговорить, и она все болтала.

– Я ему хотела в Инстаграм написать, а оказалось, что он помер давно, а я-то не догадалась, фильм старье!.. Но все так натурально, как будто вот про меня снято и про нашу с ним любовь. Я тогда так плакала, жуть просто. Даже в кружок не ходила, потом оттуда к матери пришли, спрашивают, чего это ваша девочка не ходит, художественная руководительница пришла, а мать, такая, говорит, не знаю, чего там у вас, только моя все время плачет!.. Слушай, а это твой парень, да? Ну, вчерашний? Слушай, он крутышка, да? Охранник у него!

– У его отца охранник.

– Да какая разница! А где ты его подцепила? Мой парень щас в армии сапоги топчет, только я за него не пойду, какие там перспективы? Сам из Ярославля, а уезжать не хочет, говорит, в Ярославле можно хорошо прожить, а чего там хорошего-то? А в Москву он не хочет. А я, такая, ему говорю, чего ты тут делать-то станешь? А он говорит, на нефтеперегонный пойду, там платят хорошо, а чего там платят? Одни слезы!.. Ну, нету перспективы! – Джессика выговаривала «перспективы», и Настя не поправляла. – Мне в Москве жениха нужно, из тутошних. Говорят, москвичи на приезжих не женятся, как думаешь, правда это? Только я решила точно – найду здесь! Ну, хоть одного какого-нибудь, но с перспективой! И чтоб квартира и дача тоже. У твоего друга есть неразобранные? Ну, неженатые то есть!..

– Во-первых, он не мой, – начала Настя. – Мы совсем недавно познакомились. И друзей его я не знаю. Знаю, что есть какой-то Ромка, он в прошлом году тоже в театральный поступал и завалил.

– Не, это не то, – бодро откликнулась Джессика. – Если завалил, значит, на бюджет поступал, а раз на бюджет, значит, бедный, мне таких без надобности! А чего ты друзей не знаешь? Посмотри в интернете, делов-то.

– Его нет в интернете.

– Как?!

– Так. Нет, и все.

Джессика Костикова засмеялась:

– Да ну тебя, шутки все! Так не бывает.

– Хочешь, проверь.

– Да у меня телефона нету!..

– Возьми мой. – Настя вытащила из рюкзака телефон.

Странное дело, электричка идет уж почти полчаса, а она ни разу не взяла в руки телефон. Там же вся жизнь! Там Марьяна, Рустам, Соня – она кул, – там посят и перепощивают, там кипят страсти и бурлит, бурлит... что там такое бурлит?..

Джессика выхватила у нее телефон, как умирающий от жажды путник в пустыне выхватывает бурдюк с водой у нашедшего его караванщика.

– Слушай, Насть, я еще своих посмотрю, ладно? – умоляюще проговорила Джессика. – Чего там у кого, я ничего не знаю! Телефон-то вчера пропал, а сегодня уже сегодня. На-ась! Можно?

– Можно.

...Оказывается, чтоб Джессика замолчала, нужно было просто дать ей в руки телефон. И все!.. Думать о своем сколько хочешь. В прошлом году на курорте родители так занимали своих младенцев, Настя видела. Стоит сунуть младенцу телефон, и он моментально перестает орать и вопить, уставляется в экран и замирает. Они с матерью завтракали в столовой в окружении этих самых младенцев с телефонами.

...Мать и бабка, конечно, хороши обе, чего там говорить!.. Мать, оказывается, не переписывает никчемные бумажки, а работает на самого Германа, и бабка в курсе, следовательно, они Настю предали! Ведь так? Что там бабка говорила? Настя не слишком интересуется их жизнью? Ну, у них и жизни никакой нету, нечем интересоваться! Оказывается, есть чем! Оказывается, есть огромная, непонятная, *тайная жизнь*, о которой Настя даже не догадывалась. И отец – так ей казалось – каким-то образом в эту тайную жизнь замешан.

Тут Настя словно бы испугалась – отец не может быть замешан ни в чем, кроме самого лучшего, талантливого, героического! Отец был самый умный, самый лучший, и мать с бабушкой его не уберегли, потому что посредственности, а посредственности никогда не могут понять по-настоящему больших талантов. Но предательская мыслишка, что от нее скрывали нечто, связанное с отцом, и это нечто вовсе не героическое и не талантливое, уже оформилась у нее в голове. Пока что это была именно мыслишка, маленькое подозрение, но даже такое подозрение есть предательство! Настя единственная в семье, кто хорошо понимает и знает отца, она не имеет права дрогнуть ни перед чем. Пусть они выдумывают все, что угодно, пусть. Настя знает цену выдумкам и никогда в них не поверит.

Успокоив себя немножко, она взбодрилась – вдвоем с папой ничего не страшно! – и сообразила, что проворонила остановку!

Пришлось выходить на следующей, ждать троллейбуса – метро от этой остановки было далеко, и совсем другая линия, сплошная канитель.

В отделении их промариновали часа два, и Настя там всех возненавидела. Никто не хотел брать заявление, никто не обращал на них внимания, вдоль стены на корточках сидели мрачные гости из сопредельных южных стран. Их по одному вызывали в кабинет, они выходили еще более мрачные. Да, и запах!.. Настя решила, что так, должно быть, пахнет в тюрьме.

...Когда она будет играть большую программную роль – ее героиню заключат под стражу, разумеется, по ложному обвинению, – ей пригодится этот запах и ощущение неволи, в которую попадает каждый, кто сюда приходит по своим невеселым делам.

«Невеселые дела» Насте понравились – как из сценария.

Как только у них все же приняли заявление, они выскочили на улицу и помчались наперегонки вприпрыжку – освобожденные пленницы.

Возле кафе на Никитской, где они должны были встретиться с Даней, Джессика оробела.

– Зачем нам туда? Смотри, вон пельменная!

– Какая еще пельменная!

– Здесь дорого небось, жуть.

Настя посмотрела на новоиспеченную товарку с сожалением, как бабушка Марина Тимофеевна подчас смотрела на саму Настю, и придержала перед ней дверь.

– Заходи.

Джессика зашла и оробела еще больше.

Несмотря на белый день, в кафе было полно народу, так что стоял гул голосов. Молодые люди в черных пиджаках и при галстуках торопливо поедали супы и салаты, нарядные девушки с прическами «из салона» тыкали наманикюренными пальчиками в телефоны и время от вре-

мени, словно спохватившись, принимались щебетать, красивые до невозможности официанты разносили чашки и стаканы, и все это было... кино.

Пусть не «Игра престолов», но именно кино, а вовсе не настоящая жизнь.

Даня Липницкий сидел за столиком возле окна и читал книгу. Уши его были заткнуты наушниками.

Настя, как только увидела его, сразу поняла, что вот оно – счастье всей ее жизни. Сидит за столиком в наушниках и читает книгу.

Она вздохнула от полноты этого счастья, моментально забыла про Джессику, подкралась, ловко выдернула наушник и гавкнула ему в ухо:

– Ав!..

– Да нууу, – сказал Даня и поднялся навстречу девицам. – Подумаешь, фокус! Меня этим не возьмешь! У меня собака сразу оба вытаскивает! Научилась! Только она не брешет, а ухо лижет.

Настя, замерев, смотрела на него. Боже, до чего красивый!.. Волосы! Руки! И ему так идет длинный нос, если только человеку может идти его собственный нос!..

– Вы обедать будете?

– А ты?

– Я еще не решил, я вас ждал.

– Мы будем, – быстро сказала Джессика, усаживаясь. – Только у нас денег нет.

– У нас есть, – неизвестно зачем перебила Настя. Почему-то ей расхотелось, чтобы Даня за нее платил.

– Здесь на самом деле не очень вкусно, – деликатно понизив голос, сообщил Даня, – понтов много, а еда никакая. Может, кофе выпьем, а есть в пельменную пойдём? Вон на той стороне пельменная, там отлично. Мы с папой ее любим.

– Ты ходишь в пельменную?! – Настя округлила глаза.

– Да, а что? Когда хочу пельменей, хожу.

– Никто не ходит в пельменные, ты что?!

– Почему никто? – вмешалась Джессика. – Я вот уже три недели в Москве, тут ничего себе пельменные. У нас тоже одна ничего, а в другой грязно и алкоголики.

– В общем, если дамы не возражают, сейчас кофе, а потом в пельменную.

Дамы синхронно пожали плечами. Настя просто так пожала, а Джессика с церемониями. Она приподняла плечи, посидела, потом прыснула и закрылась ладошкой.

– Слушай, – начала она, – мы заявление в легавке писали, так там все на нас смотрели как на дурочек с переулочка, нам Настина бабка сказала написать, чтоб потом справку выдали, что паспорт, мол, украден. И аттестат тоже!.. А почему тебя в социалках нету? Ты чего, засекреченный, что ли? Везде искала и не нашла! Как ты живешь без Инстаграма и без всего?

– Твой отец нашел родителей Джесс? – перебила Настя.

– Понятия не имею, он мне не говорил.

– Ой, ты скажи ему, чтоб не искал, – перепугалась Джессика. – Я тебя умоляю!

– Как же не искать? А что делать?

Она махнула рукой и огляделась по сторонам:

– Да придумается чего-нибудь! Зуб даю! На работу устраюсь!

– Как на работу без документов? – в Насте продолжала говорить бабушка Марина Тимофеевна. – Тебе документы и деньги нужны в любом случае!..

– Документы выправлю, вон в легавке заявление у нас взяли и зарегистрировали даже, заработаю, квартиру буду снимать. Слушай, а ты в театральном учишься, да? На каком курсе? Ты в кружок ходил? Я ходила, Настя знает, там, у нас. Ты, главное, отцу скажи, чтоб он не искал ничего. У меня родители... того, не сахар с медом. Пьющие они сильно, отпускать меня

не хотели, на хозяйстве кто-то должен впахивать, а я тью-тью, сбежала от них! Ихнее хозяйство, пусть сами и впахивают.

Даня почесал голову, отчего сделался необыкновенно лохмат.

– Сказать-то я могу все, что угодно, только вряд ли папа меня станет слушаться. Он, между прочим, никого не слушается.

– Он крутой, да? С охранником ездит! Он кто? Олигарх? Такая хорошая профессия – олигарх, да? Если б я не была артисткой, выучилась бы на олигарха! Теперь феминизм, и женщины тоже могут на олигархов поступать, да?.. Только там уж точно все блатные, да?

На этот раз Даня Липницкий почесал нос, а не голову.

– Дело в том, что олигарх – не профессия. Это такое... положение в обществе. Олигархия есть смычка капитала и политического влияния.

Джессика засмеялась.

– Ты такой умный, да?.. А чего тогда на олигарха не учишься, а на артиста?

– Да я, собственно, и на артиста не... – тут он замолчал и посмотрел на Настю, – между прочим, что ты хочешь делать? Ты позвонила и сказала, что у тебя есть план. Но я не понял, какой именно.

Никакого плана не было, а тот, что был, оказался выполнен – вот он, Данила Липницкий, вот она, Настя Морозова, герой и героиня в уютном московском кафе – в сценариях положено, чтоб кафе *обязательно* было уютным и *желательно* московским, – и с ними никчемушная подружка героини, мелет языком невесть что. Хорошо бы, конечно, он под столом держал ее за руку, но он не догадается взять, конечно!..

– Я хочу выяснить, куда пропали часы Светланы Дольчиковой, – выдала Настя первое, что пришло ей в голову, и заглянула под скатерть, чтобы понять, далеко ли его рука и коленка от ее руки и коленки. Оказалось, далековато. – Мне кажется, все дело в этих часах!..

– А как мы можем выяснить?

– Поедем в институт и спросим, может, кто-нибудь видел, как она их снимала, например! Может, она их просто в туалете забыла! – на ходу сочиняла Настя.

– Там было полно народу, – возразил Даня. – А сейчас, должно быть, никого.

– В этом вся фишка! Остались преподаватели и сотрудники, а они Дольчикову хорошо знают! Знали! Может, кто-то и обратил внимание, что часы пропали!.. И вдруг мы их найдем!..

– Не знаю, – проговорил Даня с сомнением. – Папа сказал, чтобы мы в это дело не лезли. Он был уверен, что мы полезем!..

– Ой, Дольчикова! Она такая миленькая, прелесть! Так жалко, жуть просто, ну, просто жуть!.. Могла бы жить и жить! Она же от передоза, да?.. В комментариях писали, что прямо со шприцем в вене и нашли!

– Что за чушь! Никакого шприца не было! – одновременно и очень громко, на весь зал, заговорили Настя с Даней. – И передоза не было! Она на прослушивание приехала!..

Роскошный официант с разгону притормозил возле столика и спросил, не нужно ли им чего. Настя попросила фраппе на миндальном – ясное дело! – молоке, Джессика самую большую кружку капучино, а Даня чай под названием «Марокканская мята».

– У меня аллергия на лактозу, – пояснила Настя с гордостью. – Я молоко не могу пить. Только миндальное или кокосовое.

Джессика поняла, что сплеховала, и моментально огорчилась – она же читала в Сети, что нынче никто не пьет молоко из-за этой самой лактозы! У всех молодых, деловых и продвинутых должна быть аллергия на лактозу и еще на этот... как его... глютен! Теперь нельзя съесть булку и запить ее молоком прилюдно, приходится по секрету от всех, дома, иначе про тебя подумают, что ты отсталая или из провинции.

– Зря ты химию всякую глушишь, – заметил Даня, когда принесли фраппе «на миндальном».

– Да у меня аллергия, – возмутилась Настя. – И это не химия никакая, а здоровое питание!

– Я не уверен, – Даня нагнулся к ее стакану и понюхал. – Мало ли чего туда насобачили! Мы с папой однажды в воскресенье решили торт печь. Ну, нашли рецепт, а там как раз это миндальное молоко, будь оно неладно.

– Ты сам печешь?! – изумилась Джессика.

– Плохо, – признался Даня. – А папа умеет. Он все умеет! Он же меня растил. И еще бабушка.

– У него мать умерла, – сказала Настя и добавила с грустной гордостью: – У него мать, а у меня отец.

Джессика уважительно покивала.

– У нас как раз дома миндаль был, большой пакет, килограмма два, наверное. И стали мы из миндаля этого молоко делать. Получилась у нас в итоге жидкость, белая такая, ни запаха, ни вкуса. Короче, нет в твоём стакане никакого миндального молока, зато сплошные достижения химической промышленности, слава ей.

Настя посмотрела на свой стакан.

– Ерунда, – неуверенно сказала Настя.

– И кокосовое тоже?! – спросила глупая Джессика с восторгом.

– Ну, кокосы вообще экзотика! Они почти нигде не растут, если смотреть в планетарном масштабе.

– Ты такой умный, да?.. А что ты читаешь?..

– Лавкрафта.

– Умный, жуть, – констатировала Джессика. – И прям вот такую здоровенную книжку всю прочитаешь?!

Насте не нравился разговор – весь разговор ей не нравился! Перестал нравиться после того, как заговорили про поступление на факультет олигархии и про передоз у Дольчиковой!.. Она чувствовала себя странно, словно в присутствии бабки Марины Тимофеевны – неизвестно, когда и на какую мину наступишь и что произойдет после этого.

Даня был просто Даня – длинноносый и длинноногий лохматый красавец, немного не от мира сего, именно таким она и увидела его, вернее, полюбила с первого взгляда, когда он сидел на кадке, а ее выгнали из аудитории, не дослушав про «скобки года»! И этот сегодняшний старый Даня показался ей совершенно новым и чужим.

У него какая-то отдельная, непонятная, высшая жизнь.

Кажется, ему все равно, кто и что о нем подумает и соответствует ли он представлениям о том, каким должен быть устроенный столичный молодой человек при высокопоставленном папаше. Он читает в кафе толстую книгу, а по выходным печет торт с миндалем – так никто не делает! А если делает, не признается, это не положено, так нельзя!

Можно: завтракать в «Кофемании», ездить на «Альфа Вьюча Пипл», то и дело брать такси, проводить зиму в Трех долинах, каждый год обновлять гаджеты, замыкать круги активности на смарт-часах, читать литературу по саморазвитию и жить по Лабковскому...

Нельзя: покупать на скидках, жить с родителями, считать, что «Времена года» – это какая-то музыка, хотя на самом деле магазин, не знать, кто такой Лабковский.

Эти «можно» и «нельзя» были хорошо известны не только Насте, но вообще всем – спроси хоть вон ту девулю за соседним столом, которая строчит сообщения в телефоне и уже раза три сделала селфи. Когда она не строчила и не делала, ложечкой пила кофе из чашки и неотрывно смотрела на Даню. Или того парня, который поглощает суп, пристроив телефон позади тарелки, смотрит «стенд-ап шоу» и весело смеется – сам с собой! И они подтвердят, они тоже знают, что «можно», а что «нельзя».

Почему ему все равно? Почему он словно сам по себе, отделен от них, накрыт невидимым колпаком, защитным полем?..

Это его имела в виду бабушка, когда говорила, что есть *немногие, которые живут*, а *большинство* смотрит картинки про жизнь?..

– Слушай, – тараторила Джессика, – а у тебя есть друзья? Ты бы нас познакомил! У меня в Москве никого, жуть просто. С одним парнем на прослушивании скорефанилась, а потом он потерялся. Его на второй тур пропустили, и я уж его больше не видала. И вот Настя еще. А мне тута закрепиться надо, я обратно в Мышкин не поеду, по хозяйству впахивать! А может, твой батя меня на работу возьмет? Я это... учусь быстро. Ненадолго, до следующего года, а там поступлю!..

Настя сказала, что нужно ехать, иначе настанет ночь и в институте никого не будет.

Даня порывался заплатить за всех, но Настя не разрешила. И «фраппе на миндальном» не стала допивать.

В третьем часу Тонечка и Александр Наумович были отпущены восвояси.

Великий продюсер злился. Тонечка была задумчива. У подъезда многоэтажки она нашла в кудрях темные очки, нацепила их на нос и спросила Германа, знает ли он родственников Василия Филиппова. Жenu, например, очень деловую, о которой говорил режиссер Эдуард тогда, на «Мосфильме».

– Жenu знаю, конечно, – сказал Герман с раздражением. – Зачем она тебе?

– Я к ней съезжу, – объявила Тонечка. – Расскажу.

– Я уверен, ей уже позвонили.

– Да это неважно, Саша. Звонили, не звонили, какая разница!.. Нужно, чтоб все было по-человечески.

– По-человечески, значит, взять и явиться к незнакомому человеку, чтоб выразить... что? Фальшивое сочувствие?

– Почему фальшивое? Искреннее! У нее муж умер. В нашем присутствии!

– Они сто лет не живут вместе!

– Саша, он ее муж.

Герман махнул рукой.

– Езжай куда хочешь. Позвони в мою приемную, я распорядюсь, тебе дадут контакт, у секретарши есть.

– Кто-то же забрал его телефон, – продолжала Тонечка задумчиво. – И привез бутылки, весь этот... праздник жизни!

– Это из нового сценария?

– Саша, я как раз хотела тебе сказать про сценарий...

– Не нужно мне ничего сейчас говорить, – перебил он. – Я зол, ты что, не видишь?

Тонечка посмотрела на него. Зол, да еще как зол!..

– Я весь день угробил на ерунду, – продолжал Герман, распаяясь, – которая не имеет ко мне никакого отношения! Можно подумать, мне делать нечего!

– С нами всегда так, – отозвалась Тонечка. – На нас нужно тратить время, мы выпиваем, помираем! Ужас один.

Он не понял.

– С кем, с вами?..

– С людьми, – пояснила Тонечка. – Ты просто к нам не привык. Или давно отвык, тут я не знаю.

– Ну, человечество в целом меня действительно не интересует.

– Оно и видно. Тебе даже этого несчастного Василия не жаль. Тебе просто хочется, чтоб все побыстрее закончилось. Вернее даже не так! Чтобы твое участие побыстрее закончилось.

– Василия мне не жаль вообще, – согласился Герман. – И тебе не советую изображать мать Терезу. Быть милосердной без лицемерия сложно.

– Мой муж сильно пил. И умер от белой горячки.

– Я уже догадался. Ты рыдать была готова у одра этого недоумка! Совершенно ясно, что тебе близки его страдания. Я только спрашиваю у себя, при чем тут я. И получается, ни при чем. Изображать святость мне скучно. И я не очень понимаю зачем.

– А я изображаю святость? – тихо спросила Тонечка.

– Еще как! Смотреть противно. Все, давай, пока.

Тонечка проводила глазами его машину.

...Почему он решил, что она «изображает»? Она делала то, что привыкла, – пыталась помочь, хотя чем тут поможешь?.. Сколько раз за свои сорок лет она приносила воду, подносила стакан к клацающим зубам, впихивала таблетки, заставляла глотать, клала на лоб пакет со льдом, ждала «Скорую», умоляла бездушных врачей сделать «хоть что-нибудь»!

Ей и в голову не приходило, что она «изображает святость»!

Иногда, сильно устав, она упрекала себя, но не в «святости», а в слабости!.. Она настолько слабый человек, что не имеет сил сбросить тягло, зажить, задышать, начать делать то, что хочется!.. Она изо всех сил делала то, что «должна». Может, именно это Герман и назвал лицемерием?

Впрочем, это был слишком сложный разговор с собой, чтобы вести его у подъезда многоэтажки по Песчаному проезду, тринадцать!..

Некоторое время она соображала, где здесь может быть метро, а потом пустилась в путь.

Жена Василия Филиппова работала в самом центре. Громадное серое здание, кажется, начала прошлого века, подковой нависало над крошечной площадью с памятником в середине. Тонечка, родившаяся и выросшая в Москве, понятия не имела, кому тут памятник, подошла и посмотрела. Оказалось, Урицкому!.. Она ничего не могла припомнить об этом человеке – кажется, он был пламенный революционер – и решила потом непременно почитать.

Секретарша Германа с некоторым недоумением продиктовала ей телефон Зои Евгеньевны Филипповой, и сама Зоя Евгеньевна недоумевала, когда Тонечка позвонила и напросилась на встречу. Но отступить она не могла.

Назло Герману не станет она отступать!..

Никакого пропуска не было в бюро пропусков, пришлось снова звонить, представляться, напоминать, что она приехала «поговорить о Василии» и что это «очень важно», впитывать холодное недоумение, льющееся из телефонной трубки прямо в ухо.

Зоя Евгеньевна служила в роскошной юридической конторе на четвертом этаже. Паркет, ковры, многозначительная тишина – здесь люди заняты важными делами! – на стенах портреты знаменитых адвокатов и присяжных поверенных, смешанный вкусный запах кофе, духов и озона от копировальных машин. Должно быть, супруга режиссера большой специалист, если работает в таком прекрасном месте!

За письменным столом – дерево, сукно, бронзовый прибор и дорогуший маленький компьютер, все самое настоящее, – сидела девушка в строгом деловом костюме и очках. Она набирала текст, ухоженные пальцы двигались словно сами по себе, почти незаметно – высший пилотаж.

Тонечка сказала, что она к Зое Евгеньевне. Девушка приветливо предложила ей присесть – вон кресла.

Тонечка вздохнула, ей стало неловко.

...Прав Герман! Она явилась к постороннему человеку – зачем?! У этого человека вон какая жизнь, а Тонечкино глупое и ненужное сочувствие испортит эту самую жизнь!

Впрочем, смерть всегда портит жизнь...

– Это вы мне звонили?

Тонечка неловко повернулась и поднялась, тоже неловко.

– Я Зоя Филиппова, – продолжала ровным голосом молодая и прекрасная красавица. – Вы что-то хотите мне сказать?

– Если можно, не здесь, – умоляющим голосом попросила Тонечка. – Это недолго, извините меня.

Красавица хмыкнула, пожала плечами и сказала:

– Пойдемте.

Тонечка поплелась за ней.

У красавицы были совершенные ноги, совершенная спина, совершенная талия. Волосы как из рекламы шампуня, у людей не бывает таких волос, как в рекламе!..

Может, секретарша ошиблась, и красавица никакая не жена покойного режиссера Филиппова – псевдоним Ваня Сусанин! – а, например, одна из подруг великого продюсера?

На подругу великого продюсера красавица была похожа, а на жену режиссера Филиппова – нет.

В просторном кабинете было словно еще тише, глуше. Мебель дорогая и добротная, очень современная, странная, ломаных линий. Таких интерьеров не показывали ни в каком кино – слишком дорого и непонятно «простому зрителю», как сказал бы Герман.

– Вот сюда, – и красавица показала, куда именно Тонечке разрешено поместиться. – Что вам нужно?

– Я была с вашим мужем, когда он... сегодня утром он...

– Помер, – сказала красавица, рассматривая ее. – Я знаю. Вам нужны деньги?

– Почему деньги? – смешалась Тонечка.

– Вы его любовница и вам нужны деньги? Вам он тоже обещал?

– Я сценарист, – сказала Тонечка, изо всех сил жалея, что впуталась в такую ерунду. – И я была утром в квартире Василия. Он умер у меня на глазах.

– Какая потеря, – проговорила красавица. – Он обещал вам денег и вы пришли за ними?

Тонечка почесала голову, темные очки свалились на пол, она полезла их поднимать. Когда она вынырнула из-под стола, щеки у нее были пунцовыми.

– Зоя Евгеньевна, – начала она. – Я просто сценарист, а не любовница вашего мужа. Я его едва знаю. Он как-то должен был снимать фильм по моему сценарию, но что-то там не срослось. Сегодня утром мы с Александром Германом, продюсером, приехали к вашему мужу, и он умер у нас на глазах. Деньги мне не нужны.

– Зачем вы меня разыскали?

Тонечка помолчала.

– Чтобы спросить у вас, может, вы знаете, кто к нему в последнее время приходил.

– Зачем вам это? Для сценария?

– Он говорил, что его непременно убьют.

– Василий только и делал, что нес ахинею.

– Да, но сегодня утром он умер.

– Логично, – неожиданно заключила Зоя. – Вы хотите вести следствие?

Тонечка еще немного помолчала.

– Моя дочь нашла тело актрисы Дольчиковой. Дольчикова погибла во время приемных экзаменов в театральном институте.

– Я читала в новостях.

– На следующий день я встретила на работе вашего мужа. Он был пьян, плакал и кричал, что Свету убили и его тоже убьют. Я хочу выяснить, как связаны две смерти – вашего мужа и Дольчиковой.

– Беспокойтесь за дочь?

– Да, – просто сказала Тонечка.

– Понятно.

...Если без лицемерия, пронеслось в голове у Тонечки, то все просто и понятно.

Зоя встала, подошла к столу и нажала кнопку на телефонном аппарате.

– Наташ, сделайте нам чаю, – попросила она задумчиво. – Или вам кофе?

– Лучше кофе.

Зоя вернулась на свое место напротив Тонечки, села боком и стала рассматривать весеннее небо за окном.

– Не знаю, говорил вам Саша Герман или нет, но мы с Василием много лет не живем вместе. Считать его подружек я давно перестала, кто там к нему ходил, когда, зачем! Понятия не имею.

– Но он вам все время звонил, – утвердительно сказала Тонечка.

Зоя перевела взгляд на нее.

– Откуда вы знаете, если с ним не жили?

– Я слышала, – объяснила Тонечка. – В буфете. Он плакал и кричал, что должен вам позвонить, вы что-нибудь придумаете.

– Ах, слышали!..

Дверь распахнулась без стука, и девушка из приемной внесла поднос с чашками и чайником. Еще, кажется, были конфеты. Тонечке очень хотелось есть.

Должно быть, есть конфеты в этом кабинете не полагается, и держат их исключительно для посетителей, но она съест! Возьмет и съест... две! Она же и впрямь посетитель!

Голодный.

– Он звонил, это правда, – сказала Зоя, когда за секретаршей закрылась дверь. – Мы разошлись, но он был абсолютно уверен, что его проблемы как были, так и остались моими. Он не хотел ничем заниматься, кроме... творчества. Никогда.

Тонечка слушала очень внимательно.

– И вы решали его проблемы?

– По привычке. Мы прожили вместе лет пятнадцать, за это время вырабатываются вполне устойчивые привычки.

Тонечка отлично знала про «устойчивые привычки» и про то, как они вырабатываются!.. После смерти мужа она много лет прятала прикупленную на Новый год бутылку шампанского так, что ее потом никто не мог найти, даже она сама.

– Ему в голову не приходило, что мы разойдемся и тогда он станет жить без всякого моего участия. Меня это забавляло. Я ему даже как-то сказала об этом! Но он не очень понял, что я имею в виду. Он считал себя гением, а гения нужно беречь, ухаживать, обслуживать, выслушивать. Гению можно все, а посредственности ничего. В нашем союзе посредственностью была я, а он только творил. И ему нужны были эмоции – понятное дело, на стороне. И поддержка – ясное дело, моя. Кто, кроме меня, стал бы его поддерживать!..

Тонечка уставилась на собеседницу.

Ее собственный муж был точно таким же!

Он страдал без причины, рыдал без повода, врал без зазрения совести, скандалил без удержу.

«Я же писатель! – кричал он и швырял в Тонечку первым, что подворачивалось под руку. – Мне нужны эмоции! Я должен дышать, понимаешь?! Я задыхаюсь в неволе, а ты все хочешь, чтобы я сидел в тюрьме, возле твоей юбки! Где мне взять эмоции?! Ты же ничего, ничего мне не даешь! Ты забираешь даже те, что еще есть, последние остатки!»

Эти «последние остатки» Тонечку просто убивали!..

– Самое интересное, – вдруг громко и удивленно сказала Зоя, – что я всерьез считала его гением! Представляете? То есть я смотрела его фильмы и понимала – вот гениальный фильм! Столько лет! Вы видели, что он снимал?

- Видела, – осторожно призналась Тонечка. – Всякую ерунду он снимал.
- А мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы это понять! Должно быть, я на самом деле посредственность!
- Должно быть, вы на самом деле его любили, – сказала Тонечка. – Можно я конфету съем?
- Сколько хотите! Вы на машине? Может, коньяку выпьем?
- Тонечка, запихав конфету за щеку, промычала, что с удовольствием выпьет коньяку.
- Зоя принесла хрустальные стаканы, пузатую бутылку и налила – прилично.
- Упокой, Господи, душу раба твоего Василия, – скороговоркой выговорила она и глотнула. – Жил черт-те как и умер тоже по-дурачки.
- Это точно, – согласилась Тонечка. – А почему вы с ним не развелись, Зоя?
- Зачем?
- Не знаю. Так положено.
- Мне разводиться было лень, а его все устраивало. Ему было удобно, что он женатый человек со штампом в паспорте. Если что, никаких претензий.
- А предъявляли?
- Зоя махнула рукой.
- И не один раз. Приходили какие-то девицы, спрашивали с меня денег. Говорили, что Василий обещал, а я ему не даю.
- Он брал у вас деньги?
- Он просил, конечно. Иногда я давала, иногда нет. В прошлом году отправляла его матери на лечение. Однажды заплатила кредит. Он взял и забыл. Или кто-то из девиц по его паспорту взял, я не стала разбираться. Он очухался, только когда пришли имущество описывать!
- Тонечка запихала за щеку еще одну конфету.
- Он мне звонил, плакал, ничего нового. Я заплатила.
- А вообще-то, – спросила Тонечка задумчиво, – у него были деньги?
- Да вы ведь все знаете, если работаете в этой сфере. То густо, то пусто. Есть работа, есть деньги. Нет, и все, никаких денег. Разумеется, девиц он заводил, когда деньги были. Он им то роли обещал, то какие-то безделушки, то вечную любовь.
- А вам? – Тонечка тоже глотнула коньяку. – Вам он что обещал, когда за вами ухаживал?
- Зоя засмеялась.
- Жизнь с гением! – провозгласила она. – Ну, и безделушки тоже. Помню, какая-то штучка была, он мне показывал. Врал, что древность, что цены нет! А потом куда-то спрятал, я ее больше и не видела. В общем, смешно. Мировую славу тоже обещал. Он собирался стать Ларсом фон Триером. А получилось... то, что получилось. И сегодня он умер.
- Мой муж тоже умер, – сказала Тонечка. – И тоже пил. И тоже говорил, что у гения должны быть слуги и помощники. То есть я должна быть служанкой и помощницей.
- У вас получилось?
- Тонечка покачала головой.
- Я старалась, но нет, не получилось. А сегодня мне сказали, что быть милосердной без лицемерия трудно, почти невозможно. И я вот все думаю: до какой степени я была лицемерной?
- Может, вы его просто любили, вашего мужа?
- Тонечка согласно покивала.
- А потом разлюбили?
- Не скоро, – призналась Тонечка.
- Мы с вами похожи. Давайте теперь за нас. – Зоя подняла бокал. – Пусть у нас будет дальше хорошая и понятная жизнь.

– Отличный тост, – одобрила Тонечка.

Они посидели, каждая думала о своем.

– А домработница? – вдруг спросила Тонечка. – К Василию кто-нибудь приходил убирать?

– По-моему, нет. А может, он и вызывал, я точно не знаю.

– Понимаете, Зоя, вот что подозрительно. Мы не нашли в квартире его телефон. Как будто его кто-то унес!.. Зато в холодильнике был лимон с сегодняшней датой на ценнике. И я уверена, что он сам никуда не выходил. Ну, он просто не мог ходить, понимаете?.. Дойти до магазина, там расплатиться, вернуться, пакет притащить – нееет!

Зоя восхитилась:

– Вы прямо сыщик! Детективные сценарии пишете?

– Всякие приходится, но детективные мне больше всего нравятся. Чтобы интересно и чтоб приключения. Когда герои смотрят друг на друга, потому что у них любовь, сразу скучно становится.

– А вдруг его правда убили? – вдруг спросила Зоя. – Что тогда?

– Тогда нужно искать убийцу.

– А как?

Тонечка пожала плечами.

– В последнее время у него была работа, – помолчав, заговорила Зоя. – Давно не было, а тут появилась. Он приезжал ко мне, рассказывал, что фильм будет бомба, что вот наконец настал его звездный час, что бюджет какой-то неслыханный. А как раз когда работы не было, он бросил очередную барышню и страдал. А в этот фильм взял Дольчикову на главную роль, и все наладилось. Во всех отношениях, понимаете?

– Кого он бросил, не знаете?

Зоя поморщилась.

– Нет, конечно. Их всегда было много, – и она показала рукой, как много было девушек у ее мужа. – С одной он даже на Гоа уехал, чтоб жить без затей на пляже. Но довольно быстро вернулся.

– Он сильно пил?

– По моим меркам – сильно. Но умел нравиться, если хотел. Правда, все девицы быстро начинали требовать! И он никак не мог взять в толк, почему так получается. Всегда все так прекрасно начинается! Любовь, Чистые пруды, полночный ресторанчик, такси, прогулки в Высокопетровском монастыре, разговоры о кино! – Зоя засмеялась. – А потом как под копирку – нужно где-то жить, что-то есть, во что-то одеваться, врачу звонить, если вдруг понос или золотуха!.. Он страдал, бросал и отправлялся дальше искать высоких отношений! Я как-то у него спросила, не скучно ли так жить. А он мне сказал, что будет искать до последнего. Где-то в мире должна жить его единственная огромная любовь!

– Да уж, – промолвила Тонечка.

– Хотя вот про ту, которая была до Светы Дольчиковой, он говорил, что наконец-то нашел. И это она и есть, его любовь. Она вроде бы тоже из кино, но не актриса. Или даже не из кино. Не помню, врать не буду.

– Спасибо, что не вытолкали меня взащей, – сказала Тонечка и стала выбираться из-за стола.

– Я собиралась, но в последний момент передумала.

– Я вам оставлю свой номер, позвоните, если вдруг будут новости, хорошо?

– Вы на самом деле думаете, что его могли убить?

Тонечка посмотрела на нее и решила:

– Позвоните следователю. Скажите, что у вас есть сомнения в естественной смерти вашего мужа. Напишите заявление. Может быть, это сработает, они возьмут пробы на самые

распространенные яды. Телефон ведь куда-то делся! И лимон откуда-то взялся!.. Незадолго до нашего приезда в его квартире кто-то точно был. Вдруг это... убийца?

Стучать в дверь с табличкой «Посторонним В» пришлось Дане. Настя никак не могла решиться, а Джессика вообще отказалась к ней подходить.

– Тута, говорят, ректор бывает, – сказала она опасливо. – Такой страшный дядька, весь волосатый, я его видала на прослушивании. Я на стульчике посижу, ладно? Насть, дай телефон, а? Ну, пожалста, пожалста, пожалста!..

Настя сунула ей телефон. Джессика просияла от счастья, схватила обеими руками, прижала к груди, плюхнулась на стул и сладко вздохнула – от предвкушения телефонных радостей. Настя в последнюю секунду удержалась и не произнесла бабкину любимую фразу, что там такого есть, в этом телефоне, что вызывает столь бурную эйфорию!

– Между прочим, – сказал Даня возле двери с табличкой и оглянулся на подругу, – я даже не знаю, кого спросить. Ты знаешь?

Настя пожала плечами – она презирала себя за нерешительность.

– Ну и ладно, – заключил он, постучал, подождал и просунул голову. – Можно?

– Заходите! – сказали из кабинета. – Если к ректору, обломись, нету его и сегодня не будет!

Настя выглядывала из-за Даниного плеча, привставала на цыпочки.

– Вы кто? – продолжали спрашивать из кабинета. – Абитура? По поводу списков?

Они зашли внутрь, дверь тихо притворилась за ними. Какой-то парень, смутно знакомый, стоял на стремянке и поливал на шкафу цветок, именуемый в народе «щучий хвост».

– Здравствуйте, – сказала Настя.

– Хэлло, – отозвался парень со стремянки. – Слышь, братан, налей в лейку во-он из той зеленой бутылки, у меня вода кончилась.

Даня перехватил лейку и набулькал в нее воды из во-он той бутылки.

– Вы чего ищете? – спросил парень, когда Даня отдал ему лейку. – Места в современном искусстве?

– Неплохо бы, – отозвался Даня. – Особенно некоторым, да, Насть?

Настя обозлилась. Опять над ней смеются!

– Мне нужно спросить, – сказала она злым голосом. – Просто спросить, и все.

– Про списки?

– Не про списки. А есть кто из преподавателей?

– Да никого нету, – удивился парень, прыгивая со стремянки. – У нас прослушивания сейчас, все по утрам бывают, а теперь разошлись. – Он взглянул на Настю. – О! А я тебя знаю, слушай! Ты Дольчикову нашла! Точняк?

– Точняк, – подтвердил Даня Липницкий. – Мы вместе нашли. Это Настя, а я Данила.

– Данила-мастер? – моментально сострил парень. – Каменный цветок у тебя не выходит?

– Хоть бы раз в жизни, – сказал Даня беззлобно, – кто-нибудь по поводу моего имени другому пошутил! Нет, про каменный цветок только.

– Ну, – сказал парень, отставил лейку и положил Дане руку на плечо, – такова твоя судьбина, братан. А я по фамилии Аллилуев, а по имени Олег. Так что надо-то?

Точно! Настя вспомнила. Этот самый Аллилуев приходил в экзаменационный класс, когда они все сидели в ожидании встречи со следователем. Он еще как-то по-дурацки называл абитуриентов, оскорбительно как-то.

– Ты не знаешь, часы Дольчиковой так и не нашли? – выпалила Настя.

– Где нашли? Кто нашли?

– Я не знаю, кто и где! Ты не знаешь?

– А их искали, часы-то?

Настя окончательно рассердилась на Аллилуева.

– Часы пропали, – сказала она. – Про-па-ли! Ты не знаешь, их нашли?

Аллилуев снова взялся за лейку и стал поливать цветы на подоконнике.

– Я не знал про часы-то, – сказал он, и вода полилась на старый темный паркет. Он спохватился и сунул носик лейки в цветок. – Светка этими часами всю плешь проела! Какие они необыкновенные, от бабушек-прабабушек, щуров и пращуров остались!

– Ты знаком с Дольчиковой?!

– Ясный хобот, – сказал парень. – Она старше меня всего лет на пять, мы вместе сто раз в спектаклях выходили! В сцене «Появляются лучники, стражники с алебардами и служанки».

– Ты что, артист?! – поразилась Настя, а Даня засмеялся.

– Артист погорелого театра, – согласился Аллилуев.

– Нет, ну правда!

– Если правда, то не артист, какой из меня артист. – Он приткнул лейку за шкаф, оперся обеими руками о стол, перегнулся к Насте и заглянул ей в лицо. – Мой романтический ореол померк в ваших глазах, прекрасная сальфида?..

Настя моргнула.

– Ты здесь... учишься?

– Выучился давно. Я спектакли ставлю с молодняком. Режиссер я! Меня Игорь Маркович попросил по старой памяти. Иногда на прослушиваниях сижу. Сейчас вот из лейки поливаю.

– Но с Дольчиковой ты знаком?

– Вот те крест, – парень размашисто перекрестился. – Выходили вместе в сцене «Вбегают крепостные, следом дворовые девки». Я крепостной, она девка. Следом. Вбегают.

Даня опять засмеялся.

– А ты на актерское поступала, да?

– Да, – с вызовом сказала Настя. – А что?

Аллилуев пожал плечами.

– Да ничего. На следующий год придешь.

Настя прищурилась.

– Ты же сказал, что списков еще нет!

Теперь засмеялся парень.

– Списков-то нет, да на что мне списки, когда я слышал, как ты читаешь! Так нельзя читать, сальфида! Нужно по-другому читать! Это я тебе как режиссер говорю, точно!..

Тут вмешался Даня Липницкий и спас ее.

– Ты сказал, что Дольчикова часами хвасталась, да?

– Ну, она не то чтоб хвасталась... Хотя да! Хвасталась! Какая-то ее прабабка училась в Екатерининском институте, а может, в Смольном, и часы Светке от этой бабки достались. Я не знал даже, что они пропали!..

– Ты в тот день ее видел? Ну, когда все случилось?

– Ясный хобот, видел! Да ее Герман привез! Я их обоих и видел.

– На ней были часы, – вступила Настя. – А когда мы ее нашли, часов на ней не оказалось.

– Сперли, – сказал парень. – И Светку уколошили, и часы сперли злодеи-махновцы. Слушайте, крепостные и дворовые, давайте на улицу выбираться, а? Мне бы тут запереть и домой двинуть. Сегодня еще три сцены разводить, а я цветы поливаю!

Даня посмотрел на него с уважительным любопытством.

– Что такое – разводить сцены?

– А тебе зачем? – Аллилуев, гремя ключами, запер дверь «Посторонним В» и оглядел Даню с головы до ног. – Ты же... хм... историк, да?

– Востоковед, – с удовольствием подтвердил Даня. – История Африки, суахили. А как ты догадался?

Аллилуев потряс над головой ключами.

– А я режиссер! Наблюдательность – мое второе имя. А твое второе имя какое?

– Лень, – быстро сказал Даня. – И разгильдяйство.

Аллилуев потряс ключами у него перед носом.

– Над головой не могу, не достану. Прости, братан! – И повернулся к Насте: – А у тебя какое второе имя?

Настя растерялась и сказала, что у нее нет второго имени.

– Я так и знал, – сказал Аллилуев, и это прозвучало почему-то обидно. – Ну, нарекаю тебя красотой. Отныне твое второе имя – наша красота!

И потряс у нее над головой своей дурацкой связкой.

– Так зачем вам дались Светкины часы?

– Мне кажется, – заговорила Настя, которой понравилось, что она «наша красота», – что ее убили из-за этих часов.

– Да ну, – отмахнулся Аллилуев. – Чушь.

– Почему?

– Ну, ее же не на автобусной остановке убили в час ночи на трассе Кондопога – Канда-лакша! А у нас в институте никто никого из-за часов убивать не станет. Из-за роли могут, легко. А часы – на фиг они кому нужны!..

Настя с Даней переглянулись.

– Хотя они, конечно, приметные были, – продолжал Аллилуев. – И она над ними тряслась очень. Даже на репетициях не снимала, хотя я сто раз говорил – сними и положи! У нас Ростан, а ты в часах! Но она говорила, что они как браслетка или медальон, вполне мог такой медальон быть и у маркизы.

– А ты когда в последний раз на ней их видел?

Аллилуев присвистнул, придерживая перед Настей тяжелую входную дверь.

– Понятия не имею! Ну, в тот день на ней они точно были! Мы даже про это поговорили. Ну, то есть я спросил, который час, а она сказала, что не знает, и я к ней прикопался, чтоб она на свои часы распрекрасные посмотрела. А она не стала смотреть.

– Стойте, – вдруг сказал Даня. – Мы забыли Джессику!

Настя ойкнула, а Даня бегом побежал обратно к институту.

– Пардон муа, чего мы забыли?

– Мою подругу Джессику, – стала объяснять Настя. – Она с нами приехала, мы ушли, а она осталась.

– Джессика Кеннеди? – заинтересовался неумный Аллилуев. – В девичестве Онассис?.. А у нее какое второе имя?

Настя опять не нашлась что придумать, и тут они подбежали, Даня и Джессика.

– Аллилуев, – представился Аллилуев. – А вы?

– Джессика Костикова.

– Как мило, – восхитился режиссер. – Ну, ваше второе имя Чухлома.

– Мне не нравится, – быстро сказала Настя.

– Какое такое второе имя? – не поняла Джессика.

– Мне тоже не нравится, – согласился Даня.

– Ну, раз никому не нравится, пусть будет роза, – решил Аллилуев. – Джессика-роза! Ну, пока, маркизы и баронеты. Двину я, пожалуй, мизансцены разводить. За меня-то никто не разведет!

– Ты на метро? Или на машине? Мы тебя проводим! – заспешила Настя.

– Я на быстроходной машине под названием самокат! Дивная штука. Вон он под деревцем притаранен!

– Подожди, – попросила Настя, – не уезжай. Расскажи еще про Дольчикову.

– А чего рассказать-то? Красавица неземная. Актриса Актрисовна. Все время в образе, а когда не в образе, то спит. В одном хорошем кино снялась, у большого режиссера. А это уже отлично, не всем так везет. Замужем была год, что ли, или два. Мы все на свадьбе у нее гуляли в Барвихе, а на полуостров Индостан, где они вторую часть свадьбы догуливали, нас уже не приглашали.

– Полуостров Индоста-ан? – протянула Джессика заворуженно.

Она ловила каждое слово Аллилуева и не отводила от него глаз.

– Я пошутил, роза моя, – сказал Аллилуев нежно. – Иносказание. Метафора. Она сначала замуж здесь выходила, в Москве, то есть в Барвихе, а потом еще раз где-то на островах, среди теплых юго-восточных морей, пальм, попугаев и макак.

– То есть она дважды была замужем? – спросил Даня.

– Ты отстал от жизни, историк! Теперь с одного раза жениться не принято. Было несколько свадеб на одну тему. Ну, то есть, по-божески, всего две. Светка страшно хотела шикарную свадьбу, идефикс у нее была эта свадьба!

– Почему свадьба – фикс? – спросила Джессика. – Плохая, что ль, была? Скучная, что ль?

– Веселая, роза! – засмеялся Аллилуев. – Широкой этой свадьбе было места мало, вот они и поплыли в юго-восточные моря.

– На корабле?.. Сколько ж они плыли? Трое суток?..

Настя дернула Джессику за полу толстовки. Ей хотелось, чтобы «роза» заткнулась.

– Ну, недолго музыка играла, развелись, конечно. На развод нас не приглашали, без нас справились. Чего еще рассказать-то? Или уже хватит?

И он пошел к дереву, где был «притаранен» самокат. «Маркизы и баронеты» потянулись за ним.

– А она часто в институт приезжала?

– Да откуда я знаю! Я и сам приезжаю как бог на душу положит, только на репетиции, когда спектакли ставлю!

– Можно я прокачусь? – спросил Даня и кивнул на самокат. – Я немножко! До угла и обратно!

Аллилуев засмеялся.

– Валяй! Вот скорость, а это тормоз. Ногой тоже можно притормозить, если разгонись! Эх, яблочко, да куда котисся, с самоката упадешь, не воротисся!..

Даня осмотрел торчащие в разные стороны самокатные уши – проверяя, где скорость, а где тормоз, – толкнулся, поехал, переднее колесо вильнуло. Даня засмеялся и добавил ходу.

Настя смотрела ему вслед.

Он катил, полы расстегнутой клетчатой рубахи развевались, весеннее солнце светило, весенний ветерок овевал. Такая красота.

– А вы самый настоящий режиссер? – спросила Джессика. – Кино снимаете?

– Ну, пока что две короткометражки снял, за одну приз получил, а за вторую по шее. Спектакли ставлю на учебной сцене. Тебе, роза, роли предложить не могу, – перебил Аллилуев Джессику, уже открывшую было рот. – Поучиться нужно малость, а уж потом – роли!

– А если у меня талант?

– Талант учебе не мешает, а напротив, способствует. А у тебя талант?

Джессика пожала плечами как-то так, что всем стало понятно, что у нее талант, да еще какой!..

– Ну, что еще вам рассказать, маркизы?..

– А можно к тебе на спектакль? – спросила Настя. – Или на репетицию?

– Можно, – легко разрешил Аллилуев, – чего ж нельзя! Вот в июне дипломы, приходите, проведу. А про Свету лучше у Милки спросите. Они подруги прям неразлейвода!

– У какой Милки? – удивилась Настя. – Которую этот ваш ректор туда-сюда гоняет?.. Дольчикова с ней дружила?!

– А что тут такого? Ну, дружила, ну и что?

– Да эта Мила никто, на посылках бегаёт, «хлопушка» на съёмках! А Дольчикова звезда!.. Аллилуев вытащил из кармана связку ключей, подбросил и поймал.

– Так ведь люди друг с другом дружат, – сказал он и снова подбросил, – а не с договорами на работу. Увидел договор – печать, сумма прописью, – и давай дружить! А нет договора, значит, не станем дружить! Так, по-твоему, красота?

Настя молчала, насупившись.

– Хорошо бы с олигархами подружиться, – сказала Джессика мечтательно. – Вот я журнал купила, «Форбес» называется, они там все по местам расставлены, и прямо написано, сколько у кого миллиардов!

– Вот! – поддержал Джессику Аллилуев. – Это правильный, здоровый подход!.. «Форбес» вам в помощь, так сказать.

Подкатил Даня, с шиком развернулся, помахал им рукой и прокричал:

– Я ещё один кружок, ладно? Всего один!

– Валяй, историк!

Настя проводила его глазами – ну, невозможно оторваться! Солнце светит, ветерок овеивает. Такая красота.

– А где её найти, эту Милу?..

– Да чего её искать? Она завтра с утра у меня на съёмках.

– Как?! Ты что, и кино снимаешь?!

– Спокойно, маркизы, спокойно! – и Аллилуев выставил руку ладонью вперед. – Без ажитации. Снимаю я пару серий в одном «мысле», подменяю штатного режиссера, у него благородная болезнь – то ли запой, то ли подагра, то ли он в Чухлому уехал. Милка там тоже подрабатывает. Все как могут, так и подрабатывают, нас в «Форбесе» вряд ли пропечатают. Рифма.

– Что ты привязался к этому «Форбесу»?!

– Да это не я привязался-то.

– А они давно дружат, Мила с Дольчиковой?

– Так они учились вместе. Только Светке подфартило, она на четвертом, что ли, курсе уже сниматься начала, а Милка сидела-сидела, и ничего. Ни кино, ни театра, никуда не берут, не зовут. И стала то вторым режиссером, то «хлопушкой» на съёмки ездить. Она молодец, не сдалась. Сколько вашего брата, то есть молодых актрис, совсем впустую пропадает! То есть вашей сестры.

– Почему пропадает? – заинтересовалась Джессика.

– А потому что нас, талантливых, дофигища, а работы мало. Совсем мало. Теперь в кино самая востребованная профессия – сценарист! Хороший сценарист на вес золота. Прямо вот на одну чашу весов кладут сценариста, а на другую золото сыплют, точняк по его весу.

– Что, правда?! – округлила глаза Джессика.

– Моя мать сценарист, – сквозь зубы сказала Настя. – И никакого золота нету.

– Ух ты! А как её фамилия?

– Морозова Антонина.

Аллилуев в первый раз за весь разговор посмотрел на Настю с серьёзным интересом.

– Морозова – известная личность, – сказал он уважительно. – Пишет не очень много, зато отлично просто!.. С ней только большие каналы работают. Слушай, – вдруг скривив просительное лицо, он взял Настю за молнию толстовки. – Познакомь нас, а?.. У меня есть одна идея, только сам я никогда не напишу! И вообще, у меня имени никакого нет, Морозова даже слушать не станет! А тут ты – бац! Это мой друг, молодой, одаренный режиссер, и она выслушает! А? Познакомь!

Настя пожала плечами и пробормотала:

– Да пожалуйста. Приезжай к нам, я тебе адрес дам и телефон...

Ей очень хотелось расспросить Аллилуева о «хорошем сценаристе», собственной матери. Она правда хороша? Ее правда ценят? Но спросить, значит, признаться, что дочь ничего не знает о матери – вообще ничего! А этот парень так переменялся к ней, когда она назвала фамилию!

– Ну, вещь, – громко заговорил подлетевший Даня и спрыгнул с самоката. Щеки у него горели. – А у него аккумулятора на сколько хватает?

– Километров на тридцать хорошего хода, – отозвался Аллилуев, перехватывая самокат. – Значит, мы договорились, красота? Ты завтра ко мне на съемки подгребаешь и с Милкой трешь, чего тебе надо, а потом я к тебе в гости являюсь и падаю в ноги. Окейно? Позвони мне на мобилу, у меня твой номер определится, я тебе адрес скину.

Он продиктовал цифры и подождал, пока Настя наберет. Телефон у него зазвонил, он посмотрел и кивнул:

– Пока, дамы и кавалеры!.. Как это удачно вы зашли!..

– Кому он собрался падать в ноги? – спросил Даня вслед покотившему Аллилуеву.

– Матери моей.

– Зачем?

– Чтоб она для него сценарий написала.

– Ого.

– Что – ого? – не выдержала Настя. – Вот что?! И вообще! Вы все знаете, а я ничего не знаю! Вы по воскресеньям торт гребаный печете, а мне моя собственная мать ничего не рассказывает! Ни одного слова, как будто я ей чужая! И получается, что все умные, одна я дура!

– Между прочим, – сказал Даня. – Я ничего не понял.

– И очень хорошо! – завопила Настя и побежала прочь по солнечной улице.

– Чего это она? – спросила Джессика. – Чего ей мать не говорит?

– Бежим, – сказал Даня. – А то не догоним.

Марина Тимофеевна любовалась на только что высаженный барбарис. Он был прекрасен, невысокий кустик, растопыривший тонкие ветки.

– У тебя важное дело, – сказала Марина барбарису. – Видишь, какая у нас с этой стороны дырка образовалась в живой изгороди. Твой предшественник погиб, ты его должен заменить. Расти хорошо! А я тебя стану поливать и навещать. Ты уж меня не подводи.

Она обвела глазами участок. Молодая трава зеленела с таким искренним восторгом – Марина была уверена, что весенней траве очень нравится зеленеть! – нарциссы цвели в этой траве так ярко и празднично, солнце заливало крыльцо так щедро, что она засмеялась.

Весна, а особенно месяц май – всегда радость, а уж такой теплый и дружный, как в этом году!..

Марина умела наслаждаться одной минутой, если выпадала одна минута, или часом, или днем.

Было много забот и горя, но и радость тоже была, Марина умела ее замечать и отдаваться ей.

Сейчас она польет молодой барбарис – чтоб он как следует прижился, укоренился на новом месте, чтобы никого не подвел, – и сама тоже выпьет чаю. Как барбарис!.. На улице пить чай еще холодно, но она накинет жилетку и посидит с кружкой на скамейке под кустом жасмина, на самом солнышке.

Под вечер приедут девчонки, Тонечка, Настя и ее подружка, нужно чтоб был готов обед. Бульон потихоньку кипит на плите – Марина называла это «работает над собой», – а на горячее нужно что-то такое, что особенно любит Настя.

Может, котлеты?.. До погружения в здоровое питание внучка страшно любила бабушкины котлеты, непременно с пылу с жару, иногда прямо со сковородки хватала!..

А когда есть что поесть, да еще вкусно, горести не так горьки!..

Марина набрала в лейку воды и потащила к барбарису.

...Что из случившегося с ними за жизнь можно рассказать девочке, а что лучше обойти стороной как можно дальше?.. Что она *готова узнать*? Как скверно получилось, что они так и не сказали ей, чем именно занимается мать, и как скверно, что все узналось случайно, ну вот будто бы эпизод из кино, как в насмешку.

Рассказать одно и не поведать всего – возможно ли это? И что будет с девочкой, если она когда-нибудь узнает всю правду, до конца?

Марина сосредоточенно смотрела, как вода толстой струей словно упирается в рыхлую землю, закручивается в маленький водоворот.

Как сделать водоворот... безопасным? И бывают ли такие водовороты?..

Только что ей было легко и радостно, и она гордилась собой немного – все у нее хорошо, сад ухожен, на душе покой, а заглянула в себя, и нет там никакого покоя, только страх и чувство вины.

Бедные девочки, как вам помочь?.. Что сказать вам такого, что разом бы все объяснило, расставило по своим местам? Чтоб вы не мучились, не страдали, чтоб жили просто и радостно?

И можно ли так жить?..

– Ну вот, – сказала Марина своему другу барбарису, – сейчас еще одну леечку – и отдыхай. Привыкай.

Она зачерпнула в кадлушке еще воды. Кадлушка – тоже забота.

Это была старая верная кадлушка, сработанная когда-то бондарем Степанычем, который жил за железной дорогой. Марина отлично помнила, как на «Волге» с серебряным оленем ездили заказывать бочку. Пятилетняя Марина на заднем сиденье рядом с бабушкой, за рулем отцовский шофер, рядом с шофером домработница Акуля. Бочка Марину совершенно не интересовала, а интересовал как раз серебряный олень, и она никак не могла взять в толк, почему же его нельзя открутить и поиграть!.. Ну, совсем немножко! Она не потеряет и не испортит! Они просто промчатся с оленем по мосту через ручей, по сонным поселковым улицам, а потом полетают над озером – наверняка это летающий олень!

Но нет, почему-то нельзя.

Зато едут вместе. Бабушка в шляпке и летних перчатках, Акуля в платочке, Марина в панаме с широкими полями. А шофер в белой фуражке с пуговкой!

Отец носил только шляпы, шофер фуражку, а отцовские студенты кепки. Когда они вваливались в прихожую – отец иногда проводил «семинары» на даче, – Марина всегда пряталась за комодом, чтобы не пропустить момент, когда они все утянутся в отцовский кабинет. Когда за последним закрывалась дверь, Марина выбиралась из укрытия, вставала на цыпочки и перекладывала кепки, меняла местами. Потом самое главное было дожидаться, когда семинар закончится, спрятаться и смотреть! Они выходили, доспоривая на ходу, отец провожал их, самый громогласный из всех, – если был доволен и семинар прошел хорошо. А если они не оправдывали его надежд, выходили тихо, друг за другом, и отец не провожал. Они разбирали с комода кепки, и пятилетняя Марина никак не могла понять, откуда они знают, где чья, все кепки одинаковые! Но ей ни разу не удалось их надуть. Каждый брал свою. С кепками в руках студенты кланялись маме и бабушке, они всегда выходили провожать, а потом мама восклицала: «Как хочется обедать, давайте скорей!» Студентам обед не подавали, относили в кабинет самовар, гору пирогов на подносе и еще один поднос со стаканами в подстаканниках, они приятно дребезжали, когда их составляли на поднос. Марина при этом всегда торчала на кухне.

Покупка кадлушек – серьезное дело, Акуля всю зиму напоминала, что старые совсем плохи, одна вовсе рассохлась, две подтекают, а уличная сгнила. И наконец поехали!..

Пятилетняя Марина думала, что они будут ехать долго – ей вообще страшно нравилось ездить на машине, и она все мечтала поехать далеко, – и приедут в другую страну, а там кругом продаются кадушки. В Москве на улице Горького, где жили зиму, никаких кадушек не продавали, и в «Детском мире» не продавали, и в ГУМе, и в кондитерской в Столешниковом переулке!

Но приехали очень быстро.

«Волга» остановилась возле серого забора, кое-где завалившегося внутрь. Шофер вышел и открыл бабушке дверь. Следом за ней полезла Марина, соображая, что, может быть, здесь ей дадут поиграть с оленем. Ворота, такие же серые, как и ветхий забор, стояли распахнуты настежь, и весь двор до самой избы был засыпан стружкой и загроможден досками, горбылем, железяками и очень страшными ведрами, мятыми и черными внутри. Марина испугалась ведер, а шофер сказал, что в них греют смолу, когда смолят бочки.

Куда страшнее бочек оказался старик. Он сидел на лавочке возле самой избы, ровно положив на колени руки, смотрел прямо перед собой и жевал губами. На нем был ватник и ватные же штаны, на ногах – обрезанные валенки. На приехавших он не обратил внимания.

Из избы высыпали дети, Марине показалось, что много, и она на всякий случай спряталась от них за бабушку, потому что это были странные дети. В кондитерской в Столешниковом переулке Марина таких не видала. Самый младший был абсолютно голый, и Марина, задрав голову, посмотрела на бабушку – ведь неприлично же, да?.. Но бабушка на ее взгляд не ответила. Девочка, должно быть, Маринина ровесница, оказалась наголо побрита, череп весь в тонких царапинках. Одетая девочка была в коричневое платье и кофту не по размеру, на локтях дырки. Старший мальчик в сатиновых черных трусах и застиранной майчонке держал в руке деревянный некрашенный корабль – игрушку.

Следом за детьми на крылечко выскочила женщина, остановилась на секунду, замерла испуганно, а потом стала кланяться.

– Степан Степаныч, к тебе пришли! – закричала она изо всех сил. – Слыш, Степ! К тебе!.. И сбежала с крыльца.

Бабушка и Акуля посторонились, немного брезгливо. Акуля поправила на голове платок.

– Степан Степаныч, люди вот! Бочки приехали заказать!..

Старик поднял на нее глаза, словно медленно просыпаясь, потом так же медленно кивнул, с трудом поднялся и пошел куда-то за дом.

– Ступайте, за ним ступайте, – подсказала женщина. – У нас бочки все там, в сараюшке. А ежели на заказ, вы ему скажите. Он слышит плохо, так вы погромче!..

Почему-то все свои пошли, а Марина осталась перед крыльцом с чужими.

– Ты кто? – спросил старший мальчик. – Шпионка, что ли?

– Я не шпионка, – прошептала Марина, и глаза у нее налились слезами.

– Не шпионка, а это чего? – И мальчик ткнул ее в живот.

Марина наклонила голову посмотреть, что там, и он ловкими замусоленными пальцами прищемил ей нос, очень больно.

– Отстань, Петька, мамка заругает, – сказала девочка равнодушно.

– Не заругает, я в Красную армию поступлю и сам всех буду ругать! Носопырка, в попе дырка! – И прищемил еще сильнее.

У Марины слезы лились ручьем, но почему-то она не звала на помощь. Мальчик все не отпускал, мотал ее голову из стороны в сторону и смеялся, и тут вдруг она ударила его кулачком в ухо. От неожиданности он отпустил ее нос, Марина толкнула его изо всех сил, и он сел на землю, в пыль.

Вид у него был изумленный.

– Ты чего дересси?! – грозно спросил он, преодолев изумление. – Да я тебя сейчас!..

– Не тронь меня, – сказала Марина. – Хуже будет.

И подобрала палку.

– Дура, – сказал мальчик. – Шпионка!

Тут из-за дома вышел отцовский шофер, видимо, бабушка или Акуля спохватились, что ребенок остался без присмотра. И – странное дело – Марина не стала ему жаловаться! Она утерла нос, одернула платье, но палку не бросила, мало ли что.

Бочки заказывали долго и скучно. Марина терпеливо ждала, стояла где поставили, сжимала палку, готовая в любую минуту защитить бабушку и Акулю.

На дачу возвращались молча.

Бабушка время от времени посматривала на свои перчатки и аккуратно пыталась их отряхнуть.

– Пылища, это уж точно, – сказала Акуля и тоже отряхнула юбку.

– Он пьющий? – спросила бабушка неизвестно про кого.

– Да где там пить-то, – отвечала Акуля. – На работу не берут, и дети мал мала меньше! Да он только в пятьдесят девятом освободился, Степан-то Степаных. В тридцать седьмом взяли, в сорок пятом освободили, а в шестом опять взяли. Ну, освободили, а бумаги о реабилитации нету. Нету и нету. А кто его без бумаги на работу возьмет?

Должно быть, разговаривали про страшного старика.

– В лагере научился бочки гнуть, тем и живут помаленьку, – продолжала Акуля. – А какой красавец был, и тракторист! В легчики собирався, фашистов бить. А его и забрали.

Бабушка смотрела в окно и молчала.

Как-то нехорошо она молчала, тяжелым молчанием.

Марина взяла ее за руку. Бабушка оглянулась, погладила Марину по голове – тоже как-то непривычно, не как всегда, – и опять отвернулась.

– Да, – вздохнул шофер. – Расея-матушка. Сколько ж, выходит, старику лет, Степану-то?

– Да ровесник мой, с двадцатого года. Это сколько выходит? Сорок четыре, что ли?.. В первый раз взяли-то его в семнадцать лет, холостой был. В войну отца убило, а мать померла, как второй раз взяли. Две сестры были, те сразу уехали, как Степку забрали, где они, живы ли, не знаю. А он в пятьдесят девятом пришел, вот на Таньке-огороднице женился. Она в войну с солдатиком раненым жила, да он от гангрены помер. Вот жизнь какая. Всех перевернет-перелопатит.

Бочки были изготовлены, и бабушка сказала, что это превосходные бочки – не текут, ровенькие, красивые. Уличную кадущку заказали отдельно, из специального дерева, чтоб не гнила, на зиму всегда опускали в погреб, чтоб морозом не разорвало.

Собственно, до сегодняшнего дня дожили как раз уличная кадущка и небольшой бочонок, в котором солили грибы, а все остальные давно пропали, конечно. И нужно бы новые достать, но где?..

Где достать настоящую дубовую бочку, и чтоб не текла и не рассычалась?.. Конечно, и эта еще ничего, послужит, но заменить ее нечем.

– Можно к вам? – громко закричали из-за ворот, и Марина Тимофеевна от неожиданности упустила лейку.

Лейка булькнула, наполняясь через край, и пошла ко дну.

– Стой, куда! – тоже во весь голос закричала Марина и, перевесившись через край, попыталась схватить лейку за ручку. От ледяной воды моментально заломило локоть и плечо.

В последний момент она нащупала ручку, ухватила и потянула. Лейка была тяжеленная!.. На полпути к поверхности чья-то рука перехватила лейку и легко вытащила.

Из рукава Марининой курточки лилась вода, и по боку под свитером тоже текло, все же лейка нырнула довольно глубоко.

– Здравствуйте.

Марина Тимофеевна кивнула, пытаясь как-нибудь выжать рукав, и вдруг сообразила, что не может вспомнить, как зовут гостя!..

– Прошу прощения за вторжение, – сказал он церемонно. – Это вы мне кричали «стой, куда»?! Нужно было позвонить, но я не сообразил.

– Ничего, ничего, – тоже церемонно сказала Марина. – Спасибо за помощь. Я как раз лейке кричала.

– Сын сказал, что едет сюда, к вам. Я, собственно, за ним приехал.

Мальчика зовут Даня, совершенно точно. А как зовут папу мальчика?

Солнце ушло, дунул ветер. Марина вся покрылась «гусиной кожей» – так стало холодно.

– Если это неудобно, – продолжал папа мальчика, – я просто пришлю за ним машину.

Марина Тимофеевна вздохнула.

– Слушайте, я забыла, как вас зовут.

– Андрей. Андрей Данилович.

– Проходите в дом, Андрей Данилович, – пригласила она. – Я, видите, вся вымокла с этой лейкой!.. А вы? Не вымокли?

– Самую малость.

– Я дам вам полотенце.

– А что вы собирались поливать? Из лейки?

– Вон барбарис. Только что посадила.

– Я полью, – сказал Андрей Данилович решительно и взялся за лейку. – И приду.

Марина пожала плечами.

...Какой странный человек!.. Говорят, большой начальник, но как-то совсем непохоже. Впрочем, она плохо разбирается в больших людях!..

Войдя в дом, она быстро огляделась, проверяя, все ли в порядке. Все было в порядке. Она переставила Настины кроссовки в шкаф, стянула куртку и пошла к себе.

Нет, ну очень странный человек, думала она, переодеваясь. Явился в малознакомый дом, говорит, что за сыном, значит, и сын скоро явится!.. Какая-то бесцеремонность получается. И что с ним делать до приезда сына? Нужно же как-то развлекать, угощать, а у нее только бульон!..

Странный человек. Барбарис вызвался поливать!..

Марина Тимофеевна посмотрела на себя в зеркало. Не затем, чтобы проверить красоту, она уже давным-давно не проверяла никакую красоту, а чтоб понять, все ли прилично. Точно таким же взглядом она осматривала комнату. Да, все прилично.

На ходу закатывая рукава, она подошла к плите. Андрей Данилович заходил в дом.

– Будете обедать?

Липницкий подумал, что отказываться глупо, если не обедать, то что тогда делать?..

Вообще, собственное решение и получившееся в результате положение казались ему крайне глупыми, просто на редкость. Он уехал с работы рано, почти никогда не удавалось так уехать, и тут позвонил Данька.

– Пап, – сказал его деловой и взрослый сын, – мы с девчонками едем в Немчиновку, к Насте. Я их провожаю. Это я тебе для того говорю, чтоб ты потом не орал, куда я делся.

Липницкий, обрадовавшись такому прекрасному поводу, сказал, что заедет за ним. От Немчиновки до их собственной дачи не близко и неудобно.

Не то чтоб ему хотелось в дом к посторонним людям – в будний день, когда удалось пораньше вырваться с работы! Но ему хотелось пожить с Данькой одной жизнью, хотя бы немного.

И чтоб это была именно общая, семейная жизнь или что-то на нее похожее. Чтоб было много людей, интересный разговор, обед, и чтобы среди всего этого – они с сыном.

И дом в Немчиновке понравился ему – настоящий старый дом, не дряхлый, а именно старый! Состариться дому удалось красиво – ни трещин, ни покосившейся крыши, ни струповев растрескавшейся краски.

А обед был вообще сказочным! И хозяйка, подававшая его, как из давнего французского кино, – высокая, с прямой спиной, похожая на Анук Эме.

Уже давно нет таких героинь и нет такого кино.

Липницкий несколько раз словно вспоминал о ней, а вспомнив, начинал думать, и это было приятно и немного волновало.

Ему хотелось поговорить с ней, хоть о французском кино, хоть об обеде или о кустовых розах. В прошлом году он привез из Оксфорда розы, посадил под домом с самой теплой и безветренной стороны и теперь ждал, что будет дальше. О розах из Оксфорда поговорить ему было не с кем, не с Данькой же и не с собственным заместителем!..

Может, все дело в подступающей старости или в том, что он сильно устал за последнее время, но невозможность поговорить о том, что ему было на самом деле важно, стала сильно угнетать. Когда умерла жена, нужно было стараться, изо всех сил стараться жить, и он старался, преодолевал себя, у него получалось. Нужно было, чтоб Данька вырос нормальным человеком, а не сыном большого начальника, и ему пришлось втолковывать, почему нельзя то, что можно его ровесникам, ребятам одного с ним круга общения. Отец категорически не желал, чтоб сын вырос «мальчиком из высшего общества»! Не желал и боялся этого больше любых других детских проблем.

Теща жила с ними и была их главным другом. Тогда и семья была – разговоры, обеды, миндальный торт, тещин любимый. Выволочки она устраивала, если ей казалось, что зять и внук неправильно себя ведут. Когда умерла теща, никакой семьи не стало. Остались отец и сын, довольно хрупкая конструкция, если ничем ее не подпирать.

Андрей Данилович знал, что подпереть ее нечем.

Дом в Немчиновке и населявшие его женщины показались ему милыми и приятными, вот он и приехал, чтобы еще раз взглянуть на них, и теперь все это представлялось страшной глупостью!..

Что это он придумал?.. Какое такое спасение от одиночества?..

– Наливочки? – спросила Марина. – У меня превосходная малиновая ратафия, еще моя бабушка делала и меня научила. Или вы за рулем?

Упоминание «наливочки» Липницкого вдохновило.

– Нет. То есть да! То есть я за рулем, конечно, но мы Даньку посадим! Он разгильдяище, водит плохо, но иногда можно. Так что выпью с удовольствием.

Тут он вспомнил! И как мог забыть?!

– Марина, – сказал он, – я совсем забыл. Я же с собакой! Можно мне ее выпустить или пусть в машине сидит?..

– Ну конечно можно! – сказала Марина в изумлении. – Зачем же ей сидеть в машине! Давайте ее сюда! Она большая?

Липницкий засмеялся.

За собакой он заехал после работы, потому что она тоже то и дело оставалась теперь одна, и сентиментальная мысль о том, что сегодня они будут жить «семейно», распространялась и на собаку.

Марина проводила его глазами. Ну очень странный человек! Может, он никакой не генерал и большой начальник, а чудаковатый университетский профессор? И что у него там за собака?

– Проходи, – донеслось с крыльца, – не спеши! Не спеши, кому сказал! Вытри лапы и как следует поздоровайся!..

В столовую влетел крупный веселый ярко-рыжий колли. Завидев Марину у плиты, колли закрутил бублем шикарный раскидистый хвост, ухмыльнулся, подбежал, уселся и протянул лапу.

Марина взяла лапу и пожала. Лапа была холодной и влажной.

– Как тебя зовут?

– Черри, – объявил гость. – Домашнее имя Черище. Вы извините меня, что я таким составом, но мы все очень редко бываем вместе, чтобы и сын, и собака! И я...

– Да ничего, ничего, – радостно сказала Марина Тимофеевна. Колли опять подал лапу, и она опять пожала. – Ты такой умный пес! Лапу подаешь? Здороваешься?

– Ее Данька научил, давно.

– Можно ее угостить? Отварной курицей?

– Угостите лучше меня отварной курицей, – сказал Липницкий. – Черька обойдется. Но можно и ее тоже угостить. А вы не держите собаку?

– У нас всю жизнь собаки, – ответила Марина, расставляя на столе посуду. – Когда последняя умерла, мы решили пока не заводить. Переживали очень, особенно дочь.

– Неправильный подход, – сказал Липницкий. – Наоборот, нужно сразу заводить! Тогда легче и отвлекаешься как-то. Я точно знаю.

– Должно быть, вы правы. К столу, Андрей Данилович.

– Называйте меня Андрей.

– Тогда и вы меня Мариной! – Она улыбнулась. – Ну? За что выпьем? За обед?

И они выпили за обед.

Наливка была на самом деле хороша.

– Чем занимается ваша дочь?

– Пишет сценарии. Внучка поступает на актерский, и по всей видимости, не поступит. Мы решили, что просить никого не станем. Ну, то есть мне-то и просить некого, Тонечка не станет! В эту профессию, мне кажется, вообще лучше не ходить, а если уж идти, то никак не по звонку. А ваш мальчик в университете, да?

Они ели бульон и разговаривали о детях. Колли лежала рядом с хозяином, наставив треугольные уши.

Поговорив немного о детях, они выпили еще наливки и стали разговаривать о садоводстве. Липницкий считал, что садоводством имеет смысл заниматься вдумчиво и постоянно, и Марина с ним соглашалась.

– Я все время на работе или в командировках, – рассказывал он, – конечно, есть человек, который смотрит за садом, и хорошо смотрит! Но я... как бы это сказать...

– Ревнуете, – подсказала Марина.

– Вот! – обрадовался Андрей Данилович. – Самое точное слово! Именно ревную! Когда у него все получается, у садовника, мне обидно, что это вырастил не я, а когда не получается, мне жалко сад. Привезли из Крыма розы, так они все погибли, представляете? Что-то мы просмотрели!

– Крымские розы у нас не станут расти, – сказала Марина уверенно. – Сколько раз я пробовала, еще в молодости! Отец из Ботанического сада в Алуште и привозил, и выписывали мы! И ничего не получилось.

– Я в прошлом году из Англии привез, из Оксфорда. Сорт называется «Мария Стюарт», кажется. Посадил и думаю теперь, приживется она или нет. Должно быть, я в прошлой жизни был английским садовником. Так мне нравятся у них сады, так я им завидую, англичанам! У нас культуры садов как-то вообще нет.

– У нас климат другой, Андрей.

– Ну, климат! Все же не за Полярным кругом живем. Дело не в климате, а в растениях. У нас растениеводства нет, исторически нет. И садовых культур нет.

Ему очень нравился разговор. Как раз то, что нужно, чего хотелось!..

– Горячее пока не готово, – сказала Марина, когда доели бульон. – Когда ваш сын соби-
рался привезти моих девиц, не знаете?

Липницкий засмеялся.

– По телефону сказал, что они едут. Стало быть, вот-вот.

– Тогда нужно готовить. А вы можете погулять или посмотреть сад. – Тут она остано-
вилась и сказала: – Нет, сад я вам сама потом покажу, чтоб было понятней.

– Спасибо! – Он подошел к книжным полкам и вытащил из кармана очки. – Эти книги
на самом деле написал ваш зять?..

Марина Тимофеевна серьезно посмотрела на него и ничего не ответила.

– Можно посмотреть?

– Ну, конечно.

– Он умер?

– Давно.

– А из-за чего девочка так переживает?

Марина опять посмотрела на него.

– Ей кажется, мы недолюбливаем ее отца. Но это неправда.

– Неправда?

Она покачала головой.

– Сейчас я его просто терпеть не могу, а при жизни, должно быть, ненавидела.

Липницкий почесал голову, отчего сделался необыкновенно похож на своего сына.

– И вот удивительно, – продолжала Марина Тимофеевна. – Все говорят, что время лечит!
Что все проходит, раны заживают, обиды забываются! Почему у меня ничего не заживает и не
забывается?.. Я бы и рада забыть, но не выходит ничего, я все равно помню! И помню самое
ненужное, самое скверное! Как вы думаете, почему?

– Может, забываются пустяковые обиды? И заживают легкие раны?

– А тяжелые? – требовательно спросила Марина. – С ними нужно жить до конца?

– Я не знаю, – сказал он. – Правда. Когда умерла моя жена, я был на нее очень обижен.
Злился! Она умерла, а я остался с Данькой, и нужно было его растить, и я не знал, за что
хвататься. Я был взрослый дядька, крепко за сорок! У нас долго не было детей, мы всякую
надежду потеряли. Потом он родился, и мы так ликовали! А она взяла и заболела. И умерла.
А мы остались.

Марина не стала говорить, что жена его ни в чем перед ним не провинилась, что человек
не сам решает, болеть ли ему, умирать ли.

Она сказала:

– Ужасно.

– И я как-то очень быстро понял, что меня не спасут никакие общепринятые штуки –
работа, ребенок, новая любовь!.. Какая, к черту, новая любовь! Я понял, меня спасет лихо-
радка, понимаете?

– Нет, – сказала Марина. – Не понимаю.

– Я стал метаться. В прямом смысле слова. Я не давал себе ни минуты на раздумья и,
стало быть, на слабость. Я везде таскал за собой ребенка, по всем командировкам, именно
потому, что это было очень неудобно и трудно. Мне нужно было, чтоб неудобно и трудно.
Когда он подрос, мы стали носиться на корты, оттуда в бассейн, из бассейна на конюшню. Из
школы он приезжал ко мне на работу, сидел в отдельной комнате и делал уроки, а я проверял
между совещаниями и разной текучкой.

– И все не отпускало? – спросила Марина.

Она давно бросила котлеты, стояла и слушала его. И собака Черри слушала.

– Нет, – отрезал Липницкий, – не отпускало. Мне кажется, я его тогда чуть не сгубил совсем. Ему было лет десять, когда я догадался перевезти к себе бабушку, мать моей жены. И она постепенно наладила нашу жизнь. Просто наладила!.. Но Данька разом все бросил – и лошадей, и бассейн, вообще все! Он сказал, что больше не может, и я не стал настаивать. В конце концов, он тут ни при чем. Он не виноват, что я таким образом... отвлекался.

– И когда вам стало легче?

– Не знаю, – сказал Липницкий. – По-моему, так и не стало. Мне шестьдесят три года, а я по-прежнему не могу оставаться дома один. Видите, к вам приехал!.. Излагаю вам свои проблемы!

– Это нестрашно, – быстро сказала Марина.

– Спасибо за чуткость.

Они помолчали. Тикали часы, и собака Черри мелко и ровно дышала.

– А я так надеялась, что пройдет время, и все забудется, – сказала Марина задумчиво.

– Пройдет, но не забудется, Марина.

Она взглянула в окно и заспешила:

– Дети приехали, а у меня ничего не готово!

– Я вам помогу.

– Нет уж, спасибо!

– Я прекрасно жарю котлеты.

– Никаких сомнений! – Она засмеялась. – Вы мне лучше скажите, родители приезжей девочки нашлись? Вы им позвонили?

Он покачал головой.

– Мне кажется, девочка заморочила нам голову. Помощник по именам нашел номера и звонил, но отвечают совершенно другие люди с совершенно другими именами.

– Господи, – проговорила Марина. – Только этого нам не хватало! Может, она и похищенную сумку выдумала?

– Ба, это мы!.. Ба, ты слышишь?! Даня сказал, у наших ворот их машина!.. Ба-а!..

– Я прекрасно слышу – машина. Зайдите как следует и поздоровайтесь.

Внучка влетела, швырнула в угол рюкзак, потянула носом, сказала, что котлет есть не станет, и тут увидела – сначала собаку. И мгновенно, как ребенок, просветлела лицом.

– Это кто тут у нас? – Она подбежала к собаке и присела на корточки. – Ты кто?

Черри немедленно подала лапу, Настя схватила и потрясла.

– Ты здороваешься?! Ба, ты нашла собаку?! Она теперь наша?! Ба, мы же ее не отдадим, да?!

– Добрый день, – громко сказал Даня Липницкий, заглядывая из прихожей, и страшно удивился. – Черри? Ты здесь?

Черри вскочила и понеслась к нему, сбив от нетерпения Настю. Настя села на попу.

– Черри, здорово, здорово, хорошая собака!

Даня гладил Черри по голове, а она плясала вокруг него на задних лапах. Длинная морда улыбалась, раскидистый хвост метался из стороны в сторону.

– Это что, твоя собака?!

Липницкий, держа на весу книгу, посмотрел на нее поверх очков и засмеялся.

– Здравсте, – оглянувшись на него, выговорила Настя. Данин папа ее не слишком интересовал, собака гораздо больше!..

Тут раздался такой визг, что Липницкий уронил книгу и очки на пол, а Марина Тимофеевна ложку в кастрюлю. Настя вскочила. Даня оступился и чуть не упал. Черри залаяла.

– А-а-а!!! – визжала невидимая из комнаты Джессика Костикова. – Уберите соба-а-аку!!! А-а-а!!! Она меня сожрет! Она кинется!!! Уберите ее!!

И опять завизжала. И Черри залаяла.

– Рот закрой! – перекрывая брех, приказала Настя Джессике.

– Черри, замолчи! – перекрывая визг, приказал Даня Черри.

В наступившей вдруг тишине Марина Тимофеевна выговорила с сердцем:

– Господи ты боже мой!..

– Да она добрая собака, – растерянно заговорил Даня и погладил Черри по голове. – Она не бросается ни на кого!

– А на меня бросится, – плачущим голосом отвечала Джессика. – Вы не знаете, на меня все собаки кидаются! Как завидят, так и кидаются!

– Конечно, кидаются, – перебила Настя. – Ты орешь, они и кидаются. Со страху.

– Да, со страху, как же! Она меня загрызть хочет!

– Я тебя сама загрызу, если не заткнешься!

– Вот ты и заткнись!

– Сама заткнись!

– Девочки! – оборвала Марина Тимофеевна. – Достаточно.

Это было сказано так, что Липницкий, крикнув, уткнулся в книгу и стал проворно ее листать, словно искал что-то пропущенное, но важное, Даня потопал на крыльцо и позвал оттуда:

– Черри, Черри!

Собака моментально выскочила за ним, и дверь захлопнулась.

Джессика перестала всхлипывать, а Настя тяжело и грозно дышать.

Все стало как было – безмятежно и солнечно. Скоро подадут обед.

– Нет, а что? – наконец пробормотала Джессика. Щеки у нее были пунцовые, глаз она не поднимала. – Я собак боюсь. Они страшные.

– Это твое дело, – отрезала Марина Тимофеевна. – Ты можешь бояться кого угодно – собак или привидений. Главное, чтоб твои страхи не доставляли окружающим беспокойства. Настя, переодевайтесь, и за стол.

– Пошли, – хмуро сказала Настя Джессике. – Я понятия не имела, что ты такая чокнутая!

Джессика собралась было возражать, но метнула в бабушку взгляд и не осмелилась. На лестнице они препирались, но вполголоса.

– Я могу Черьку посадить в машину, – предложил Липницкий, когда голоса девчонок смолкли. – Во избежание, так сказать.

– Еще не хватает! – отрезала Марина. – Девочка не умеет себя вести, значит, должна учиться. Без этой науки не проживешь, чего бы там они ни придумывали про собственную свободу!

– Ну, – сказал Липницкий, которому нравилось с ней разговаривать, – выросло «непоротое поколение». Их не пороли, это хорошо, Марина.

Марина Тимофеевна ловко переворачивала котлеты. Пахло упоительно.

– Видите ли, в чем дело. Должно быть, для кого-то это и хорошо – хотя бы для тех, кто не нуждается в порке и без нее все понимает. А что делать тем, кто не понимает? Кто не умеет считаться с окружающими, не знает, что нельзя воровать, ломать, портить, убивать? Если вовремя выпороть, они начинают понимать и бояться, а если нет? Они погибнут! И это, вы считаете, правильно?

– Ну, или погибнут, или станут хозяевами мира.

– Нет, не станут, Андрей. Хозяевами становятся ловкие и умные люди, как раз точно знающие, что можно, а что нельзя.

– Свободный человек всегда лучше раба знает, что можно, а что нельзя. Рабу ничего нельзя.

– Или все можно, – подхватила Марина, – потому что он не в состоянии додуматься до последствий. И осознать их не может. Вы знаете, я в юности читала Горького, и мне так было

его жаль, бедолагу! До слез. Дедушка Каширин его порол нещадно, и это было так несправедливо! А взрослой я его перечитала, и мне пришла в голову ужасная мысль – вдруг этот самый дед, когда порол, знал, что делал?! И если бы не порол, стал бы великий писатель негодяем и убийцей, а не обличителем язв и поборником творческого труда!

Липницкий сказал:

– Ну и ну. Ничего себе теория!..

Ему показалось, что хозяйка пришла в раздражение, когда он так легкомысленно отнесся к ее философствованиям.

– Зовите Даню, – сказала она. – И собаку, конечно! Я так и не угостила ее отварной курицей.

Черри улеглась на коврик, довольно далеко от стола, и Джессика больше не кричала, что собака ее загрызет, только посматривала с опаской. Даня казался немного расстроенным и был немногословен. Настя, ни на кого не глядя, пила из кружки бульон и заедала котлетой.

... Вот тебе и славный обед в компании славных людей!..

Липницкому быстро стало скучно.

– Я не нашел твоих родителей, – сказал он Джессике. Она уставилась на него. – Подозреваю, что и не найду. Я прав?..

Она опустила голову и пожала плечами.

– Имена ты выдумала?

Она принялась теребить бахрому скатерти. Плечи у нее ссутулились.

– Да она не хочет домой, – буркнула Настя, не глядя на Джессику. – У нее родители пьющие.

– Как же ты останешься? – спросила Марина Тимофеевна. – Конечно, ты можешь еще пожить у нас, но документы в любом случае необходимы!

Джессика поникла еще больше.

– Или никто ничего не крал? – спросил Липницкий довольно строго.

Джессика вскинулась:

– Как не крал?! Конечно, крал! На «Мосфильме»! Тогда! Всю сумку и утащили!.. Там все было, в сумке! Только журнал остался!

– Хорошо, хорошо, – перебила Марина ее причитания. – Тебя никто ни в чем не подозревает, но пока ты с нами, мы за тебя отвечаем.

– Она сама за себя отвечает, – сказала Настя хмуро. – Ба, что ты выдумываешь? Мы взрослые совсем!

– Ничего подобного, – отрезала бабка. – Взрослые живут собственным умом и своими силами. Дети умом взрослых жить не желают, но силами взрослых прекрасно пользуются!..

– Мы должны хотя бы сообщить твоим родителям, что с тобой все в порядке, – поддержал Липницкий.

– Да не надо им ничего сообщать! – у Джессики затряслись и скривились губы. – Им все равно! Я от них сбежала самоходом, так бы не выпустили! Они каждый день с утра глаза заливают, как проснутся! А отчим дерется еще, зараза!.. В прошлый раз поленом в меня кинул, я увернулась, в плечо попал, ключицу сломал! И пьют, и пьют!..

– Ясно, – сказала Марина Тимофеевна.

– Да что вам ясно, ничего не ясно, – зарыдала Джессика. – Я думала, в артистки поступлю, поживу хоть как человек, а потом приеду на «Мерседесе», мамку в Москву заберу и сеструху! Она в интернате уж второй год ляжку тянет, а ведь маленькая еще, семь лет всего.

– Не плачь, – сказал Даня, – чего ты!..

– И кобель у отчима злощий! Бросается на меня! Я знаешь как его боюсь?! А он кормить заставляет! Чтob я прям в вольер лезла! А я не могу, кобель меня однажды укусил, порвал ногу до кости!.. В травмпункте зашивали!..

– Черька не кусается.

– А кобель кусается! Укусил меня! Не поеду я домой, ни за что не поеду! Не выпустят они меня, работать-то надо кому-то, и по хозяйству, и так!.. А они пьют только! Мне очень нужно в артистки поступить, – выговорила она со страстью. – Прямо очень!.. Я денег заработаю! А в Москве они меня не найдут, ни за что не найдут!..

И заплакала, закрыв лицо руками. Липницкий вздохнул. Даня выбрался из-за стола, присел перед Джессикой на корточки и стал гладить по голове. Настя мрачно молчала.

– Мы подумаем, что можно сделать, – сказала Марина Тимофеевна наконец. – По крайней мере, крыша над головой у тебя пока есть. А документы все равно придется восстанавливать.

– Вы меня не прогоните? – проикала Джессика.

– Никто тебя не прогонит, – отрезала Настя, посмотрела на бабушку и поняла – нет, не прогонит.

А поняв, сразу повеселела.

Облегчение и радость, отразившиеся на ее физиономии, были такими очевидными и яркими, что Марине стало ее жалко. Так жалко, хоть начинай реветь хором с Джессикой.

Ее внучка – хороший человек. Невыносимый, конечно, но хороший! Сочувствует и готова помогать, а это так важно.

– Тогда чай из самовара, – объявила Марина. – Даня, самовар в беседке, найдешь. Ты умеешь топить самовар?

– Еще бы!..

– Я с тобой, – подхватила Настя. – Под крыльцом корзина с шишками, надо вытащить!

– Я с вами, – и Джессика сорвалась с места.

Марина принялась собирать тарелки. Липницкий ей помогал.

– У меня есть план, – объявил он, когда посуда была убрана.

– Гениальный? – спросила она.

Тонечка взгромоздилась на тренажер и вяло поехала. Вж-ж-ж, засипело колесо.

– Больше жизни, больше жизни, – задыхаясь, велела ее товарка по клубу. Она рядом изнемогала на беговой дорожке. – И так набрала, я же вижу!..

– Сколько я там набрала, – пробормотала Тонечка так же вяло, как педали крутила.

– Нужно все, что набрала, сбросить, – пропыхла товарка.

Тонечка послушно приналегла на педали.

...Почему она всегда и всех слушается? Ну вот – всех и всегда! Еще не было ни одного человека, которому бы не захотелось поучить ее, как следует пить, есть, любить, растить ребенка, работать, худеть! А Тонечка знай указания выполняет! Все боится подвести – ведь если люди говорят ей, как правильно, значит, она явно делает что-то не так!..

А они знают, как именно нужно.

...Муж кричал ей: «Что ты пишешь?! Ну, посмотри, что ты пишешь! Какую дикую лабуду! Разве человек, у которого есть хоть какие-то зачатки таланта, может так плохо писать?! Не берись, если не можешь, дуреха!»

Тонечка пугалась и все переписывала. Ей не нравилось постоянно переписывать, да и вообще писать так, как он велел, ей не нравилось, но если он говорит, значит, знает – как? Как нужно?

– Ты где пропадала? – Товарка перешла на соседний тренажер, устроилась в седле и закурила педали изо всех сил, так что коленки замелькали быстро-быстро. – Давно не видно!

– Да у меня работы полно, и дочь в институт поступает!

– В какой?

– В театральный.

– Крути, крути! – поторопила соседка. – А сколько стоит? Поступление сколько стоит?

– Она по конкурсу, Катя.

– А! – обрадовалась Катя. – Значит, не пройдет! У наших друзей в прошлом году мальчик в Академию бизнеса и финансов поступал, это бывшая то ли Плешка, то ли Вышка, пятьдесят тысяч с них взяли. Долларов, не рублей.

– Ого, – сказала Тонечка. В коленке вдруг что-то закололо.

– А почему ты платить не стала?

– Катя, да я и так не очень понимаю, какая из нее актриса, а уж если платить, так совсем!.. Да и нет у меня денег таких.

– Ну, деньги! Деньги надо найти, кредит взять! Они теперь знаешь какие? Вон моя мне говорит: мама, ты обязана мне обеспечить высокий уровень жизни. Обязана я, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнула Тонечка. – А почему ей нужен просто высокий уровень жизни? Почему не уровень жизни герцога при дворе Британской короны?..

Товарка от удивления даже крутить стала тише, колени уже не так мелькали.

– Ну, они теперь такие, – повторила она. – Моя тоже творческая. Только она хочет видеоблогером стать, а не артисткой.

– Хорошее дело, – одобрила Тонечка. – Выгодное.

– У тебя есть знакомые?

– Нет, – сказала Тонечка. – Я слышала.

– Да это все слышали! Только непонятно, как им стать.

– Никак, – сказала Тонечка. – Точно так же, как актрисой. Есть способности – станешь. Нет – значит, нет.

– Ну, они сейчас по-другому думают! А ты на чем сейчас сидишь?

– Я?! – удивилась Тонечка. – На тренажере!

– Да нет, на белках или на клетчатке?

Вчера, приехав домой, Тонечка съела три котлеты, а потом еще чаю напилась с зефиром в шоколаде. К чему это ближе, к белкам или клетчатке?..

И она сказала:

– На семенах чиа.

– Знаешь, как пудинг делать? Заливаешь чиа кокосовым молоком и на ночь в холодильник! Только все равно долго не высидишь, – отрезала Катя. – И потом еще больше наберешь! А ты где их заказываешь, семена, в интернете? Там одни подделки! Там вместо чиа продают зерна папайи! А это совершенно не то! Нужно у дилеров покупать! У тебя есть дилер?

Тонечка призналась, что дилера у нее нет.

...Ничего у нее нет! Ни дилера семян чиа, ни пятидесяти тысяч долларов, не рублей, на поступление, ни клетчатки!.. Зато есть лишний вес и ребенок в кризисе. Извелся весь бедный ее ребенок!..

– Я тебе скину телефон, только не в общий чат, а в личку, а то все набегут, а дилер проверенный, и у него мало.

Тонечка вяло поблагодарила. Тренировка как-то не задалась.

– И заднюю мышцу бедра тебе надо подкачать, висит все и трясется!

– Я подкачаю, – пообещала Тонечка.

– Вы закончили? – спросили рядом.

Она кивнула, занесла было ногу, чтобы слезть, оглянулась и чуть не упала.

– Здравсте, – сказал великий продюсер Герман. – Хорошо, что я вас здесь застал.

– Добрый день, – поздоровалась Тонечка, переволокла ногу с совершенно недостойной задней мышцей бедра через сиденье и утерла пот со лба.

– Привет! – весело сказала Катя и легко, как перышко, слетела с тренажера. – Можете этот занять, я уже уйду.

Герман кивнул и спросил у Тонечки:

– Вам долго собираться?

Она пожала плечами.

– Ну, минут пятнадцать. А что такое?

– Я вас подожду, вы мне нужны.

– Ну, подождите, – сказала она неуверенно. – Вы заниматься будете?

– Не буду я заниматься, – отчего-то возмутился Герман.

– А, вы в бассейн! – догадалась Тонечка.

– Я не в бассейн, а за вами, – сказал он. – Выходите, я там подожду, на ресепшене.

– Кто это? – спросила Катя с восторгом. – Какой великолепный экземпляр!

– Это не экземпляр, а продюсер, – сказала Тонечка. – Всех времен и народов.

– У тебя с ним амуры?

– У меня нет. У него могут быть амуры только с Анджелиной Джоли! Или с Эмилией Кларк. Я же говорю, он великий продюсер.

– А зачем он сюда явился? Он же к тебе пришел!..

Да, подумала Тонечка, пришел зачем-то. А она вся мокрая, в лиловой растянутой майке, старых велосипедках и повязке на голове!.. Что ж ей не везет-то вечно?..

Она приводила себя в порядок довольно долго – кудри никак не хотели сохнуть, – и когда выскочила в холл фитнес-клуба, Герман первым делом взглянул на часы. Так, чтобы она видела.

Она увидела.

Он сложил ноутбук, сунул его в рюкзак, подошел и взял у нее сумку.

– Что-то ты долго.

– У меня волосы, – и она потыкала себя пальцем в голову. – Не сохнут.

Он посмотрел на ее кудри. Они были влажные и вились сильнее обыкновенного.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Откуда ты узнал, что я здесь?

– У тебя не отвечал телефон, а в сценарном отделе в это время все на фитнесе, так мне сказала секретарша. В этот клуб ходит вся телекомпания, он же напротив.

– Какая тонкая дедукция, – оценила Тонечка. – Так о чем ты хотел поговорить?

Не отвечая, он придержал перед ней дверь, и они вышли на улицу. Накрапывал дождик, было серо и грустно, словно весна и не начиналась.

– Мне бы машину забрать, – в спину Герману сказала Тонечка. – С этой твоей штрафстоянки, где начальники паркуются! Меня без тебя оттуда не выпустят, у меня пропуска нету.

– Я разговаривал с майором Мишаковым, – Герман обернулся и посмотрел на нее. – Который приезжал в театральный институт, когда Света погибла.

– Да помню я, кто это!..

– Он послал какого-то своего деятеля в морг, куда увезли Василия. В общем, экспертиза еще не готова, но деятель голову дает на отсечение, что Ваську отравили.

– А я тебе говорила, – сказала Тонечка быстро. – И что теперь?

– Теперь два этих дела объединяют в одно производство, так как-то это называется. И будут расследовать.

– И правильно!

– Он просил меня приехать, а я сказал, что приеду с тобой.

– Зачем?!

– Для веселья, – ответил Герман язвительно. – Как ты не понимаешь?.. Ты первая догадалась, что у Васьки кто-то был незадолго до смерти. Твоя дочь обратила внимание на Светины часы, которые пропали. На них никто не обратил внимания, только она! Мы вместе были в буфете, когда он кричал, что Свету убили и его тоже непременно убьют. И потом! Детективные сценарии получают у тебя лучше всего!

– За это спасибо, – пробормотала Тонечка. – Слушай, Саш, а ты не знаешь никаких бывших подруг Василия? Которые были до Светы?

– Имя им легион, – сказал Герман. – Только что какая-то была, любовь всей его жизни, он так говорил.

– И кто?

– Эту как раз не знаю. А до того он крутил с Агафьей Сирениной, звездой эстрады. Была я белошвейкой и шила гладью, потом пошла в театр и стала актрисой. Работала актрисой, была звездой, как трудно заработать своим талантом! Знаешь такие куплеты? А за две или три до нее Тата Михайлова, по-моему, она потом за футболиста замуж вышла, которого в прошлом году в кутузку за членовредительство упекли.

– Как вы все интересно живете, – промолвила Тонечка.

– Не все и не мы, – отрезал Герман. – Лично нам, например, так жить скучно и некогда. Лично мы, например, хотим кино хорошее снимать, а получается у нас все больше какое-то дерьмо.

– Ну, снимайте хорошее.

– Не идет.

– Тогда продолжайте снимать плохое! – заключила Тонечка. – Мы можем поехать сначала к какой-нибудь из девиц, а потом уже к майору, а, Саш?.. Или к нему срочно нужно?

Герман пожал плечами.

– Особенно срочности никакой, конечно, но я и так на работе в последнее время бываю мало и нерегулярно.

– Я могу съездить одна, – сказала Тонечка быстро. – Если ты мне дашь телефон. Я позвоню и договорюсь.

– Нет уж, – сказал Герман. – Поедем вместе. Ты уже одна съездила к Зое, а я потом чувствовал себя свиньей.

– Почему? – невинно спросила Тонечка.

– Потому что.

Он кинул на заднее сиденье своей машины «цвета Диккенса» ее баульчик и взгромоздился на водительское место. Тонечка потопталась возле крыла, открыла пассажирскую дверь и тоже залезла.

Ей было смешно. Какой галантный мужчина! И ухаживает красиво!

В том, что он за ней ухаживает, у нее не было никаких сомнений.

Он листал номера в телефонной записной книжке.

– К кому мы можем поехать? – себе под нос говорил он. – Так, чтоб близко, чтоб без истерик и чтоб, – тут он мельком глянул на часы, – чтоб уже встала.

– В это время суток все приличные богемные девушки еще спят, – сказала Тонечка. – Тут без вариантов.

Он набрал номер и сделал ей знак рукой, чтоб молчала. Тонечка, собиравшаяся еще сказать, что хорошо бы девушка не страдала провалами в памяти, послушно захлопнула рот.

– Агаша? – нежно спросил Герман в трубку. – Агаша, прости, моя радость, что так рано. Это Саша Герман. Агаша, солнышко, мне с тобой нужно поговорить прямо сейчас. Ну, скажем, через полчаса. Сможешь? Ах, моя радость, ты только со съемки! Ничего, ничего! Соберись, Агаша!.. Могу к тебе подъехать. Что ты испугалась? Тогда где? Хорошо, понял. Я еще сценариста привезу.

Он кинул телефон в подстаканник и объявил:

– Все готово! Кафе «Гроссмейстер Ботвинник», она туда подъедет.

– В этого «Ботвинника» нужно звонить, – сказала Тонечка. – Туда просто так не пойдешь. Там все высшее общество чохом по утрам поправляет здоровье после вчерашней безобразной попойки.

– Ничего, – Герман выкрутил руль. – Как-нибудь.

Знаменитое кафе располагалось в первом этаже гостиницы «Националь» окнами на Кремль. Машину поставить негде, притормозить нельзя, на тротуаре толпы людей, и дождь расходится.

– Я тебя высажу у входа, – распорядился Герман, – развернусь и заеду на подземную стоянку. Или хочешь со мной на стоянку?

– Не хочу, – опрометчиво заявила Тонечка.

Она на самом деле терпеть не могла подземелий, в которые нынче приходилось загонять машины, другого места не было. Но попытка попасть в «Гроссмейстера Ботвинника» без него позорно провалилась.

Тонечку не пустили.

За конторкой стояли аж три барышни, которые дружным хором спросили:

– Бронировали?

Тонечка сказала, что нет.

– К сожалению, все занято, – объявили барышни. – Если хотите, можем записать вас на среду, на восемь утра.

Тонечка уставилась на них.

Из крохотной гардеробной выдвинулся плечистый охранник и в свою очередь уставился на нее. Взгляд у него был какой-то недобрый.

– На среду не нужно, спасибо, – сказала Тонечка. – А я могу подождать здесь коллегу? Хотя бы за барной стойкой?

– У него забронировано? – поинтересовались барышни.

– По-моему, нет.

– Тогда нельзя! – дружно сказали они. – У нас все расписано.

Охранник придвинулся к ней, она сделала шаг назад, потом другой и как-то незаметно для себя оказалась на улице.

Моросил дождь, на Моховой толпились машины, великое множество машин. Очередь на светофор тянулась далеко, за Манеж. И дождь!.. Тонечка посмотрела вверх – козырька над входом не было.

Что ж ей не везет-то вечно?..

Возвращаться обратно в тесное помещение и стоять рядом с охранником она не считала возможным. Идти навстречу к Герману – она не знала, в какую сторону. Звонить ему тоже показалось неудобным.

Ждала она довольно долго. С волос потихоньку стала капать вода.

Пропади оно все пропадом!..

Герман появился с совершенно неожиданной стороны – изнутри «Ботвинника». Открылась тяжелая дверь, и он втянул ее внутрь.

– Ты что? С ума сошла? Зачем ты там стоишь?!

– Здесь все занято, – злобно сказала Тонечка. – Мест нет.

Барышни за конторкой хором сказали, что они ошиблись и места есть.

– Принесите плед и чай, быстро, – распорядился Герман. – Ты бы хоть внутри стояла, а не снаружи!

– А ты как здесь оказался?

– Прошел через отель.

Тонечка посмотрела на него с уважением. Еще бы, большой человек, все ходы и выходы ему знакомы, и даже место в жутко модном кафе моментально находится, и не на среду в восемь утра, а прямо сейчас!

– Вам у окошка или лучше вон там, где потише? – прощепетала дополнительная, четвертая девушка очень любезно.

- У окошка, – быстро сказала Тонечка.
- Тогда сюда, пожалуйста.
- Чай и плед, – напомнил Герман.
- Да, да, сейчас все будет, секундочку.

Тонечка пролезла в уголок дивана и уставилась в окно. За серой сеткой дождя кремлевские башни казались далекими и зыбкими. И Моховая, заполненная машинами, выглядела из этого окна словно парижский бульвар.

Официантка в синем форменном платье, наkolке на волосах и кружевном передничке принесла чай в железном чайнике, стаканы в подстаканниках и тоненькие ломтики лимона на блюдечке.

– Считается, что здесь, как в СССР, – сказал Герман, разливая чай. – Кухня, сервировка. И шахматы! Кто хочет, может сразиться друг с другом.

– Ты хочешь со мной сразиться? – с подозрением спросила Тонечка. – Я знаю только, что конь ходит буквой «Г», а больше ничего не знаю.

– Мы с Говорухиным часто играли, – вдруг сказал Герман. – Он любил. Мы в шахматном клубе на Делегатской встречались и играли. Когда он выигрывал, говорил мне: «Не садись с приличными людьми играть, малолетка!»

– Ты хорошо его знал?

Он кивнул.

– С детства. Но, знаешь, у меня в голове довольно долго не складывалось, что «Место встречи изменить нельзя» и дядя Слава, который в кресле сидит, трубку курит и с отцом в шахматы играет, как-то связаны. Я сердился, когда он мне мешал смотреть, а он только и делал, что мешал! Он не любил свои фильмы, особенно старые. Я, кстати, тоже не смотрю никогда. Вслед за Говорухиным.

Тонечка подумала, что Герман наснимал уйму фильмов – как продюсер! – и, должно быть, пересматривать их невозможно не потому, что Говорухин никогда не пересматривал свои, а потому, что на это придется потратить полжизни, чаю не выпить!

И, кажется, он догадался, о чем она думает.

– Я начинал как режиссер, – он усмехнулся и налил себе чаю. – Снял пять картин.

– Подожди, – удивилась Тонечка. – Режиссер Александр Герман? Я не слышала, а такого быть не может. Я знаю всех режиссеров. Ну, не всех, может, но почти!..

Он покачал головой.

– Снимать под своей фамилией я никогда бы не решился. Еще не хватает, в титрах А. Герман!.. Алексей Герман – великий режиссер. И сын неплох.

– Вот именно.

– Я снимал как Александр Лацис.

– Да ты что? – поразилась Тонечка. – Лациса я зна-аю! Фильм про Кенигсберг отличный.

– Спасибо.

Они помолчали. Тонечка пила чай и посматривала на него. Она не знала, что сказать, и в конце концов сказала глупость:

– Почему Лацис?

– Фамилия деда.

– А... почему ты перестал снимать? – И не удержалась: – Тоже из-за Говорухина?

Герман улыбнулся:

– Отчасти да.

– Как?!

– Я снимал кино, и вроде неплохое. И вроде хвалили! За «Бронепоезд» в Каннах призидали. Мне нравилась моя работа.

– Ну да, – согласилась Тонечка. – Ты снимал хорошее кино!

Он покачал головой.

– Я снимал неплохое кино, Тонечка. А между неплохим и хорошим кино гораздо большая разница, чем между хорошим и отличным. Цирковые говорят, научиться жонглировать двумя или тремя предметами может каждый. А шаг от трех к четырем – гигантский. Для того чтоб жонглировать четырьмя, нужен дар. А дальше уже неважно, хоть десять! И я понял, что четыре предмета для меня недостижимы.

– Как ты это понял?

– В гамаке на даче, – сказал Герман. – Я лежал в гамаке, смотрел в небо и думал, что Говорухиным никогда не стану, а помереть «неплохим режиссером» не хочу. И перестал снимать.

Тонечка немного подумала.

...А она какой сценарист? Неплохой или хороший? Сколькими предметами она жонглирует?.. Нужно расти и развиваться, а она? Растет? Развивается?

Ей вдруг стало страшно: если она ляжет в гамак и задумается, что дальше и в каком статусе ей хочется помереть, что будет?.. Чем она станет заниматься, если перестанет писать? Кто будет кормить ее семью, если она примется искать себя? Она никогда особенно и не искала, просто ей с детства нравилось водить ручкой по бумаге, а потом с искренним восторгом перечитывать написанное. В детстве все написанное ею самой казалось прекрасным! Восторг перед написанным быстро прошел, а желание водить ручкой по бумаге осталось навсегда.

Выходит, он храбрец, а она – трус. Он смог в одночасье бросить то, что не получалось делать первоклассно! А она просто делает привычную работу, потому что не может решиться поменять жизнь.

– Надо подумать, – пробормотала Тонечка.

– О чем?

Она спохватилась.

– Это я так, про себя.

Кажется, он опять понял. Странная штука – он все понимал, ничего не приходилось объяснять. А она знала совершенно точно: *если нужно объяснить, то не нужно объяснять!*..

– Тонечка, ты отличный сценарист, – сказал он. – Поверь продюсеру. Иначе не стал бы я просить тебя переписывать чужой текст!

– Я не стану переписывать, – быстро сказала Тонечка. – Мы должны об этом поговорить! В конце концов, это просто неприлично, Саша. У сценария есть автор. А тут – бабах! Какой-то другой автор возьмет и все переделает.

– Если должны, значит, поговорим, – пообещал Герман. – Давай закажем? Чего мы сидим?

– Мы ждем, – туманно объяснила Тонечка.

– Нет, ну пока опоздание приличное, всего полчаса. Здесь вкусная пшенная каша с крабом, попробуешь?

Тонечка с энтузиазмом согласилась попробовать.

Он заказал, не глядя в меню, довольно много, спросил еще чаю, и тут к ним за стол приземлилось волшебное существо.

– Саша, прости, прости, – зашелестело существо, приникло к Герману, обцеловало его лицо, погладило его по плечу и взъерошило ему волосы, – ну, я правда спала, когда ты позвонил! Если б другой позвонил, я бы ни за что не поехала!

– Привет, привет, – рассеянно сказал Герман, – Тонечка, это певица Агафья Сиренина. А это сценарист Анастасия Морозова.

Певица дружелюбно кивнула в Тонечкину сторону, полезла в сумку, выхватила телефон и уставилась в него, замерев.

– Ты что-нибудь будешь, Агаша?

– М-м?

– Ты пообедаешь?

– А?

Герман взял у нее из руки телефон. Она потянулась за ним, он отвел руку.

– Отдай! – Она засмеялась. – Негодник!

– Обед, – повторил Герман. – Еда. Ты будешь?

– Закажи сам. – Она выхватила у него телефон. – Матча латте и что-нибудь с ягодами годжи. Я живу в дефиците калорий!..

Тонечка смотрела на них во все глаза. Ей очень хотелось достать записную книжку и быстро описать картинку, она сдерживалась из последних сил.

Агафья Сиренина была похожа сразу на всех певиц, актрис и красавиц, словно талантливый художник нарисовал дивный шарж. У нее были шикарные поддутые губы, аппетитные щечки, пикантный носик, нарощенные ресницы, широкие брови, загорелая персиковая кожа, налитые груди, распирающие декольте, лакированные острые ногти необыкновенной длины.

– Кулебяку в сливках будешь? Здесь Советский Союз, ягод годжи нету! Ты в первый раз, что ли?

– Не-ет!.. Я обожаю это место, обожаю, тут крутечки. Теплой воды попроси мне. Десять полезных привычек! Теплая вода – моя полезная привычка.

Тонечка заглянула в свой портфель. Записная книжка была совсем близко. Ррраз – и достала. И можно записывать.

– Саш, зачем ты меня дернул? Роль, да? Какая?.. А сценарий ваш, да, девушка? Всегда важна визуализация! Я еще с тех пор визуализирую роль в кино, представляешь?..

Тонечке очень хотелось спросить – с каких именно пор визуализирует Агафья.

– А что за роль? Полный метр или сериал? Я на мудборд в задачи и желания себе написала и то, и другое. Прикинь? И тут ты звонишь! Конечно, я полетела, одеться не успела как следует! – Агафья с удовольствием оглядела себя. Она была облачена в роскошные переливающиеся наряды и оторвалась от телефона только для того, чтобы посмотреть на себя.

По идее, подумала сценаристка Антонина Морозова, свидание с великим продюсером и «визуализация» роли должны были привлечь ее внимание больше телефона, но получалось наоборот.

Что-то она, сценаристка Морозова, упустила, чего-то не до конца поняла в современной системе координат.

Нужно понаблюдать, эдак она вскоре и сценарии писать не сможет!..

– Агаш, Вася Филиппов умер.

– Ох, да знаю я! – Агафья вздохнула, что, видимо, отражало ее скорбь по Василию. – Хороший чувак, вечная ему память. Когда в чат написали, я даже не поверила! А что ты про него вдруг вспомнил? Потому что у нас роман был? – И она пальцами изобразила в воздухе кавычки, то есть роман, видимо, был взят под сомнение.

– Вы давно расстались? – спросила Тонечка. – С Василием?

– Ну когда? – Агафья задумалась. Тонечкин вопрос ее ничуть не удивил. – В прошлом году. Нет, в позапрошлом. Или когда? Та-ак. Дудук новую песню написал «Ты такая, ты такой!», я под нее тогда гоняла и рыдала! Сейчас посмотрим. – Она потыкала в телефон и заключила: – Ну вот, все правильно. В прошлом году, зимой. Саш, он у тебя должен был кино снимать, да?

Герман ел кулебяку и промычал в ответ нечто малопонятное.

– Где вы с ним познакомились? – продолжила спрашивать Тонечка.

– На корпоративе, – с удовольствием сказала певица. – Я пела, а он там отдыхал. Подошел и пригласил меня на завтра в ресторан. Ну, я телефон, конечно, не дала, сказала, чтоб он в офис звонил, там ответят. Так он меня нашел! – она засмеялась. – Выследил! – И опять показала

кавычки. – Корпоратив тот совсем непростой был. Большие люди отдыхали, не мелкое чмо какое-то, а настоящие! И он с ними, понимаете? Конечно, я купилась.

Опять пальчики изобразили кавычки, что ты будешь делать!..

– Он меня в кино снял. Первая моя роль как раз у него. Помнишь? – И она вдруг поцеловала жующего Германа в плечо.

Он опять замычал.

– Вы были в него влюблены? – бухнула Тонечка.

– Нет, ну как? Конечно, влюблена, – и она показала кавычки. – Он мне обещал помогать. И правда помогал, вот с Сашей Германом познакомил, я тогда еще не была в такой силе, как сейчас, а Вася режиссер известный.

– То есть не были влюблены?

– Он должен был мне помогать, – повторила Агафья. – Я работаю на свое продвижение сама.

– Он обещал вам помощь или вы просто надеялись? – продолжала Тонечка.

Она никак не могла взять в толк, почему Агафья отвечает на ее вопросы! Почему ее нестораживает интерес постороннего человека, да еще такой... довольно интимный интерес! Это тоже было нечто новое, странное явление, о котором она не знала раньше.

– Да он много чего обещал! – Агафья фыркнула. – Подарки дарил, ухаживал так красиво. Но у него деньги быстро кончились. Я после того корпоратива думала, что он серьезный, если с такими людьми пил, а он чмошник, как все. Хорошо хоть роль дал! А потом стал докапываться, чтоб я с ним ездила, туда-сюда ходила, а я не эскортница, у меня карьера.

– Какие подарки? – спросила Тонечка, и Герман посмотрел на нее с удивлением. Но Тонечка знала, что делает.

Агафья молниеносно напечатала в телефоне сообщение, отправила и вздохнула.

– Да на самом деле ценный подарок один был. Ну, настоящий! – И опять пальчики показали кавычки. – Я его оценщику не носила, конечно, но по ходу да, недешевый. А остальное все ерунда, копейки.

– Что за подарок?

– Ой, такая интересная штучка, – оживилась Агафья. – Золотая фигурка. Довольно большая, вот такая примерно. Он что-то рассказывал, я сейчас уже забыла. Вроде бы это серьга, а фигурка, по словам Васи, старинная. Только она больно здоровая, это какое должно быть ухо для такой серьги!

– Можете нарисовать?

Агафья засмеялась.

– Да нет, конечно!..

– Она до сих пор у вас, эта фигурка?

– Васька как подарил, так и забрал, – сказала Агафья с презрением. – Когда отношения кончились. Я стала искать, не нашла, звоню ему, спрашиваю где. А он говорит, семейная ценность, дедушка-прадедушка, и понес чего-то!.. Мол, ей цены нет, этой Артемиде.

– Кому? – быстро спросил Герман.

– Он так фигурку называл. Она должна оставаться в семье, а раз я за него не пошла, значит, он мне ее оставить не может.

– Василий делал вам предложение?

– Нет, ну как делал, – и она показала кавычки. – Говорил, что хочет на мне жениться, да. Но я сразу сказала: у меня карьера, брак я планирую через семь лет. Да и дать он мне ничего не смог. Роль дал, и хорошо. Я тогда поплакала немножко, я же на него рассчитывала, а он только время у меня украл. А время дорого. Хотя я по результатам дала пару интервью на хайпе. Про несчастную любовь и мужиков-подлецов. Это сейчас как раз в тренде – женщины рулят, а мужики слабаки и подлецы, сексуально озабоченные.

И она улыбнулась.

Тонечка, пожалуй, начала понимать, почему певица с такой готовностью и без всяких сомнений отвечает на любые вопросы. Ей кажется – по самой обыкновенной инерции мышления, – что ответы принесут ей дивиденды. Она еще не понимает, какие именно, но какие-то точно принесут. Время дорого. Нужно отвечать, пока спрашивают. На хайпе.

– Са-аш, ну что за роль? Что за кино?..

– Кина нет, дорогая моя, – сказал Герман. – Мы хотели про Василия поговорить.

Агафья надула губы. Тонечка отвернулась. Смотреть на ее губы было невыносимо.

– Саш, как же так? Ты же меня дернул! Нет, так не пойдет. Давай хоть что-нибудь.

– Что тебе давать?

– Ну, ролешку, что же еще!

Тонечка с интересом ждала продолжения. Что она сумеет выторговать, эта предприимчивая молодая особа?

– Саш, я примчалась, ты сказал, что будешь со сценаристом, что я могла подумать? Ну, что роль в кино, разумеется! – Певица заволновалась всерьез, положила телефон на скатерть. – А тут сплошное заболталово! Ты меня знаешь, я даром ничего не делаю.

– К Василию приходила уборщица, вы не знаете? – встряла Тонечка.

Агафья переключила внимание на нее – с видимым усилием.

– Что, какая уборщица?

– Вы с Василием жили у него в квартире? Или у вас?

– У него, ядом снимаю, к себе никого не вожу, еще не хватает! Но у него там такой бордельеро! Все какое-то покоцанное, и пылюка! – она так и сказала «пылюка»! – А я так не люблю. Я порядок люблю.

– То есть уборщица не приходила?

– При мне нет. Он поначалу ничего, а потом стал приставать, что я должна хозяйство вести, это значит за ним подтирать! Ну, обычный мужской шовинизм. А когда мне подтирать, у меня карьера. Саш, так что будем делать?

– Что мы будем делать? – повторил Герман. – На Автозаводской сейчас снимается ситком «Букины-4». Я скажу, тебе позвонят, снимешься как гест-стар.

Агафья подумала немного и кивнула:

– Пойдет. Они цифру хорошую дают.

Она снова пришла в прекрасное настроение, принялась резвиться и ерошить Герману волосы, и щекотать, и прикладываться персиковой щекой к джемперу. Тонечке казалось, что щека на синей шерсти оставляет серую пыль.

– Вы для «Букиных» сценарии пишете, девушка? Между прочим, очень неплохо у вас получается. Вы мне хорошо эпизод напишите, договорились? Чтоб было что поиграть, – и она показала кавычки.

Тонечка пообещала написать хорошо.

– Я тебя провожу, – сказал Герман, поднимаясь.

– Саш, ну, ты мне звони, да? Если я вне зоны, в офисе всегда знают, как меня найти. Я Никиту Бойко взяла помощником. Можешь ему тоже звонить, ладненько? Он сказал – буду твоим рабом! А я ему – меня только по имени-отчеству, особенно на людях, ты теперь прислуга, подай, принеси, выйди вон!..

Герман пропустил ее вперед. Тонечка выхватила блокнот и принялась строчить в него с необыкновенной быстротой.

– Девушка, до свидания! – попрощалась Агафья дружелюбно. – Пишите хорошо!

– Стараюсь изо всех сил.

Когда Герман вернулся, она взглянула на него и продолжила строчить.

– Я ничего не понял, – признался Александр Наумович. – О чем ты ее спрашивала?

– Сейчас.

Тонечка писала довольно долго, он пил чай и не мешал ей. Наконец она остановилась и сказала:

– Какая интересная девушка.

Он пожал плечами.

– Типичный представитель, так сказать.

– Не-ет, – перебила Тонечка с жаром. – Новый человек, Саша! Вот он. Литераторы и кинематографисты могут расслабиться, тема закрыта. Новый человек только что был перед нами, пил теплую воду и жевал ягоды годжи!

– Далась она тебе.

– Ты еще не осознал масштабов явления, – сказала Тонечка и опять принялась писать, но быстро остановилась. – А это прямо явление! Смотри. Она вся сделана, и все у нее на показ – нос, щеки, губы, груди. Много операций! Весь этот апгрейд нужен, чтоб ее хотели мужчины, подлецы и шовинисты. Сексуально озабоченные. У нее карьера, ей дорого время, она ничего не делает бесплатно, о чем нам объявляет совершенно без всякого трепета. Покойный Василий Филиппов, ее любовник, снял ее всего лишь в одной роли, а должен был, допустим, в десяти. И она потеряла время! А у нее все расписано. Брак через семь лет. Заметь, не лет через семь, а конкретно – через семь лет. Она прямо сверхчеловек. Продукт новой эпохи.

– Да ладно.

– Не ладно. Мужчины подлецы, но они должны. Позвал на разговор – давай роль. Захотел утех, сели ее в свою квартиру, у нее нельзя, потому что она любит порядок. Далеко пойдет девушка, вот увидишь.

– Да пусть идет куда хочет, – сказал Герман, которому надоел ее обличительный пафос. – Зачем ты спрашивала, что он ей дарил? Какая тебе разница?

Тонечка перелистала записную книжку.

– Я всегда записываю, – объяснила она, словно извиняясь. – Не от первого до последнего слова, а так, впечатление. Мне так интересней. Я потом могу прочесть и что-то вспомнить или использовать в сценарии.

Он слушал с интересом.

– Вот после разговора с Зоей Евгеньевной я записала... Зоя – жена Василия.

– Я знаю, Тонечка!..

– Мы с ней разговаривали о жизни...

– Отчего-то я не удивлен, – перебил Герман. – У тебя просто виртуозно получается разговаривать о жизни со всеми подряд.

– Зоя рассказывала, как он за ней ухаживал, – продолжала Тонечка, глядя в блокнот. – Тогда, в молодости, когда был в нее влюблен. Обещал мировую славу, жизнь с гением, стать Ларсом фон Триером. Всякие безделушки дарил, про одну рассказывал, что древность и цены ей нет. Понимаешь, из всего списка – мировая слава, Ларс и общая гениальность – только старинная безделушка была материальной. Конкретная деталь! Он обещал ей жизнь с гением и украшение. И Агафье он обещал «помогать», – Тонечка изобразила пальцами кавычки, – и старинное украшение. Зоя сказала, что Василий потом куда-то украшение спрятал, она его больше не видела. Агафья нам только что поведала, что он подарок забрал, потому что он должен оставаться в семье как реликвия. Я тогда, после разговора с Зоей, подумала: а может, он эту штучку дарил всем своим девицам? Сначала дарил, а потом забирал обратно?

Герман подумал.

– Ты хочешь сказать, что в конце концов одна из обиженных его убила, а штучку забрала?

– Хочу, – призналась Тонечка. – Вдруг это на самом деле какая-то редкая драгоценность?

Герман еще немного подумал.

– Или его убила Зоя и не за безделушку, а за квартиру в Песчаном проезде! Как тебе такой вариант?

– Все возможно, – согласилась Тонечка. – На то и расследование! Но непонятно, почему Зоя убила его именно теперь, а не год назад, не два и не когда он от нее ушел? И зачем она платила за него долги?

– А она платила?

Тонечка кивнула.

– И для чего лечила его мать?

– А она лечила?

Тонечка вновь кивнула.

– Может, как раз сейчас ей все это надоело, и она решила закончить лечить и платить. А заодно поиметь неплохую квартиру в центре нашего богоспасаемого и очень дорогого городишки.

– Саша, – сказала Тонечка и спрятала в портфель записную книжку. – Пшеничная каша с крабом здесь просто огонь! Спасибо тебе за обед. Поедем к майору Мишакову и спросим у него, вдруг в квартире у Василия нашли клад.

– Нашли, – сказал майор сердито. – А вы откуда знаете, дамочка? Кто вам нашептал?..

Тонечка посмотрела на Александра Наумовича. Во взгляде у нее было что-то вроде того самого «Я же говорила!» и еще торжество.

– Мне никто ничего не шептал, – заспешила она, потому что майор ждал и хмурился. – Я так и подумала. То есть мне показалось, что так и должно быть по законам драматургии. То есть жанра. То есть детективного расследования.

Майор засопел.

– Погодите, дамочка, погодите. Вы объяснитесь. Вот ручка, вот бумажка, изложите свои соображения в виде заявления.

– Э-э, – сказал Герман и почесал нос. – Давайте лучше на словах, товарищ майор. Если Антонина Федоровна сейчас примется писать, я к вечеру получу сценарий, а вы никуда не продвинетесь.

– Какой, к Аллаху, сценарий?!

– А что за клад вы нашли? И где?..

Мишаков крикнул, потыкал загорелым пальцем в телефон, послушал, бросил телефон на заваленный бумагами стол, прошагал к двери и зычно закричал:

– Павлуша! Павлуша, ядрить твою через коромысло!.. – Повернулся к Тонечке, засмутился и добавил: – Извиняюсь.

В кабинете возник молодой лейтенант.

– Слушаю, товарищ майор.

– Ты с описью работаешь?

– Так точно.

– Тащи ее сюда. Стой, Павлуш, стой! Чаю мне налей по дороге! Наш кулер в ремонт увезли, дуй на третий этаж! Вон кружку мою захвати.

Он вернулся за стол, поерзал в кресле, устраиваясь, повернулся к подоконнику и пощупал землю в горшке сдохлым цветком.

– Я, собственно, вас вызывал, – начал майор, – не для сценария, а чтоб круг знакомых покойного очертить. Так оно вышло, больше некому чертить-то. Жена сказала, что его коллег, соратников и любовниц она не знает, а вы знаете. Вот я вас и вызвал. А вы сразу – клад покажи!..

– А что там за клад? – влезла Тонечка. – Это очень важно, очень!..

– Кому важно? Вы вот что! Вы пока погодите! Вы лучше мне круг очертите. Вот вы сами, к примеру, с покойным были коротко знакомы?

– Нет, – сказала Тонечка нетерпеливо. – Я его едва знала. Встречались иногда в телекомпании и на общих мероприятиях. Вместе мы не работали.

– А мы работали, – перебил Герман. – Пару раз он снимал для меня сериалы.

– В каких вы с ним были отношениях?

– В обычных. У режиссера и продюсера всегда одинаковые отношения. Продюсер давит, режиссер сопротивляется. Побеждает всегда продюсер.

– То есть вы конфликтовали, – заключил майор.

Герман засмеялся, и Тонечка тоже засмеялась. Мишаков рассердился.

– Что я смешного сказал?

– В кино всегда конфликтуют, – заговорили Герман и Тонечка наперебой. – Это обязательно. Денег мало, сроки горят. Артисты то пьют, то параллельно в трех картинах снимаются, текст не помнят, играют плохо. Сценарий переписывается на ходу, в смету не укладываются.

Они остановились и посмотрели друг на друга.

– Но это нормальный рабочий процесс, – сказала Тонечка.

– И все от этого получают удовольствие, – добавил Герман.

– Ничего себе, удовольствие, – пробормотал майор Мишаков. – У вас же субординации никакой нет. Вот из вас двоих кто главнее?

– Я, – сказал Герман.

– Он, – подтвердила Тонечка.

– Вот пусть он и говорит, – распорядился майор. – Так, значит. Покойный работал у вас на договоре, так? Снимал кино, так? Какие у него были доходы?

– Ну, он не первого ряда режиссер и даже не второго, – сказал Герман. – Он на подхвате. Вот некому сериал снимать, а сценарий проходной, так себе, заранее понятно, что хита не выйдет из него, и отдадут снимать Филиппову. Он ничего особенно интересного не снимет, но и не испортит окончательно.

– То есть бедно жил.

– Он зарабатывал прилично, потому что брался за все подряд. На площадке мог подхалтурить – поставить оператора, чтобы тот за него снимал, и уехать.

– Запойный?

– Нет, – сказал Герман. – Пил, разумеется, но съемок не срывал никогда. У него репутация довольно надежного режиссера.

– А знакомые? Много небось у него знакомых!

Герман вздохнул.

– Это мягко сказано, товарищ майор. Мы все друг с другом знакомы, а Василий был человеком общительным.

– А любовницы?

– Я всех не знаю, – предупредил Герман.

Вернулся Павлуша с майорской кружкой, над которой поднимался пар. Из-под мышки у него торчала папка. Майор принял кружку, отлил из нее немного кипятка в замызганный стакан, стоявший тут же, на столе, и сунул в кружку чайный пакетик.

– Что у него нашли, товарищ майор? – не выдержала Тонечка. – Ну, не томите!

– Да я никак понять не могу, почему это вас так взволновало, дамочка! В чем дело?

– Я думаю, что его убили из-за драгоценного украшения, – объявила Тонечка торжественно, и майор покатился со смеху. Она растерялась. – А что такое?

– Да не обнаружили мы у него на квартире никаких украшений. И драгоценностей никаких тоже. С чего вы взяли? Запонки были золотые, на месте остались. И часы на месте.

Тонечка оказалась так поражена и разочарована, что Герман взял ее за руку и аккуратно пожал.

– Как... не обнаружили? – убитым голосом сказала она. – А у меня такая прекрасная версия была...

– Вот как раз версии – мое дело, а не ваше, – отчеканил майор. – Ваше дело в телевизоре искусство создавать, а не версии выдвигать.

– Понятно, – сказала Тонечка.

Майор поболтал в стакане остывшую воду, махом опрокинул ее в цветок, из кружки отхлебнул чаю и распахнул папку.

– Покойная артистка Дольчикова и покойный режиссер Филиппов состояли в интимной связи, – начал Мишаков, проглядывая листы в папке. – Сначала погибла Дольчикова, затем Филиппов. Филиппов опасался за свою жизнь и неоднократно сообщал окружающим, что его убьют, как и Дольчикову. При этом жизнь он вел беспорядочную и, по словам соседей, довольно шумную. При осмотре квартиры Филиппова зафиксировано отсутствие мобильного телефона.

– Его забрал человек, который принес бутылки и лимон, – подхватила Тонечка.

– Это ваши фантазии, – строго сказал майор. – Не перебивайте. С трупа Дольчиковой похищены часы-браслет, все содержимое сумки, включая деньги и банковские карточки, на месте. Из квартиры Филиппова на первый взгляд ничего не похищено, за исключением телефона, но покойный мог его и потерять, как и Дольчикова могла часы обронить.

Тонечка застонала. Майор перевернул страницу.

– При этом, – он поднял палец, – при досмотре одежды Филиппова в кармане пиджака обнаружена почтовая квитанция. По этой квитанции в почтовом отделении в присутствии понятых произведена выемка отправления. – Тут он счел нужным пояснить: – Ну, то есть посылки.

Тонечка слушала очень внимательно, кажется, даже дышать перестала.

– Посылка была вскрыта, вот можете полюбоваться. Смотрите, смотрите! – и веером раскинул перед Тонечкой фотографии.

Герман встал со своего места, подошел и стал рассматривать сверху. Тонечка немного подвинула его плечом.

Вот картонная коробка, внутри шкатулка. Вот шкатулка уже без коробки. Вот шкатулка с откинутой крышкой, внутри что-то лежит. Вот содержимое на полированном канцелярском столе.

– Ох, ни фиги себе, – сказал Герман с изумлением.

– Ты выражаешься, как моя дочь, – пробормотала Тонечка, рассматривая фотографию.

На ней была запечатлена золотая фигурка, довольно большая, длиной, должно быть, в половину ладони. Женщина, держащая на вытянутой руке лук и стрелу. Глядя на нее, возникало ощущение, что она вот-вот выстрелит. Фигурка производила странное впечатление – словно могла сию минуту ожить, хотя сработана была довольно кустарно, грубо, будто не из золота, а из дерева выточена.

– Покойный Филиппов адресовал посылку самому себе, – продолжал Мишаков. – Прием довольно старый, но до сих пор действует. Так вот я хочу знать, откуда у вас сведения об этой штуке. Почему вы сразу задали вопрос про клад?

– Артемида? – сама у себя спросила Тонечка. – Сколько ей может быть лет?..

– Три тыщи, – бухнул майор. – До нашей эры. Официального заключения пока нет, но знаток из Пушкинского музея сказал, что не меньше.

– Три тысячи лет до новой эры?!

– То-то и оно-то.

Тонечка посмотрела вверх на Германа и опять поднесла фотографию к глазам.

– Она что, подлинная?!

– Знаток сказал, проверять надо. А по виду подлинная.

– Сколько же она может стоить?

Герман взял у нее фотографию и тоже принялся рассматривать.

– Я думаю, сколько угодно, – сказал он наконец. – Разумеется, продать вещицу, которой пять тысяч лет, целый фокус, но если найти аукцион и подготовить правильные бумаги, то много, Тонечка. Очень.

– Откуда вы о ней узнали, Антонина Федоровна?

– А?.. Мне рассказала Зоя, жена Василия. Он ей показывал какое-то древнее украшение. И потом Агафья тоже сказала. Агафья Сиренина, певица, – пояснила Тонечка. – У них был роман. Василий подарил ей украшение, а потом забрал, она требовала, чтоб он ей отдал, ведь подарил же! А он сказал, что это семейная реликвия, и не вернул. Вот я подумала...

– Н-да, – попытожил Мишаков и стал собирать фотографии. – Значит, что мы имеем?.. Дольчикова была убита. Ее столкнули с пожарной лестницы, она сломала шею. При этом пропали часы. Филиппов был отравлен, ему что-то подлили в алкоголь и украли его телефон. В квартире ничего не искали. Драгоценность несметной цены в этот момент лежала на почте.

– Он боялся, – выпалила Тонечка. – Все же ясно! Он боялся, что его убьют, и таким образом спрятал Артемиду! Отправил сам себе!.. Его убили из-за Артемиды!

– Смысл? – спросил Мишаков. – Артемиды – вот она, не похищена. Выходит, он ее спрятал, а его все равно убили.

Тонечка осеклась.

– Вот именно, – заключил Мишаков. – Так что, господа и дамы, садимся вот здесь, вооружаемся пишущими предметами и бумагой и потихонечку, внимательно, никого не пропуская, составляем списочек знакомых Василия Филиппова, о которых вам точно известно, что они знакомые. А потом то же самое сделаем в отношении покойной Дольчиковой.

– Я не знаю ее знакомых, – уныло сказала Тонечка.

– Вы пишете, пишете, – посоветовал Мишаков.

Пришлось выехать очень рано – заполошный Аллилуев сказал, что смена начинается в восемь утра, и Настя решила попасть на съемку непременно к началу.

Снимали в ближнем Подмосковье, в поселке, Аллилуев долго объяснял, где повернуть, где сократить, где «под кирпич» – «Спокуха, там камер нету, проверено!» – и Настя все никак не могла ему признаться, что поедет не на машине, а на общественном транспорте!

Будильник был выставлен на пять, и когда он запиликал, Настя долго не могла ничего сообразить – заснула после трех, вдоволь нарыдавшись над отцовскими «Каменными кентаврами времени».

Джессика сначала приставала с утешениями, потом замолчала и наблюдала за страданиями подруги, пожалуй, с уважением, а потом заснула, привалившись спиной к валику дивана. В таком положении она моментально начала похрапывать, а рыдать над книгой гениального отца под храп Джессики-розы Настя никак не могла. Она переложила Джессику на бок, накрыла одеялом и опять принялась за чтение, изо всех сил стараясь вызвать в себе прежнее надрывное состояние.

Оно никак не вызывалось.

Мать виновата, решила Настя. Мать обманула ее во всем – и даже в этом, в памяти об отце. Раньше ничто не могло отвлечь Настю, когда она читала отцовские книги, а мать и тут умудрилась, отвлекла своим враньем!..

...И почему они с бабкой не вызывают ее на разговор? Отчего не хотят объясниться? Словно не признают своей вины?

Бабка кормит обедами и ужинами, без вопросов отпускает в город, не пристаёт с нравоучениями и с тем, что «нужно заниматься»! Терпит Джессику – пусть только попробует выста-

вить, Настя ей покажет!.. Принимает в гостях Даню и его папу – этот папа Насте порядком поднадоел, хотя бы потому, что Даня только и делает, что повторяет: «Папа сказал, папа сделал, папа думает»!

Настя сидела над книжкой, стараясь читать то, что написал отец, но не получалось. Все мысли возвращались к матери.

Мать как будто закрыла дверь. Не захлопнула, а аккуратно притворила перед самым Настиным носом. Все осталось как было – она приезжала домой, с порога начинала что-то жевать, рассказывала истории. Тут мать была большой мастерицей! С ней словно все время происходило нечто интересное. Например, она рассказывала, что встречала на улице Правды какую-то необыкновенную собаку по кличке Обама. «Да, да, девочки, так и есть, его зовут Обама, он живет при студии, где делают разные программы, а во дворе у него будка, а над будкой табличка «Барак Обама»!» Этот мифический Обама со временем обрастал подробностями: то в миске мать своими глазами видела жареную курицу – целиком, то его в самую жару поливали из шланга – Обама якобы в это время стоял в огромном аквариуме и блаженно жмурился от прохладной воды.

В общем, сплошное вранье!

Мать приезжала, жевала булку, рассказывала истории, расспрашивала Даню о суахили и стихах Гумилева, советовала Джессике поступить на курсы русского языка и литературы при университете, за всеми ухаживала и всех любила, как обычно, но как только уезжали гости и бабушка усаживалась с книжкой в любимое кресло, мать наспех, словно совершая нужную, но надоевшую процедуру, целовала Настю и уходила к себе.

Настя была совершенно уверена, что в первый же вечер после того, как «чудовищный обман» оказался раскрыт, мать начнет каяться, рыдать и рассказывать дочери что-нибудь трогательное о трудностях своей жизни, а Настя будет ее от души презирать – чтоб знала, чтоб почувствовала!.. И ничего, вы подумайте! Вообще никакого раскаяния!..

Мать словно ускользала от дочери, а дочь ни за что на свете не хотела сама начинать разговор, ведь в конце концов мать врала ей, а не она матери!..

Вот и вчера вечером Настя, поглядывая на мать, сказала, что утром поедет «в одно место», по делу, очень рано.

– Что это за место? – сразу же спросила бабка, а мать вообще ничего не спросила.

Настя с мстительным видом сообщила, что это съемочная площадка и «ее пригласили».

– Что ты там станешь делать? – не отставала бабка.

Настя сказала, что ничего не станет, а просто понаблюдает, как работают настоящие люди – артисты, режиссеры и прочие.

– Понаблюдай, понаблюдай, – сказала бабка. – Тебе это пойдет на пользу.

Мать рассеянно зачерпнула из вазы орехов, поцеловала Настю, пожелала всем спокойной ночи и удалилась.

И больше ничего! Ни-че-го!

Ни наставлений, ни уточнений, когда будет, ни выяснений, с кем пойдет и кто, собственно, дочь пригласил на эту самую съемочную площадку!..

...Может, она меня разлюбила, уныло думала Настя, поднимаясь следом за Джессикой в свою комнату. Или никогда не любила, а теперь отпала необходимость притворяться?

Из этой страшной мысли потом получились рыдания над отцовскими «Каменными кентаврами времени» и трудные размышления, и невозможность продрать глаза, когда запиликал проклятый будильник!..

В комнате было холодно – створка окна распахнута настежь, – и пахло весенним садом: дождем, травой и немного дымом. Вчера, должно быть, где-то жгли прошлогодние листья.

Насте так не хотелось вставать! Ах, как не хотелось вставать, вылезать из-под одеяла, плестись в ванную и там умываться – по детской привычке она не любила умываться.

Чтоб как-то утешиться и не проделывать всю эту каторгу в одиночку, Настя стала изо всех сил будить Джессику, которая не просыпалась.

– Вставай!

– Нееее...

– Вставай, мы опоздаем!

– Нееее...

– Я кому говорю! – И Настя сдернула с подруги одеяло.

Джессика захныкала:

– Ну что такое-то, а? Ночь-полночь, давай вставай! Дома вставай скотину кормить, здесь тоже вставай! Нннеее хоочууу!..

Стуча зубами от холода – почему-то ни одной, ни второй не пришло в голову закрыть окно, – сшибаясь лбами и путаясь в штанинах, они кое-как оделись и спустились вниз. Завтракать Настя не разрешила.

– Мы только время потеряем, – прошипела она и захлопнула холодильник, в который было полезла Джессика. – Ничего, похудеем.

– Я есть хочу, – скулила Джессика по дороге на станцию. – Я чаю хочу! Как это так, утром даже чаю не попить!

Джессика выговаривала «не попить», и Настя ее не поправляла.

Ехать оказалось семь верст до небес и все лесом. Сначала на электричке до Белорусского вокзала, потом на метро до Курского, а оттуда опять на электричке до Столбовой, а уж оттуда на автобусе до остановки Константиново-Дальнее.

Ехали молча. Джессика принялась было за Настин телефон, но быстро задремала, телефон выпал, стукнулся и оказался под сиденьем. Настя пнула Джессику, которая недовольно замычала и не двинулась с места. Пришлось самой лезть под лавку, добывать телефон, отряхивать, осматривать, не повредился ли. Телефон остался цел, бодро светил экраном. Настя зашла на страничку к Соне, пролиставла фотографии, почитала комментарии.

Вот из вчерашнего: «Green is not a colour, it's a state of mind».

Зеленый, значит, не цвет, а образ мыслей.

Всем зеленый свет. Дашь зеленую улицу! Лишь зеленая карета, и весна в карете этой...

Речь, каждому понятно, не о карете и не о светофоре, а об образе жизни в гармонии с природой, но сегодня утром Настю раздражали и фотографии, и посты, и «зеленое» мышление.

Электричка покачивалась. Странные мысли приходили в голову.

...А вдруг бабушку фотки и посты тоже раздражают, как сегодня Настю? Не оттого, что она старая и ничего не понимает, а оттого, что «зеленый образ мыслей» кажется ей идиотизмом? Ну, так ведь может быть! И она отбирает у внучки телефон не из вредности, а потому, что не одобряет идиотизм? И вот это вечное «Почитай лучше книжку!» не от косности и не из старческого желания заставить Настю делать то, что ей не нравится, а потому, что в книжке больше смысла?.. Нет, разумеется, бабка ничего не понимает в современной жизни и в молодых, потому что произошел... произошел... тут Настя вдруг позабыла, что именно произошло-то, как называется!

А, вот, вспомнила! Бабка ничего не смыслит в современной жизни, потому что произошел «качественный скачок»! Молодые качественно скакнули вперед по сравнению со старшим поколением.

Мы быстрые и ловкие. Поглощаем терабайты информации. Можем одновременно смотреть пять роликов и три гифки. Читаться сразу в нескольких чатах. Читать посты одновременно во всех главных мессенджерах. Мы обо всем узнаем первыми – например, о том, что рэпер Дудук записал вирусный ролик на ютуб, а Ида Михельсон венчалась в Преображенском соборе в Тутаеве. Мы знаем, какой «коллаб» на хайпе.

Настя открыла Инстаграм и посмотрела. Марьяна опять удалила Рустама из друзей. Или она еще тогда удалила, просто Настя пропустила?.. Мать Сони, похожая на крутейшую блогершу Кьяру Ферраньи, выложила фотки с Бали, как она там то ли встречает рассвет, то ли провожает закат. В белом купальнике и золотистом загаре. На заднем плане фактурный туземец, «мой инструктор по йоге».

А вот Настина мать, кажется, свою дочь разлюбила или вообще никогда не любила! Интересно, а Сониная мать любит свою дочь больше йоги и инструктора или меньше?..

Электричка, на которой они ехали до Столбовой, была абсолютно пуста, а на платформе прямо первомайские гуляния – всем нужно в обратную сторону, в Москву. Девчонки протолкались к переходу. Джессика непрерывно скулила, что хочет есть и замерзла.

И вправду было холодно, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

Автобуса тоже ждали долго. К станции автобусы подходили и подходили, извергали очередную партию желающих попасть в столицу и заезжали на стоянку, в обратную сторону не шли.

– Да замолчишь ты или нет! – в конце концов прикрикнула Настя на ноющую Джессику. – Сидела бы дома!

– Да-а, я бы и сидела, так ты же меня разбудила и заставила!

– Я тебя не заставляла! Ты сама хотела на съемки.

– Да-а, я ж не знала, что эти съемки за сто километров!

– Не за сто!

– За сто!..

Автобус подошел, они забрались и уселись, нахохлившиеся и сердитые. В салоне тоже было холодно, должно быть, водитель горячих южных кровей сэкономил топливо и печку не включал.

Наконец поехали. Чем дальше от Москвы, тем чуднее становилось вокруг. Кончились супермаркеты «24 часа» и продуктовые моллы, начались рынки стройматериалов и «садовые центры», где за решетками были выставлены в ряд деревья и кусты в кадках, а на переднем плане торчали фигуры из раскрашенного гипса – лошади, гномы, львы, вазоны и русалки, а также пирамиды цветочных горшков. На пластиковых забегаловках красовались вывески «Шашлыки вкусные. Рассада недорого», и еще на гаражах «Ремонт китайцев и корейцев. Поддоны».

Проехали квартал ветхих зданий красного кирпича, должно быть, бывшую фабрику, из проваленной крыши росли молодые тоненькие березки. На первом этаже, единственном, где не были выбиты стекла, располагались сначала «Бюро ритуальных услуг», а сразу следом «Крафтовое пиво из Европы».

Автобус ухнул колесом в выбоину и затормозил у церкви с голубой луковкой купола. В салон взобрались бабки в платках и теплых пальто, видимо, со службы, и никчемушный мужичонка в тренировочных штанах и синей куртке с надписью «Вертолеты России».

– Долго еще? – спросила хмурая Джессика.

Настя заглянула в навигатор.

– На следующей выходим.

Следующая остановка – Константиново-дальнее – торчала прямо посреди пустынного шоссе. Девчонки вылезли из автобуса и стали оглядываться по сторонам.

Идти предстояло через поле, собственно, до этого самого Константинова. Вроде бы рукой подать, очередная луковка очередной церквушки на взгорье казалась совсем близкой. Тут выяснилось, что была допущена стратегическая ошибка.

Собственно, Настя уже давно... осознала, что ошибка допущена, а на дороге через поле последствия начали сказываться на каждом шагу в прямом смысле слова.

Собираясь на съемку, Настя долго прикидывала, что бы такое надеть. Ей необходимо было поразить воображение невыносимого Аллилуева и возможных знаменитых молодых артистов. Ведь на съемке может быть кто угодно! Надеть было совершенно нечего, нечего! То, чем был завален и завешан шкаф в комнате, и еще один в коридоре, и еще небольшой комод и дополнительный шкафчик в ванной, никуда не годилось. Ни-ку-да!.. Настя перерыла все – еще до того, как обиделась на мать. И хорошо, что до, иначе она вообще не смогла бы собраться. Или плохо – учитывая допущенную страшную ошибку.

В результате «лук» был сформирован – джинсы в обтяжку, до щиколоток, плотная маечка с низким вырезом, короткая куртешка с рваным краем, пик моды. И туфли! Туфли Настя утащила у матери. Та купила их, кажется, прошлой весной, но так ни разу и не надела. Раньше, в прежние времена, Настя не решилась бы утащить, но после того, как уличила мать во вранье, решила, что утащить туфли можно, и даже хорошо!

Туфли были на каблуках. Не слишком высоких, не слишком тонких, но все же на каблуках и с перепонкой впереди, тоже модная штука.

Бегать в них с платформы на платформу, преодолевать подземные переходы, стоять на остановках оказалось тяжело.

Шкандыбать по полю невыносимо.

Джессика в своих раздолбанных кроссовках ускакала далеко вперед и только оглядывалась на Настю и кричала:

– Что ты там плетешься? Давай быстрее, холодно же! И дождь сейчас пойдет!..

Настя не отвечала и мужественно шла.

Идти с каждым шагом было все больше. Перепонка впивалась. Ступня горела. Пятки саднило.

От того, что приходилось все время терпеть, ее бросило в жар. Она сорвала куртешку и шла в одной майке.

Хоть плачь. Вот прямо тут садись на обочину, в грязную прошлогоднюю траву, снимай эти проклятые туфли и иди босиком!

При мысли о том, что можно пойти босиком, у Насти и вправду слезы навернулись на глаза. Она и так чуть не плакала, а тут прямо полились слезы. Неужели возможно такое счастье – *идти* босиком, не испытывая ежесекундных мучений?! Зачем, зачем она нацепила эти проклятые туфли?! Как она целый день в них проживет?! Как станет возвращаться домой?! Впрочем, сначала бы до места добраться, а там наверняка есть где посидеть.

Посидеть без туфель!

Константиново-Дальнее оказалось селом довольно большим, с магазином «Магнит», пивбаром «Эльдорадо» и кафе «Береза». Им нужно было на Московскую улицу.

– Ты чего такая красная? – первым делом спросила Джессика, когда Настя доковыляла до «Березы».

Джессика сидела на лавочке перед кафе и лузгала семечки.

Настя присела рядом, очень осторожно, боялась, что упадет.

– Хочешь семок? – Джессика сунула ей под нос пакет. Настя отвела его рукой. – Ты чего так долго плелась-то? Я уж и семок купила, и до Московской этой сбегала! Там народу, жуть!

– Туфли, – выговорила Настя сухим ртом, – жмут.

Джессика посмотрела на ее ноги.

– В первый раз надела, что ли?

Настя кивнула.

– Когда жмут, плохо, – посочувствовала Джессика. – Ну? Пошли?

– Сейчас, – попросила Настя жалобно. – Еще немножко посидим.

– Ты ж говорила – быстрее, быстрее, опоздаем!..

Настя поднялась и пошла.

– Я туда одна не сунулась, боюсь, – тараторила Джессика. – Настя, а они нас не погонят?

– Нет.

– А мы что будем делать?

– Ничего.

– А может, он нас снимет в кино, парень этот?

– Не снимет.

– А что такого-то? Он же режиссер, а режиссер кого хочет, того и снимает! Мы его попросим, и он, может, нас снимет!

– Не попросим.

– Ну На-асть! Ну, ты чего? Обиделась на меня, что ли?

– Нет.

– Ну На-астя!

Вдоль тихой Московской улицы в ряд стояли громадные тяжелые грузовики, похожие на военные. От них по земле были брошены толстые резиновые кабели, кое-где прикрытые черными кофрами. В грузовиках работали двигатели.

– Настя, а зачем они тут стоят?

– Я не знаю. Должно быть, это генераторы.

– А зачем генераторы?

– Для электричества.

Следом за грузовиками начались микроавтобусы с прицепами и без прицепов, потом два пикапа с откинутыми бортами. Парни в комбинезонах и строительных перчатках шустро таскали из пикапов катушки проводов и какие-то железяки. Кабели на земле поворачивали в распахнутую калитку, туда же, в калитку, парни носили оборудование.

– Нам туда, – решительно сказала Настя.

Ей было страшно.

Эх, хорошо бы сейчас рядом оказался Даня Липницкий с его гениальной теорией «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть»! У Дани все получалось как-то легко и само собой, словно он был прикрыт невидимым силовым полем.

Девчонки взглянули друг на друга. Настя решительно напялила куртешку, приосанилась и стремительным шагом, насколько позволяли проклятые туфли, пошла к калитке. Джессика потрусила за ней.

– Поберегись! – прокричали сзади, и они порскнули в разные стороны. Двое парней тащили железный блок, по виду очень тяжелый.

За забором всю кипела загадочная, непонятная, притягательная, странная жизнь. Настя вертела головой, стараясь охватить все происходящее.

Метались люди с осветительными приборами и какими-то приспособлениями. Возле гаража раскинули навес, под навесом лежали мешки, коробки, пачки и пакеты. На крыльце были свалены штанги и удлинители. Вход в дом застелен пленкой, как во время ремонта. Из дома то и дело выходили одни люди, а другие, наоборот, заходили. Вдруг распахнулось окно, и изнутри закричали:

– Смотри, так лучше?

– Не, не, не, оставь, как было!

И окно со звоном захлопнулось.

– Чего-то тут такое, а? – тихонько спросила Джессика у Насти. – А где кино?

Настя пожала плечами.

– Где снимают-то? – не унималась Джессика.

Настя дернула плечом.

– Я не знаю! Должно быть, в доме снимают! Только они сейчас готовятся.

– А чего они на улице готовятся, если в доме снимают?

– Девушки, вам кого? – спросила сбежавшая с крыльца тетка строгим голосом. – Артистов нет, автографов они не дают!

– Как нет артистов? – поразила Джессика. – Вы что же, без артистов снимаете?

– Нас пригласил Олег Аллилуев, – быстро сказала Настя. – Как нам его найти?

– А кто такой Олег Аллилуев?

У Насти упало сердце.

Выходит, он ее подвел, обманул?! Он назвал Настю «наша красота» и обманул, решил подшутить таким образом?! Вся затея провалилась, их выгонят, придется тащиться домой на двух электричках, автобусе и метро, а она шагу не может ступить в этих проклятых туфлях!

Но зато Джессика не подвела. Очевидно, возможность обмана не приходила ей в голову!

– Как кто такой? – громко спросила она у строгой тетки. – Вы что?! Упали?! Олег Аллилуев режиссер!..

– Сменный, что ли? – с величайшим презрением уточнила тетка.

– Да нормальный он режиссер, никакой не сменный!

– Кора! Кора! – закричала тетка зычно.

Из дома выглянула девушка в комбинезоне с одной лямкой через плечо и карандашом в пучке закрученных волос.

– У нас сегодня что, какой-то Аллилуев снимает? Вместо Петьки?

– Ну да, вы что, не знали, Эмма Львовна?

– А с Петькой чего?

– Он в Нижний уехал, – удивилась Кора. – Все дни будет этот новенький снимать, сегодня, в пятницу и в выходные.

– Твою ж марусю!

– А вы не в курсе, что ли, Эмма Львовна?

– Точно сегодня в смену не уложимся! Опять перерасход! Кто его отпустил, Петьку?!

– Продюсер отпустил, – сказала Кора. Она держалась совершенно спокойно, как будто ничего не случилось, а тетка прямо выходила из себя.

– Ты хоть Кондрата предупредила? Его сейчас привезут, он такой скандал закатит! Девушки, марш отсюда! Вы мешаете!

– А где нам найти Аллилуева?

– Вот, – в сердцах плюнула тетка. – Вот и скажи им, где найти этого Аллилуева! Пойду Кондрату звонить, твою марусю!

– А режиссер не приехал еще, – сказала Насте Кора. – Он часа через полтора подъедет, когда мы выставимся уже.

– Как через полтора? – прошептала Настя.

– Ну, может, через час, я точно не знаю! Да вы подождите его, девчонки.

– А где? – быстро спросила Джессика. – Где подождать?

– На улице можно, – бодро сказала Кора, собираясь бежать. Все вокруг бегали туда-сюда, обегали их, и они чувствовали свою ненужность. – Или вон под навесом. Там сейчас стулья поставят, можно будет посидеть. Ира, костюмы приехали?

– На нашу дорогу поворачивают костюмы!

– Давай их сразу к Лене, там еще вчера все нужно было гладить! И скажи монтажникам, чтоб свет кинули в ту комнату!..

Настя и Джессика поплелись обратно.

– Опоздаем, опоздаем! – под нос себе бормотала Джессика. – Вот тебе и опоздали! Даже в дом не зовут, а на улице холодрыга, того гляди дождь пойдет, измокнем все!..

Настя думала только о том, что ни идти, ни стоять она не может. Ну, просто не может, и все тут.

Они выбрались за забор, где так же молотили двигателями грузовики, бегали люди с катушками и коробами и пахло автомобильным выхлопом и мокрой землей.

– И не позавтракали, – продолжала Джессика. – И чаю не попили! Когда теперь чаю попьем?

Над улицей Московской, уходящей к церквушке, висело низкое хмурое небо, лужи морщились от ветра, и голые плакучие ивы, окружавшие крохотный прудик, путались ветвями в коричневой холодной воде.

У Насти застучали зубы. Постучат, постучат и перестанут. А потом опять.

Они постояли посреди улицы.

– Куда пойдем? – спросила Джессика очень сердито.

– Я не знаю, – уныло сказала Настя.

Тут дверь ближайшего микроавтобуса распахнулась, и по высоким и узким ступенькам скатилась Мила. Настя так обрадовалась, словно встретила среди тайги близкого и приятного человека.

– Мила!

Та остановилась и оглянулась. Настя заковыляла к ней.

– Мила, вы меня не помните? Я в институте на прослушивании была, я вас видела вместе со Светой Дольчиковой. Там еще этот... Игорь Маркович был! Помните?

Мила пожала плечами.

– Наверное, помню, а что такое?

– Да я хотела у вас спросить! С вами поговорить! То есть просто спросить, а можно и поговорить!

– Господи, то спросить, то поговорить, – нетерпеливо перебила Мила. – Мне некогда сейчас.

– А когда вы освободитесь?

Тут она неожиданно засмеялась.

– Часов через десять-двенадцать, – сказала она. – А что такое случилось?

– Нас Олег Аллилуев пригласил, – вставила Джессика и опять попала в точку.

– Олечка? – обрадовалась Мила. – Нужно было так и сказать! Он еще не подъехал! Вы полезайте в гримваген, – она подбородком показала на микроавтобус. – Там, по крайней мере, тепло. Я сейчас прибегу.

И умчалась.

– А чего такое гримваген? – спросила Джессика.

Настя, не отвечая, забралась по ступенькам, распахнула дверь, чуть не упала и головой вперед ввалилась в теплое нутро микроавтобуса.

Здесь горел яркий свет, было сильно натоплено, диваны по обе стороны прохода завалены какими-то вещами. Пахло кофе и табаком, одним словом, рай.

Настя повалилась на диван, кое-как отпихнув барахло, проворно расстегнула пряжки на проклятущих туфлях, скинула их и застонала от счастья. И закрыла глаза.

Рай, рай.

– А чего тут делают, в этой машине? – спрашивала Джессика. – А рация для чего? У них телефонов, что ль, нету? Тут прям спать можно! И раковина! Чего, и вода идет?

Она повернула кран. Вода пошла. Джессика восхитилась.

Настя так и сидела, закрыв глаза. Ледяные скрюченные пальцы на ногах постепенно оживали, расправлялись и вдруг страшно зачесались. Настя принялась остервенело чесать ноги друг об друга.

...Как же она домой поедет? Босиком? Пытку туфлями она больше не вынесет!

Распахнулась дверь, заглянул какой-то парень:

– Мила здесь?

– Убежала.

Дверь захлопнулась.

– Настя, – сказала Джессика, – чего ты все время молчишь и на меня внимания не обращаешь?

– Я обращаю.

– Я ж не виновата, что тебе ноги натерло! Ты мне скажи, для чего нужна такая машина, а? С краном! Со светом!

– Для съемочной группы, – объяснила подкованная Настя туманно. – Ты что, в интернете никогда не видела, как кино снимают? Тут можно посидеть, если... если дождь. Или подождать, если надо ждать.

– Тут у всех такие?

– Я не знаю, Джесс, – призналась Настя.

Распахнулась дверь, девушка торопливо взобралась по ступенькам.

– Мила рацию забыла, – запыхавшись, сказала она. – Вы не видели ее рацию, девчонки?

– На столе рация.

– Точно, спасибо! А вы чего тут сидите? Кого ждете?

– Аллилуева, – сказала Настя.

– А кто такой Аллилуев? – уже с улицы удивилась девушка, и дверь захлопнулась.

– Никто не знает, – сказала Джессика сокрушенно. – А он режиссер! А его никто не знает!

– Он подменяет их режиссера. Аллилуева они никогда не видели.

– Вот дела!

Настя наклонилась и стала чесать ступни.

– Как ты думаешь, снег пойдет? – спросила Джессика. – Чего-то мне надоело на съемке! Если так каждый день, со скуки помрешь.

– Да не было еще никакой съемки, – сказала Настя. – Они только готовятся.

Джессика зевнула и привалилась спиной к диванным подушкам. В этом диковинном автобусе диваны были с подушками! От тепла ее разморило и потянуло в сон.

– А где артисты, а? Как ты думаешь, они уже приехали?

Они сидели так довольно долго и переговаривались – довольно вяло, – и уже Джессика подтянула ноги и укрылась пледом, и Настя принялась неудержимо зевать, и тут прибежала Мила.

– Девчонки, – громко заговорила она, – на улице холод, ужас, а у нас две сцены уличные! Вы что, спите? Вы даете!.. Олечка приехал, смотрит сейчас, как выставились.

Настя моментально вскинулась и сделала вид, что она и не думала спать.

– Я сказала, что вы здесь, он сказал, чтоб минут через сорок подходили, он сейчас занят.

– А можно посмотреть?

– Где мой сценарий? – сама у себя спросила Мила. – Я была со сценарием или без, кто видел? Что посмотреть вы хотите?

– Ну... что там происходит.

– Ничего не происходит, Олечка смотрит, как камеры стоят и как рельсы лежат. А потом быстренько с актерами сцену пройдет, и будем снимать. Мы пока в графике, тьфу-тьфу-тьфу. Никто не видел мой сценарий?..

– Я не видела, – призналась Джессика, и Мила засмеялась.

– Если хотите посмотреть, давайте за мной!

Настя стала всовывать ноги в ненавистные туфли. Они никак не всовывались.

– Я тут пока посижу, можно? – жалобно проговорила Джессика. – Не хочу на холодрыгу! Я потом, когда артисты...

Настя в конце концов заставила ноги влезть в туфли. Пряжки было не застегнуть, и шут с ними.

Следом за Милой, хромая на обе ноги, она спустилась по лесенке. Мила моментально ускакала вперед, Настя за ней не успевала.

Мила обернулась, приостановилась и подождала.

– Ты чего так хромаешь? Ноги стерла? Вот дурочка, кто же на съемку приезжает на каблуках? Тут и без каблуков с ума сойдешь к вечеру!..

– Мила, а вы же артистка, да?

– Откуда ты знаешь?

– Мне Олег Аллилуев сказал.

– Артистка, – согласилась Мила. – Невеста без места. Я уж и забыла сто лет, что артистка!

– Мила, тебя Эмма ищет! – прокричали издалека.

– Иду! – отозвалась Мила. – Чего она меня ищет, пять минут назад поговорили.

– А почему вы не играете? – спросила Настя, едва успевая за ней. И тут же поняла, что сморозила глупость.

– Потому что негде мне играть, не берет меня никто, – легко сказала Мила. – Зато в кино работаю, видишь?

– А от кого это зависит? Кто не берет?

– От всех зависит, – сказала Мила в сердцах. – От продюсера, режиссера, кастинг-директора, оператора-постановщика! Артист самый последний человек, от него как раз ничего не зависит!.. Он только должен на съемке всю душу из себя вывернуть и предьявить камере. А если не душу, то еще что-нибудь – красоту, уродство, глупость или ум!.. Вот это от него зависит, а больше артист ничего не может. Только сидеть и ждать, когда позовут. Могут никогда не позвать.

– И что тогда делать? – серьезно спросила Настя.

– Другую работу искать, – тоже серьезно ответила Мила. – Я нашла, мне повезло.

Они взбежали на крыльцо, пропустив группу людей, навстречу попала давешняя сердитая тетка.

– Мила! Где ты есть, твою ж марусю, я тебя ищу! Режиссер тебя ждет! – загремела она.

– Я здесь, что нужно?

– Олег, вы Милу спрашивали!

– Я? – раздался откуда-то голос Аллилуева. – Я не спрашивал. Давайте еще раз по точкам, все по местам! И не ходите в кадре!..

Настя заглянула в комнату.

В небольшом помещении все было по-настоящему: бок голландской печки, диван, накрытый ворсистым пледом, на стене аляповатый пейзаж и – симметрично – немислимый натюр-морт с розами и сиренью. В середине стол, покрытый клеенкой, на столе ваза. Вокруг по полу проложены рельсы, по ним туда-сюда каталась камера. Еще одна камера на треноге смотрела на диван. На диване сидел человек в спецовке. Еще один стоял у него за плечом с листом белого пенопласта в руках и крутил его туда-сюда.

– Мила, пойдись сюда! – И Настина проводница, аккуратно перешагивая через провода и кабели, исчезла.

– А где режиссер? – шепотом спросила Настя у чьей-то спины.

– В той комнате, где мониторы, – непонятно ответила спина.

– Еще, еще свети! – кричали откуда-то. – Видишь, тени какие по переднему плану!

– Как по переднему?!

– Ну так!

Настя пошла по кабелям и проводам, которые загибались за угол. Здесь была еще одна комната, посередине раздвижной стол, плотно заставленный аппаратурой и мониторами. Боком приставлен другой стол со звуковым пультом. Вокруг этих двух столов сидело и стояло

человек пятнадцать. Все они, не отрываясь, смотрели в мониторы, которые показывали комнату с диваном.

– Еще один прибор за него, – говорил плечистый мужик в рацию. – Правый ближе. Еще ближе. Стоп, опять тень полезла. Возвращаем все обратно!

Рация гудела и трещала. На экране монитора прошли люди с треногами.

– Стоп! – вдруг громко приказал голос Аллилуева. – Вот так отлично. Больше ничего не трогать!..

– Оставляем?

– Да.

– Оставляем, – повторил мужик в рацию.

Тут все задвигались, разом заговорили, заспешили, Аллилуев, сидевший, как оказалось, перед центральным монитором, поднялся и стал выбираться из-за стола.

– Привет, – поздоровалась Настя.

Он оглянулся.

– Здорово. Ты давно приехала? Милу видела?

– Видела, – сказала Настя быстро. В данный момент ее совершенно не интересовала Мила. – Слушай, как тут все прикольно!

– Я сейчас сцену с артистами пройду, мы снимем, а в перерыве поговорим. Сейчас не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.